

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА

Р.Ф. ПАУФОШИМА

ФОНЕТИКА СЛОВА
И ФРАЗЫ
В СЕВЕРНОРУССКИХ
ГОВОРАХ

ИЗДАТЕЛЬСТВО "НАУКА"

Москва 1983

Монография посвящена исследованию явлений сегментной фонетики слова в зависимости от фразовых условий в говорах севернорусского наречия — проблеме новой и практически малоисследованной.

Ответственный редактор
член-корреспондент АН СССР
Р.И. АВАНЕСОВ

II $\frac{4602010000-153}{042(02)-83}$ 390-83-II

© Издательство "наука",
1983 г.

ВВЕДЕНИЕ

Тема этой работы — влияние фразовых условий на сегментную фонетику слова. Некоторые стороны этой проблемы затрагивались ранее [9, 55, 57, 13]. Одним из первых исследователей, обративших внимание на то, что фразовая позиция может быть благоприятной или неблагоприятной для реализации отдельных гласных фонем, был С.С. Высотский. В своей статье "Работы Е.Ф. Будде о рязанских говорах в свете новых данных" [23] он показал, что отмеченные ранее Будде дифтонги в рязанских говорах в конце фразы — дань фразовой позиции, а не свойства самих гласных. Это фразовые "накладки" на гласные. Позднее А.А. Реформатский назовет такой подход к исследованию фонетических явлений "уровневым анализом" [75] и выдвинет С.С. Высотского в число первых "уровневиков" — наряду с П.С. Кузнецовым [55, 57] и Э. Бенвенистом [9]. Сам А.А. Реформатский был приверженцем и страстным проповедником такого подхода к анализу фонетических явлений (см. [73, 74]).

В более поздней работе С.С. Высотского "Определение состава гласных фонем в связи с качеством звуков в севернорусских говорах (по материалам экспериментально-фонетического исследования)" [22] идеи, намеченные в работах 1949 г., применены на более широком диалектном материале.

В настоящей монографии рассматриваются следующие стороны фразовой фонетики в севернорусских говорах:

- 1) роль фразовых условий в реализации гласных под ударением, в том числе оптимальные фразовые условия для реализации дифтонгов;
- 2) фонетические явления на стыках слов (характер сандхи) в севернорусских говорах;
- 3) некоторые аспекты соотношения словесного ударения с интонационным контуром фразы. Кроме этих вопросов, непосредственно касающихся изменчивости фонетического облика слова в составе фразы, в работе рассматриваются фонетические явления, проявляющиеся и на словесном уровне и характерные для севернорусских говоров, такие, например, как эллипсис согласных, а также межслоговая ассимиляция безударных гласных.

Материал для исследования выбирался из магнитофонных записей окружающих русских говоров, как собственно севернорусских, так и тех, которые согласно современной классификации относятся к среднерусским окружающим говорам. Были использованы магнитофонные записи следующих говоров: из Архангельской области — д. Лампожня Мезенского р-на (запись О.Г. Гецово́й), сел Карногоры, Ваймуша и Кеврола Пинежского р-на (запись автора), д. Азаполье Мезенского р-на (запись Ю.С. Азарх); из Вологодской области — д. Куность Белозерского р-на, деревень Катромского сельсовета Харовского р-на (записи автора), д. Селищи Биряковского р-на (записи Л.Л. Касаткина); из Карельской АССР — с. Кажма Медвежьегорского р-на (записи С.С. Высотского) и с. Ладва Прионежского р-на (записи

Л.Л. Касаткина); из Ленинградской области — д. Усланка Подпорожского р-на (записи Л.Л. Касаткина); из Новгородской области — д. Перестово Окуловского р-на (записи автора) и из Калининской области — с. Ивановское Рамешковского р-на (записи автора).

В "Приложении" к монографии даны расшифровки текстов спонтанной диалектной речи из части перечисленных пунктов.

Основной массив текстов, которые приводятся в "Приложении", составляют расшифровки магнитофонных записей архаических говоров, сохраняющих и в наше время семифонемную систему вокализма. Это говоры из Харовского р-на Вологодской обл. Каждый текст представлен двумя видами транскрипции — упрощенной и детальной. Упрощенная транскрипция по существу является фонемной; для литеарации фонем используются буквы русского алфавита с добавлением двух знаков — ξ и ω , когда-то использовавшихся в русской графике. В этом упрощенном варианте транскрипции мы обозначали цоканье (*целовек, цай* и т.п.), отверждение конечных согласных (*мат стала ругат*), ёканье (*тёпло, будёт*), ассимилятивное смягчение задненёбных (*пецкя, цайкю*).

Детальная фонетическая транскрипция текстов основывается на принципах, сформулированных С.С. Высотским в работе [24].

Публикация письменных транскрипционных текстов диалектных фонограмм из фонотеки Лаборатории экспериментальной фонетики осуществляется впервые.

В подготовке текстов к публикации, а также в их подборе и транскрипции большое участие принимала Е.В. Щигель.

ПРОСОДИЯ ФРАЗЫ В СЕВЕРНОРУССКИХ ГОВОРАХ

Первое впечатление, создающееся при сплошной транскрипции спонтанной речи говоров, — это впечатление хаотического беспорядка. Кажется, что ни одно фонетическое явление не выступает в чистом виде, все находится в состоянии зыбкости и колебания. Так, в записях Харовского р-на Вологодской обл. нет четкого разграничения реализаций фонем ⟨ω⟩—⟨о⟩ (⟨Ъ⟩—⟨е⟩); наблюдаются значительные колебания в отношении степени палатализации согласных: мягкость, полумягкость, твердость согласных кажутся немотивированными; представляются беспорядочными колебания в выборе реализаций фонемы ⟨л⟩ ([л, l, w] выступают в беспорядочном смешении); столь же непоследовательно проявляется цоканье. Словом, все фонетические явления предстают как бы в состоянии какой-то неупорядоченности.

Однако тщательный анализ материала позволяет установить, что в этом якобы хаотическом беспорядке есть некая упорядоченность¹.

Оказывается также, что соприсутствие в тексте разнородных фонетических явлений вполне естественно. Поэтому транскрипции спонтанной речи, в которых все фонетические явления представлены в безысключительном виде, могут вызвать недоверие и подозрение в стилизации.

Можно выделить по крайней мере два фактора, определяющих вариативность фонетических реализаций в спонтанной речи. Во-первых, это билингвизм носителей говора, которым определяется проявление в их речи фактов двух сосуществующих языковых систем. Этот аспект проблемы достаточно широко освещался в диалектологической литературе.

Билингвизм проявляется, в частности, в психологической настройке говорящего на какой-то определенный тип произнесения. Так, в говорах, знающих фонетическую полумягкость согласных, эта степень палатализации может колебаться в широком диапазоне в разных участках текста: есть участки с более "твердыми" полумягкими согласными, есть участки с более "мягкими" полумягкими согласными. То же самое относится и к другим фонетическим явлениям. Например, в цокающих говорах цоканье в одних участках текста проявляется последовательно, в других — нет. Иными словами, носитель говора то настраивается на собеседника, говорящего на литературном языке (и тогда в его речи возникают фонетические явления, свойственные литературному языку), то забывает себя контролировать и переключается на привычную систему родного диалекта.

Второй фактор — это влияние фразовых позиций на фонетические явления. Этому вопросу и посвящена данная монография. Область эта — "фразовая", или "синтаксическая", фонетика — еще почти совсем не разработана: "Если с точки зрения отдельного слова фонетические позиции изучены до-

¹ С.С. Высотский указывал на то, что в речи нет факультативных фонетических явлений: мнимая факультативность всегда имеет свою обусловленность [21],

статочно хорошо, то изучение фразовых ритмико-интонационных позиций отдельного звука только начинается. Это изучение затруднено тем, что пока не существует сколько-нибудь полной и стройной теории ритма и интонации русской речи. В дальнейшем, по мере изучения ритмико-интонационных факторов и установления разных фразовых позиций, факультативность полученных вариантов во многих случаях может превратиться в позиционную обусловленность” [78, 43].

Вопрос о влиянии фразово-интонационных условий на фонетику в плане постановки проблемы затронут в фундаментальной работе С.С. Высотского ”Определение состава гласных фонем в связи с качеством звуков в северорусских говорах”. Он пишет: «Зависимость звукового облика слова от ритмико-интонационных условий фразы известна как литературному языку, так и говорам. В данном случае следует подчеркнуть, что существующие по говорам разновидности ”синтаксической фонетики” — интонации порождают соответственно и диалектное разнообразие возможностей варьирования фонетической структуры слова, если последнее оказывается в определенной позиции в составе так или иначе интонируемой фразы.

Однако известно, что и гласные ударенного слога в сильной части фразы, например в конце синтагмы или под логическим ударением, также более или менее отличаются от ударенных гласных слов, находящихся в других, слабых фразовых позициях.

Процесс деформации качества ударенного гласного параллелен изменению ”полновесного” слова в сторону образования проклитик или энклитик. Понятно, что предел этого изменения обусловлен не столько возможностями ритмической вариативности, сколько семантическим фактором >> [22, 10].

Когда Л.В. Бондарко, Л.А. Вербицкая, М.В. Гордина, Л.Р. Зиндер и В.Б. Касевич [12, 66] пишут о том, что ”речевая цепь обычно неоднородна, она образуется сегментами полного стиля произнесения и сегментами неполного типа”, то имплицитно здесь содержится установка на фразовую обусловленность фонетических реализаций.

Косвенным образом проблема фразовой фонетики затронута в кандидатской диссертации Н.Н. Розановой [76], которая показала модификации фонетического облика слов в зависимости от ритмического строения фразы в русской разговорной речи. См. также работу М.М. Галеевой [26].

Сопоставление разных реализаций одной и той же фонемы из разных участков текста спонтанной речи дает основание полагать, что во фразе есть ”светлые” и ”темные” участки для фонетических явлений.

На уровне плана выражения ”светлыми”, как правило, оказываются позиции под фразовым или синтагматическим ударением. В русской литературной речи это преимущественно позиция конца синтагмы или фразы, см. [16, 25]; об условиях переноса фразового ударения на начало фразы см. [48]; в тех же случаях, когда фразовое ударение подчиняется логическому и интонационный центр смещается с позиции конца синтагмы (фразы) в другой участок фразы, соответственно ”высветляется” именно этот участок.

Остальные участки фразы ”затемнены”, и слова, находящиеся в них, наиболее подвержены различного рода фонетическим деформациям — явления эллипсиса, редукции, ассимиляции наблюдаются в первую очередь именно в этих, ”темных” интонационно- и фразово-слабых позициях.

Оценка на слух севернорусской речи: архангельских, вологодских, кировских, пермских говоров — дает основание считать, что, в отличие от речи на русском литературном языке, здесь наблюдается отчетливая тенденция к усилению начала синтагмы и фразы.

Нетрудно проследить здесь параллелизм и с акцентной структурой слова в тех же говорах: начальный слог слова нередко получает в них дополнительное усиление.

Просодические характеристики фразы с точки зрения динамических (силовых) и темпоральных параметров будут рассмотрены ниже.

Здесь же следует обратить внимание на то, что исследователи фонетики живой речи отмечают, что фонетическая деформация слов наблюдается обычно в частотных словах и при быстром темпе речи [45, 91]. Это верно, но лишь отчасти. Частотные слова в сильной фразовой позиции, как правило, не деформируются.

Вот пример из русской разговорной речи: *Я [с'он'ь] чуть не перевернулась.* Слово *сегодня* частотное и находится в слабой фразовой позиции, поэтому в нем произошло выпадение последовательности CVC.

Во фразе: *Я [с'е^Иводи'нь] тебе позволю* слово *сегодня* находится под логическим ударением, здесь в этом частотном слове никаких фонетических потерь не наблюдается, фразовая позиция — сильная².

Итак, фонетические позиции как бы высветляются синтаксисом через интонацию.

С точки зрения актуального членения участки текста, выделенные фразовым ударением, как правило, воплощают рему.

Так, например, в высказывании: *тут Шубиха, Шубиха у нас была, я на Шубихе возьму и удавлюсь на березе* (Калининская обл., Рамешковский р-н) первое упоминание топонима *Шубиха* представляет собою рему, поэтому слово это, находясь в сильной фразовой позиции, произносится отчетливо, без каких-либо фонетических деформаций. При повторе то же слово оказывается в более слабой позиции, оно становится фонетически более уязвимым. Третья реализация того же слова манифестирует тему, фразовая позиция его еще более слабая. Поэтому реально этот текст был произнесен следующим образом:

(тут шуб'иха / шув'иха у на́з былá / ја на шуйх'е воз'му́ и удавл'ус' на б'ир'оз'е). В этом отрезке текста в слове *Шубиха* представлены разные степени деградации звонкого смычного губного.

Во фразе: *раньше [пл'ёбса] были* (Волог. обл. Харовск. р-н) интонационным центром является слово *пlesa*. Соответственно фразовая позиция для фонетической оболочки этого слова — сильная, ср. его произнесение: *раньше [пл'ёбса] были.*

Во фразе: *а лес, говорит, пригibasь к самой земле* рематическая группа — *пригibasь к самой земле* выделена более отчетливым произнесением, замедленным темпом. Это способствует фонетической отчетливости составляющих группу слов: *приг'ибáлс'е к сáмоу з'емл'и́е.*

² Можно привести еще такой пример. А. Райкин в телевизионном фильме "Волшебная сила искусства" произносит известную реплику: "Меняться бум?" Комический эффект достигается исключительно за счет того, что слово "будем" в аллегорической форме бум "пересажено" из "темного" участка фразы, где оно вполне уместно, в "светлый" участок, и там оно выглядит нелепо.

В спонтанной севернорусской речи весьма распространены повторы, причем могут повторяться как отдельные слова (ср. выше *Шубиха*), так и синтагмы, и целые фразы. При этом при повторе фразовая позиция для составляющих его слов всегда более слабая, чем при первом произнесении. Ср.:
и 'эбо да вода́ / и 'эво да вода́,

или

ја сама́ пришл а́ // кору́ѡу дойт́ // доју́ кору́ѡу //

Слово *корову* в первом случае произнесено более громко и соответственно с более отчетливым дифтонгом, чем во втором.

Во фразе: *Были такие поменше (гармошки) / назывались балаго́лк'и // балаго́вки эти были очень шибкиё* — слово *балаголки*, повторенные в третьей синтагме, несколько изменило свой фонетический облик, фонема <л> реализуется в [w].

Сильная фразовая позиция, благоприятная для сегментного состава слова, как правило, сопровождается и более яркими суперсегментными характеристиками. Не рассматривая в данной монографии вопросы, связанные с мелодикой речи, остановимся только на некоторых аспектах динамического и темпорального строения разных участков фразы.

Информативно более весомые участки фразы, как правило, произносятся более громко и замедленно. Впрочем, в разных речевых ситуациях на первый план может выходить то динамическая, то темпоральная характеристика.

ДИНАМИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ФРАЗЫ

Слуховые впечатления о более сильном начале фразы в севернорусских говорах были проверены инструментально.

Для замеров интенсивности в разных участках фразы использовался прибор РИ-58 отечественного производства. Измерения производились следующим образом: речевая последовательность, в которой реализуется фраза, разбивалась на равные участки длительностью по 100 миллисекунд. Затем измерялась интенсивность каждого участка в децибелах. Полученные значения наносились на графики, которые приведены на рис. 1—11.

Приведенные графики позволяют проследить, что почти во всех случаях фразовая дуга силы имеет отчетливо выраженную тенденцию к усиленному началу; конец фразы по преимуществу оказывается ослабленным.

В тех случаях, когда синтагма состоит из одного слова, начальный слог его получает акцентное усиление, если ритмическая структура слова допускает такое усиление (см. об этом подробнее ниже). Ср. примеры:

Берегли муку-то? [б'ёр'егл'и́]. Кольца брякнут / [у́ дуг'и́].

В пецкю поставят / [ск'ип'ет'ёат].

То же явление отмечается и в многословных синтагмах:

Оно так-то / [б'ёз м'ёлу-то / н'ё поид'ёот].

Однако общая дуга фразовой интенсивности получает конкретные уточнения, связанные с местом акцентной выделенности, которая в свою очередь отражает актуальное членение. Поэтому естественны "всплески" интенсивности на фоне общего сильноначального и слабоконечного динамического контура. Слуховые впечатления о более "громких" и "тихих" участках фразы могут быть переданы знаками, принятыми в нотной грамоте *f* и *p*, при-

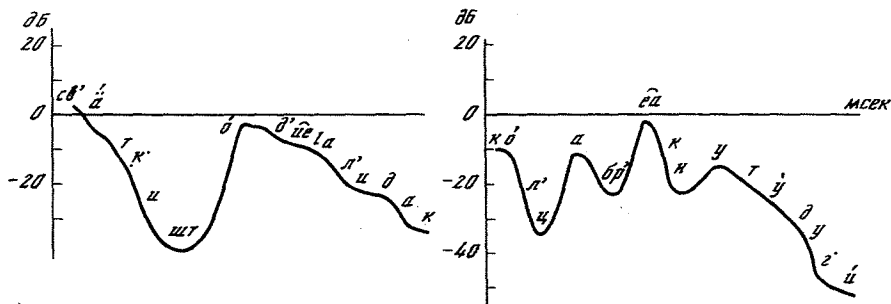

Рис. 1. График движения интенсивности во фразе: *В святки што делали дак*

Рис. 2. График движения интенсивности во фразе: *Кольца брякнут у дуги*

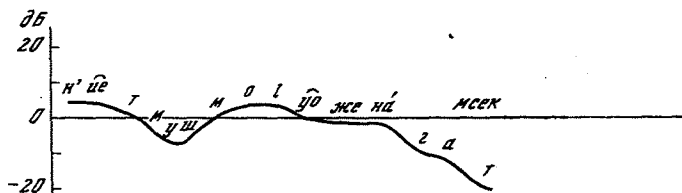

Рис. 3. График движения интенсивности во фразе: *Нет, муж моложе на год*

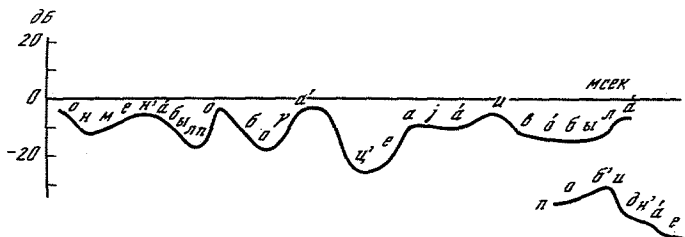

Рис. 4. График движения интенсивности во фразе: *Он меня был побогаче, а я его была победняе*

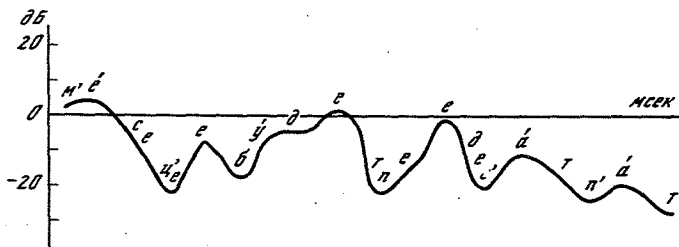

Рис. 5. График движения интенсивности во фразе: *В этом месяце будет пятьдесят пять*

чем можно с помощью этих символов детализировать разные градации громкости, например, *ff* – самые громкие участки, *pp* – наиболее тихие. В таком случае образцы транскрипции будут выглядеть следующим образом:

[kò'okol'ц'й забр'áгаиут дак / в' ёгои' сторон'ё жен'ус']

[w св'атк'и што д'й'елал'и д'эк]

[kól'ц'а бр'акнут / у дуг'и]

[говор'у / матушка // ja нашла' вора]

[mácla // намазъл'и на хл'ёб да]

[a: ja род'иá // д'оц'к'у]

[rán'ше пл'ёса был'и]

Столь подробная динамическая нотация в значительной степени перегружает транскрипцию, поэтому в дальнейшем изложении мы будем прибегать к ней только в некоторых случаях; в большинстве примеров будет отмечаться громкость только тех участков текста, которые подвергаются непосредственному анализу.

Ниже приводятся данные по распределению интенсивности в пределах фразы из разговоров Харовского и Биряковского районов Вологодской области. Из числа примеров для анализа были сознательно *исключены* вопросительные, восклицательные и побудительные предложения. Таким образом, в поле нашего зрения были включены повествовательные предложения из монологических текстов и реплики-ответы на вопросы из диалогических текстов.

Когда это было? –

– Двадцать пятого апреля.

д^в а а_ц ц_ь т п'а а_т т_о а п р'е л'ь
-4 +3 -11 5-9 -25 +2 -5 -3 -2 -25 -20 -25

Наш дом был не очень-то хороший, а здесь был дом хороший.

на а жд о^ом мб ы л н'е о о ц'
-9 -2 -15 0 -6 -14 -11 -13 -14 -5 -2 -25

ен' то х ору^о ш ш'и з'д' д'е е з'б^в б^вы
-14 -13 -25 -18 -22 -22 -6 -18 -20 -9 -11 -15

лд о^ом хо ру^о ш э_ц
-19 -2 -11 -10 -18 -25 -19

Сколько Вам лет? –

– В этом месяце будет пятьдесят пять.

м'е	ес'	с'е	ц'	ц'е	е	бу	уд'	д'е	т	п ^б	е ^И
+1	+3	-8	-22	-8	-19	-6	-5	0	-24	-16	-0,5
с'	с'а	а ^Г	тп	е	е ^Г						
-22	-11	-15	-25	-20	-25						

Очень даже хорошо

о	о	ц'	ьн'	да	а ^Ж	ж ^б	х ^б	ьр ^ь	ьш	ш	ь ³
+3	+3	-13	-4	+3	+2,5	-2	-4	-3,5	-15	-25	-25

Он пришел сватом

о	нп	пр'	и ^Ш	шо	о	лс	св	ва	а	т	о	м
-1	-14	-19	-20	-16	-5	-22	-25	-8	-4	-25	-11	-15

Он меня был побогаце, а я его была победняе.

о	нм'	м'е	н'а	бы	лп	По	б	о	уа	а
-5	-14	-11	-6,5	-9,5	-18	-3,5	-15	-18	-5	-4

ц'	ц'е	е	а	ја	а ^И	и ^В	о	Об	ы	ла
-25	-25	-10	-10	-10	-5	-11	-13	-14	-14	-5,5

п	Об	б'и	дн'	н'а	а	е
-25	-22	-18	-22	-22	-25	-25

– Он был старше? –

– Нет, муж моложе на год.

н'и	ет	му	уш	мо	ол	лу	ож	ен	на	а ^Г	га	а ^Г
+3	+3	0	-9	-1	+3	+3	0	-1	-1	-9	-11	-17

– Ну, вздумали мы вместе пожить с ним.

ну	у	Уз	д	у	Ма	л'и	м	мы	ы	м'и	и ^е
-8	-12	-18	-20	-5	0	-2	+2	-3	-18	-11	-8
с'	г'	е	е	по	ж	жы	т с' н' им				
-25	-25	-14	-25	-10	25	-22	-25				

Колокольцы забрякали, так в этой стороне женюсь.

ко	ол ⁰	ок ⁰	ол'	ц'и	и ³	за	а	аб	р'а	а ^{га}
+1,5	+2,5	-2,5	-2	-11	-7,5	-6,5	+0,5	-3	+1	-4
л'идак	вэ	тэ	ис	ть	р'ьн'	н'е	е ^Ж	жа	ан'у	ус'
-3,5	-1	0	-4,5	-4	-5	-1	+2	-3,5	-5,5	-6

Кольца брякнут у дуги.

ко	л'ц'	ц'а	бр'	еа	кн	нут	у	ду	г'	г'и
-4	-17,5	-4,5	-11	-0,5	-11,5	-6,5	-7,5	-9	-19	-20

В святки што делали дак.

св'а	а	тк'	и	шт	о	д'и ^е	ла	л'и	дак
+1	-3	-25	-15	-20	+0,5	-3	-4	-9,5	-9

³ Здесь под ударением гласный. типа [ъ].

Она уж жи́ла́ вот то́же те́перь до́м е́е на за́дах.

а	на	ау	уж	жы	ла	а ^в	о	т	о	же	то
-7	-4	-5	-7	-10,5	-2	-6	-6	-25	-14	-13	-19
ге	р'	до	о ^м у	уы	ена	за	а ^д а	а	х		
-7	-15	-11	-18	-16	-12	-13	-9	-20	-25		

У е́е ни́когда дро́в не бы́ло.

у	ие	ени	и ^к	о	да	др	о ^в	вн'	еи	бы
-14	-8	-10	-16	-4	-2	-10	-5,5	-14	-12	-20
ыл	ла ^б									
-18	-23									

Я по́шлю те́тушку сво́ю.

ја	а ^п	пу	ш	л'у	у ^т	ге	о	ту	ш	ку
-3	-10	-16	-25	-10	-20	-11,5	-9	-22	-25	-23
с	во	ју								
-25	-18	-23								

Он по́слал те́тушку, те́тушка при́шла.

он	нп	о	о ^с	ла	л	т'и	о	о ^т	уш	ш	ку
+1	-11	+2	-9	+2	-7	-15	-5	-15	-8	-25	-10

Анализ приведенного выше материала показывает, что начало фразы и синтагмы всегда сильнее (интенсивнее) конца. Разница в физической интенсивности между этими участками фразы может достигать 23 дб, если сравнивать только интенсивность ударных гласных слов в начале и в конце фразы. Самые слабые участки – в конце фразы.

Завершение неконечной синтагмы может быть довольно интенсивным, но оно всегда слабее, чем начало той же синтагмы.

Если в начале фразы, синтагмы просодия слова обнаруживает некоторую независимость от просодии фразы, т.е. слово в какой-то мере сохраняет свои динамические и темпоральные характеристики, присущие ему и в независимой позиции (в изолированном произношении), то в конце фразы динамические характеристики слова оказываются полностью подавленными просодией фразы. Ср. следующие примеры слов из конечной позиции:

а	п	р'е	л'ь							
-2	-25	-20	-25							
х ^б	ьр'ь	ьш	ш	ь						
-4	-3,5	-15	-25	-25						
п	о ^б	б'и	дн'	н'а	а	е				
-25	-22	-18	-22	-22	-25	-25				
у	ду	г'	и							
-7,5	-9	-19	-20							
с	во	ју								
-25	-18	-23								
на	за	а ^д а	а	х						
-12	-13	-9	-20	-25						

Во всех этих случаях динамика слова — нисходящая: ударный гласный, оказываясь в самом исходе фразы, становится слабее своих безударных предшественников; иногда это приводит и к искажению его тембра (ср. х р шь). Схематическое изображение дуги силы см. на рис. 12.

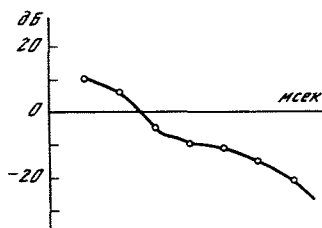

Рис. 12. Схематическое изображение дуги силы фразы

Эта кривая видоизменяется, когда информативно значимые слова размещаются в малоинтенсивных участках фразы. Но при этом уровень интенсивности выделенных слов испытывает давление фразовой интенсивности: информативно значимое слово в конце фразы значительно уступает по силе аналогичным словам, находящимся в начале фразы.

В наших опытах, результаты которых приведены выше, измерениям подвергалась физическая интенсивность разных участков фразы. В акустике известно различие между интенсивностью (силой) звука и громкостью, т.е. восприятием этой силы человеческим слуховым аппаратом. О соотношении этих характеристик см. [34, 101].

Шкала уровней равной громкости, приведенная Л.Р. Зиндером, свидетельствует о том, что в речевом частотном диапазоне резких расхождений между интенсивностью и громкостью не наблюдается, поэтому вполне допустимо в работах по фонетике пользоваться только измерениями уровня силы. Эта физическая характеристика, как более доступная фиксации приборами, и использовалась в работе.

Предпринятое исследование динамических характеристик фразы позволило установить, что с точки зрения интенсивности конец фразы в севернорусских говорах не может являться сильной позицией для слова. Усиленным в этих говорах оказывается начало фразы.

ТЕМПОРАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ФРАЗЫ

Исследование темпа речи, проведенное ранее на материале из Харовского р-на Вологодской обл. [68]⁴, показало, что этим говорам, — а они с точки зрения речевого темпа типичны для всех севернорусских говоров, — свойствен ускоренный темп речи. Вологодские говоры сравнивались в отношении темпа с говорами из Рязанской и Владимирской областей. Это исследование показало, что для вологодского говора средним темпом речи — по данным пяти дикторов — является скорость 17 звуков в секунду, т.е. при таком темпе средняя длительность звука речи составляет около 60 мс. При ускоренном темпе те же дикторы могут произносить по 21–22 звуков в секунду (средняя длительность одного звука — 46–48 мс), при за-

⁴ Сведения о темпе спонтанной речи были получены путем измерения количества звуков, произносимых диктором в единицу времени.

медленном — 12–14 звуков в секунду (средняя длительность звука — 71–83 мс).

Говоры из Рязанской и Владимирской областей в отношении характерного для них темпа обнаруживают большое сходство. Средний темп речи по данным пяти дикторов из д. Елховки Владимирской обл. составляет 12 звуков в секунду (средняя длительность одного звука — 83 мс); максимальные значения темпа речи в этом говоре — 15–16 звуков в секунду — при средней длительности звука 63–66 мс. Приблизительно такой темп речи является нормальным для говора из Вологодской обл. Замедленные отрезки речи владимирского говора могут произноситься со скоростью 8–10 звуков в секунду при средней длительности звука 100–125 мс.

В говоре д. Деулина Рязанской обл., по данным пяти дикторов, средний темп речи составляет 12–13 звуков в секунду, т.е. средняя длительность одного речевого звука равна 77–83 мс. Минимальное значение темпа речи в этом говоре — 9–10 звуков в секунду, максимальное — 14–15 звуков в секунду⁵.

Из приведенных данных следует, что вологодский говор существенно отличается по темпу речи от владимирского и рязанского, а также и от русского литературного языка: темп речи в нем наиболее высокий.

При этом, как и в любой другой речевой системе, в пределах фразы наблюдаются существенные колебания по темпу. Если динамические характеристики фразы, как было показано, оказываются в значительной мере обусловленными фразовой просодией и говорящий лишь относительно свободен в усилении того или иного участка фразы (информативно значимые слова в конце фразы слабее, чем в начале и середине), то в отношении темпа речи положение слова во фразе не настолько зависимо: здесь "командует" семантика. Информативно значимые слова, как правило, произносятся при замедленном темпе, менее важные участки фразы проговариваются ускоренно.

Замедление темпа может затрагивать не все звуки слова. Неоднократно наблюдалось такое явление: при сохранении длительности ударного гласного постоянной, длительность безударных гласных варьирует; то же самое происходит и с согласными. Ср. следующий отрывок текста:

Я пошлю тетушку свою. Он послал тетушку, тетушка пришла, место посмотрела и говорит ... (Харовский р-н, Вологодская обл.).

Слово *тетушка*, повторенное трижды в этом контексте, имеет разные темпоральные характеристики:

1) г'	е	о	т		ь	ш	к	у
100	51	75	83		35	110	50	44
2) г'	е	е	о	т	у	ш	к	у
100	36	35	46	85	72	100	90	150
3) г'	е	е	ь	т	ь	ш	к	а
100	67	54	41	38	54	85	53	63

⁵ По данным сотрудников кафедры фонетики ЛГУ, средняя длительность звука в русском литературном языке колеблется в диапазоне от 72 до 120 мс (ЛЭФ ЛГУ, отчет по теме "Ключевые звуки русской речи", Л., 1958). Следовательно, владимирский и рязанский говоры практически не отличаются в этом отношении от литературного варианта русского языка.

В первых двух случаях длительность ударных гласных приблизительно совпадает, зато значительны различия между заударными сегментами слова: сильной количественной (и качественной) редукции подвергается у в 1-м заударном слоге в первом произнесении, в то время как во втором произнесении этот гласный довольно длителен и сохраняет присущий ему тембр. Сильную количественную редукцию испытывает конечное у в первом произнесении, а во втором конечное у растянуто и превышает по длительности гласный ударного слога.

Вероятно, удлинение конечного заударного слога связано непосредственным образом с интонацией, а именно с интонационным оформлением незавершенности. В исследуемых говорах повышение тона в конце неконечной синтагмы, как и при вопросе, имеет место и на безударных слогах [15]; очевидно, это и вызывает замедление всей заударной части слова.

В третьем произнесении растянут гласный ударного слога. Это и понятно, ведь он — первый в синтагме! Заударная часть произнесена в "нормальном" темпе, без ускорения или замедления. При этом у в первом заударном слоге испытывает качественную редукцию: [ʏ].

В конце фразы, в зависимости от семантической нагрузки, темп может замедляться, что сказывается на растяжении ударного гласного, ср. примеры:⁶

Только зашла в этот [сосн'ѣак] ([ѣа̂] — 150 мс) [а сосн'аг = от] ([а̂] — 130 мс) по обе стороны;

А [п'ѣез] ([ѣѣ̂] — 128 мс) говорит, пригнулся к самой [з'емл'ѣ] [ѣѣ̂] — 250 мс).

Однако сама по себе позиция конца фразы не создает условий для замедления темпа, ср., например:

Зашла в этот [п'есѣк] ([ѣ] — 86 мс)

Давай, говорит, сделаем [полотнуѣ] ([уѣ] — 104 мс);

А я родила [дѣц'к'у] ([ѣ] — 93 мс);

Сѣгод ягод будѣт [мноѣго] ([ѣ] — 92 мс);

Пошла на другой [д'ен'] ([ѣ] — 80 мс);

Тут от [ов'ѣц] ([ѣ] — 96 мс) вот такая выбежала

И с горбом скотина, пробежала и [з горбом] ([ѣ] — 87 мс);

Говорю, матушка, я нашла [вѣра] ([ѣ] — 58 мс);

Ну, меня-то дома-то [нѣ было] ([ѣ] — 84 мс);

я пришла, поглядела, а нас сухарей-то [н'ѣту] ([ѣ] — 110 мс);

Масла намазали на [хл'ѣб] да ([ѣ] — 102 мс).

Длительность ударных гласных в замедленных участках фразы может превышать длительность гласных того же тембра из ускоренных участков в произношении одного и того же диктора:

1) [мáсла] ([á] — 162 мс) // [намáзал'и] ([á] — 78 мс) на хлеб да;

2) Я сперва-то подумала, что [к'уѣн'ѣц] пасут; ([уѣ] — 178 мс);

Давай, говорит, сделаем [полотнуѣ] ([уѣ] — 104 мс);

Наш дом был не оцень-то [хорубшыя] (уѣ) — 96 мс);

Хлеба дали [хорубшово] ([уѣ] — 197 мс);

Я была сорока пяти [годуѣw] ([уѣ] — 93 мс);

Мой Саша стал шести [годуѣw] ([уѣ] — 130 мс);

⁶ Все примеры из записей говоров Харовского р-на Вологодской обл.

3) А [л'йёс] ([йё̂] – 128 мс), говорят, приг^ибался к самой [з'ёмл'йё̂] ([йё̂] – 250 мс);

Он богаче^е меня, а я [разб'йедный] ([йё̂] – 202 мс) [целов'йёк] ([йё̂] – 90 мс);

4) Ну, меня-то [д'ома-то] ([р̂] – 106 мс) не было;

Я поехала из [д'ому] ([о̂] – 140 мс);

Щера видела [с'он] ([о̂] – 86 мс);

Свицка горела на [с'осн'е] ([о̂] – 136 мс);

5) У ее никогда дров [н'е^и было] ([е̂^и] – 120 мс);

Ну, меня-то дома-то [н'е^и было] ([е̂^и] – 64 мс);

6) Вот в загороде [рост'еот] ([е̂о] – 100 мс);

Раньше [пл'ёдса] были ([ё̂о] – 319 мс);

Какая трава от цего [ид'ёот] ([ё̂о] – 119 мс);

[пр'ид'ёот] там десять человек ([ё̂о] – 85 мс);

[ид'ёот] тамо-тка сноха ли мат ли ([ё̂о] – 102 мс);

Полотенце [нес'ёот] ([ё̂о] – 212 мс);

7) Оне только [сп'еат] ([е̂а] – 187 мс);

[ог'еат] он пришел ([е̂а] – 97 мс);

А на этом [пор'еатк'е] ([е̂а] – 202 мс), а на этом [пор'еатк'ъ] ([е̂а] – 156 мс) все стекла перелопали от жару;

А я была видно такая, что не [с'еаду] ([е̂а] – 194 мс);

Моего мужа [вз'еал'и] в армию ([е̂а] – 105 мс).

Итак, исследование некоторых темпоральных характеристик фразы в севернорусских говорах показало, что:

1. При общем ускоренном темпе речи, свойственном севернорусским говорам, отдельные участки фразы могут проговариваться з а м е д л е н н о. Другие участки, напротив, могут произноситься с еще более у с к о р е н н ы м, чем обычно, речевым темпом.

2. Замедление темпа может затрагивать группу слов, одно слово или только его отдельные сегменты. Иногда замедляется, растягивается только ударный слог, иногда – заударная часть слова (например, при восходящей мелодике, оформляющей завершение неконечной синтагмы).

3. Контраст по длительности между замедленными и ускоренными участками фразы может быть довольно большим; разница в длительности ударных гласных из этих участков может достигать 100% и более.

4. Фразовое варьирование по длительности отмечено у всех гласных.

Как же быть с утверждением о том, что позиция конца фразы – сильная, что здесь "нормально" локализуется фразовое ударение? Это утверждение повторяется из работы в работу и механически переносится на диалектный материал.

Для литературного варианта русского языка объяснение находим в работах Т.М. Николаевой. Согласно ее данным, конечная часть фразы характеризуется замедлением темпа, т.е. более растянутыми временными характеристиками. Однако во фразе выделяется не только конец, но и начало. При этом начало выделено громкостью, конец – темпом. "При слуховом восприятии эти два центра (при компенсации и неразличении параметров) могут казаться равно выделенными: неискушенный слух отмечает "ударение" вообще, не различая, акцентное оно или временное" [61, 155]. Следовательно, феномен фразового ударения имеет и динамическую, и временную природу.

Так обстоит дело в русском литературном языке. К этому следует добавить, что спонтанная речь на русском литературном языке с этой точки зрения не исследовалась.

На материале диалектной севернорусской речи нам не удалось обнаружить непременного замедления темпа речи в конце фразы (возможно, что это свойственно и вообще спонтанной речи, а не только диалектной). Как уже было отмечено, темповое выделение сопровождается информативно значимые компоненты фразы, а их размещение во фразе может быть достаточно произвольным. В ряде случаев они могут оказаться и в конце, но это вовсе не обязательно. Так, во фразах: *А лес, говорит, пригубался к самой земле; Так и узнали, что какая трава от цевы идет; Там вот сколько целовек видало, что все свицкя горела; Мой Саша стал шести годов; Отец меня свой жалел; Тут от овец вот такая выбежала и с горбом скотина* заключительные слова замедлены по темпу (что способствует оптимальной реализации ударных гласных в дифтонгах). Это и создает эффект фразового ударения в конце фразы, хотя по интенсивности эти участки достаточно слабы.

Гораздо больший массив составляют фразы, где конечные участки не сопровождаются замедлением темпа:

*Говорю, матушка, я нашла вора;
Ну меня-то дома-то не было;
Он богатея меня, а я разбедный целовек;
А в чистой понедельник не было;
Ушли, меня мат стала ругат;
Я все держусь закона, закона;
Я жила со свекровушкой двадцать семь лет;
Масла намазали на хлеб да;
Я пришла поглубила, а у нас сухарей-то нету;
Ну я обрадовалася, что этого вора поймала;
Грибов набрала в корзину;
Им так показалось: страшно;
Ну, вздумали мы вмисте пожить с ним.*

Этой тенденции — не усиливать конец фразы замедлением темпа и не нагружать его фразовым ударением — возможно, отвечает характерное для севернорусских говоров размещение в конце фразы семантически "пустых" слов — частиц, союзов. Ср., например:

*В святки что делали дак;
Масла намазали на хлеб да;
А бела-та мука была дак;
Красивые были пироги, пшонишные вот;
Баскиё-то узды и надинет на лошадь-ту;
А уж женщины прядут дак;
Клали это уже на столе уж;
Вот что делалось дак.*

Итак, две рассмотренные просодические характеристики фразы — интенсивность и темп — оказываются неравнодействующими и достаточно независимы друг от друга.

Как было показано, дуга силы фразы является, как правило, заданной. Ее трансформации, обусловленные семантикой, все же подчиняются общей закономерности — начало фразы сильное, конец — слабый.

Темп речи представляется более независимым и находится всецело на службе семантики. Информативно важное слово независимо от позиции во фразе выделяется временными характеристиками.

Какие же участки фразы оказываются выделенными с помощью этих характеристик? Иными словами, где следует искать сильные позиции для фонетических явлений?

Часто исследователи связывают акцентную выделенность с проекцией актуального членения на фразу. Однако нередко материал спонтанной речи оказывает сопротивление такому подходу. Это очень аргументировано показано в книге О.А. Лаптевой [59]. Она пишет: "При анализе текста отнесение той или иной части фразы к составу данного или нового производится интуитивно и оставляет возможность иной интерпретации — как в установлении составов, так и в их случайной характеристике. Имеющиеся расхождения не случайны" [59, 248]. "Думается, что релевантным для единицы актуального членения оказывается только один признак — относительная степень коммуникативной (информативной) нагрузки. В этом смысле компоненты актуального членения принципиально не различаются" [59, 250].

О.А. Лаптева предлагает по признаку коммуникативной (информативной) нагрузки выделять во фразе **к о м м у н и к а т и в н ы й ц е н т р**. Таких центров, по мнению исследователя, во фразе может быть несколько. Естественно, что они не связаны между собою отношениями бинарности.

Предложенный О.А. Лаптевой термин "коммуникативный центр" нам представляется весьма удобным и достаточным для обозначения информативно важных участков фразы.

Следовательно, **с и л ь н ы м и п о з и ц и я м и** для слов в составе фразы оказываются:

1) **Н а ч а л о ф р а з ы**; фонетические характеристики слова на этом участке выражены ярко, ритмико-динамическая структура реализуется достаточно независимо от просодии фразы, деформаций фонетического облика слова не наблюдается.

2) **Р е а л и з а ц и я к о м м у н и к а т и в н о г о ц е н т р а** в слове. В этом случае слово может находиться в любом участке фразы. Если коммуникативный центр располагается в конце фразы, то его выделение достигается только темпоральными средствами. При этом нередко выделенным оказывается только ударный слог, или предударная часть слова + ударный слог, а заударная часть может быть фонетически ослаблена и деформирована.

В других участках фразы выделению коммуникативного центра способствуют обе просодические характеристики — и силовая, и темпоральная.

С л а б ы м и п о з и ц и я м и для реализации фонетического облика слова во фразе оказываются **к о м м у н и к а т и в н о н е з н а ч и т е л ь н ы е**, мало нагруженные информативно участки. Сюда же, видимо, можно отнести и **п о в т о р ы**. Именно в этих позициях происходят различные деформации фонетических оболочек слов, но в этих деформациях, возможно, таятся ростки будущих фонетических изменений.

ЗАВИСИМОСТЬ РЕАЛИЗАЦИИ ГЛАСНЫХ НЕВЕРХНЕГО ПОДЪЕМА ОТ ФРАЗОВЫХ ПОЗИЦИЙ В СЕВЕРНОРУССКИХ ГОВОРАХ

В этом разделе монографии приводятся результаты исследования реализации гласных неверхнего подъема в разных участках фразы.

Объектом исследования послужили в основном гласные среднего подъема, участвующие в реализации фонологического противопоставления фонем ⟨ω⟩—⟨о⟩ и ⟨Ѣ⟩—⟨е⟩, поскольку звуковые воплощения именно этих фонем располагаются в наиболее широком тембральном диапазоне: "Некоторое растяжение и усиление ударенного гласного в конечных фразовых позициях слова, а также внутри фразы под влиянием ритмико-интонационного фактора менее всего деформирует тембр основного вида г л а с н ы х н и ж н е г о и в е р х н е г о п о д ъ е м а" (разрядка моя. — Р.П.). [22, 14].

Растяжение и усиление ударенных гласных среднего подъема с его повышенными и пониженными разновидностями от средне-верхнего до средне-нижнего подъема в отдельных фонетических системах может породить диалектные различия.

Материал для анализа был выбран из магнитофонных записей Харовского и Биряковского районов Вологодской области, в фонологических системах которых еще живо противопоставление семи гласных фонем.

В этих же говорах отмечена реализация фонем ⟨а⟩ и ⟨о⟩ после палатализованных согласных в виде дифтонгов [éа] и [éо] (см. [44]). Зависимость фонетических воплощений этих гласных от фразовых условий также стала объектом исследования в данном разделе монографии.

РЕАЛИЗАЦИЯ ФОНЕМ ⟨ω⟩—⟨о⟩ ⟨Ѣ⟩—⟨е⟩

В первую очередь интерес представляли колебания тембра гласных неверхнего подъема в разных позициях фразы.

Поскольку исследовались, наряду с монофтонгами, и дифтонги — [yó], [ié], [éа], [éо], то были рассмотрены также и соотношения их фаз по длительности и по силе в разных участках фразы; эти характеристики в свою очередь сопоставлялись с соответствующими данными относительно монофтонгов.

В сильных фразовых позициях фонемы ⟨Ѣ⟩ и ⟨ω⟩ реализуются в ярко выраженных дифтонгах. Эти позиции как бы способствуют "расцвету" дифтонгической природы гласных. В слабых фразовых позициях, напротив, дифтонги "угнетены", там наблюдается их деградация. В слабых ("темных") синтаксических позициях дифтонги вырождаются в дифтонгоиды и даже в монофтонги.

Проследим сказанное на примерах.

Реализации фонемы ⟨Ѣ⟩ в сильных фразовых позициях:

ff   f

А лес, говорит, пригибался к самой земле.
[а л'ез говр'йт / пр'иг'ибалс'е к сáмоу з'емл'и́е]

ff

А это, девушка, доброхотушка¹ тебе показался.
[а ёто // д'и́евушка // доброхóдушка тоб'и́е показáвс'е]

¹ Доброхотушкой в говорах Харовского р-на называют домового.

Я пришла, поглядела, а у нас сухарей-то нету.
[ja пр'ишлá / погл'ид'íla // а у нас сухар'ей то н'йету]

Я над тобой чего-то сделала.
[ja нат тобои ц'евó-то зд'йelala]

Да и то, грех.
[да и то / гр'йех]

В суп свежу клали капусту.
[w суп св'йежу клáл'и капусту]

Лучше нынешних белых запах-то был.
[луц'е нон'ешн'иу б'йелых / запах-од быw]

Она уже поспела.
[она уже посп'йela]

На моем веку было дело.
[на мојом в'еку / было д'йelo]

А у хлеба уж побольше.
[а у хл'йеба уш побóльше]

А белые были только на одни праздники.
[а б'йелијо был'и тол'к'о на одн'и празн'иц'и]

При максимально благоприятных фразовых условиях дифтонг [йе] фактически превращается в полифтонг с плавно переходящими от одного к другому оттенками тембра, охватывающими всю шкалу изменений гласного — от верхнего подъема до нижнего. Таким образом, дифтонг [йе] развертывается в

и
и
е
е
е
а
а

Замечательно, что такой полифтонг при прослушивании непрепарированной сегментатором спонтанной речи воспринимается как хороший дифтонг [йе]:

Отмечено также большое количество дифтонгов без такой полной гаммы тембров, т.е. "классических" [йе], в таких случаях, как:

В святки что делали дак.
[w св'áтк'и што д'йelал'и дак]

Ну, девушка, доброхотушка я нагляделася.
[ну дй'еvушка / доброхóдушка ja нагл'ед'elac'е]

ff
Нет, муж моложе на год.
 [н'и́ет / муш мо́лоуже на́ гат]

f
А в лице дак со всех сторон жили.
 [а в л'и́с'е дак со в с'и́ех сто́ро́н жы́л'и]

fff f
Масла намазали на хлеб да.
 [ма́сла намаза́л'и на хл'и́еб да]

f p
Давай, говорит, сделаем полотно.
 [дава́й гово́р'ит /зд'и́ела́м по́лотну́д]

Отец меня свой жалел.
 [от'е́ц' м'ен'а́ сво́й жа́л'и́еу]

И толькё-то? Хорошее дело.
 [и то́л'к'о-то? хо́рушо́до д'и́ело]

В некоторых случаях дифтонг переднего ряда может начинаться не с самой верхней ступеньки подъема и таким образом не вся шкала переходов тембра переднего ряда оказывается охваченной; в таких случаях фонема <Ъ> может реализоваться в гласных [е̞е̞], [е̞е̞а] и т.д. (см. об этом также [22, 16]).

Для восприятия гласного [и̞е̞] как дифтонга необходимо, чтобы первая его фаза — верхнего подъема — была достаточно длительной. Классическое соотношение фаз дифтонга по длительности — 50% и 50% — при замедленной реализации гласного может быть нарушено в пользу второй фазы.

Ср., например, график смены тембра в составе полифтонга из словоформы [з'емл'и̞е̞]:

и	—	е	—	е	—	а
78		30		54		93

Фаза верхнего подъема здесь составляет всего лишь 30% общей длительности гласного, однако абсолютная длительность [и̞] достаточно велика, чтобы быть заметной при суммарном восприятии гласного.

Более обычным для дифтонга [и̞е̞] является примерно равное соотношение фаз по длительности, например:

Сухарей-то [н'и̞е̞ту] ([и̞] — [е̞] — 65—50 мс);
Я [разб'и̞едный] человек ([и̞] — [е̞] — 102—100 мс);
Всё свицкя [гор'и̞ела] ([и̞] — [е̞] — 59—60 мс);
Отец меня свой [жа́л'и̞еу] ([и̞] — [е̞] — 60—65 мс).

При резком нарушении этого равновесия и при отсутствии растяжки дифтонга он воспринимается как обычное [е̞], т.е. как соответствующий гласный в литературном произношении, который фактически представляет собой дифтонгоид [и̞е̞]:

Я жила со свекровушкой двадцать семь [л'и̞ет] ([и̞] — [е̞] — 40—60 мс);
А [л'и̞ес], говорит, пригнулся к самой земле ([и̞] — [е̞] — 44—84 мс);
 [хл'и̞е́ба] дали хорошего ([и̞] — [е̞] — 54—103 мс);

... сама пришла корову доить. дою корову.

[ja сама пр'ишла // коро́вѹ дойт // до́ѹ коро́вѹ]

Так вот сколько человек видало, что все свицца горела

[так вот ску́ол'ке ц'е́лов'е́к в'ида́ло што // фс'о св'иц'к'а горѣла]

Я так вот десять годов отжила в селе

[ja дак вот / д'е́с'ет' годѹѡв / оджи́ла в л'и́с'е]

А в лесе дак со всех сторон жили

[а в л'и́с'е дак со фс'ех стору́ѡн жы́д'и]

И только-то? хорошее дело!

[и тол'ко-то? хору́шо́ѡ д'и́леѡ]

Во всех приведенных примерах дифтонг [y^o] реализуется оптимальным образом, со всеми оттенками тембра заднего ряда.

В ряде случаев внешне благоприятная фразовая позиция не сопровождается необходимыми просодическими характеристиками, т.е. либо темп речи, либо интенсивность этого участка фразы не способствуют реализации дифтонга в оптимальном виде, в результате чего дифтонг приобретает несколько усеченный характер².

Такие неполовностью реализованные дифтонги наблюдались в следующих случаях:

1. *Давай, говорит, сделаем полотно.*

[дава́ѹ / гово́риѹт / [зд'е́лам по́лотнуѡ] ([y] – [o] – 39–65 мс).

2. *Вот это какой доброхотушко-то*

[во́т еѡ коко́ѹ доброху́ѡдушко-то] ([y] – [o] – 52–78 мс).

3. *Теперь нет отводов*

[топ'е́р' н'и́ѡт отво́дуѡв] ([y] – [o] – 42–60 мс).

Во всех случаях слова, завершающие фразу, были произнесены тихо и ускоренно. Дифтонги, выступающие в них под ударением, были реализованы в усеченном виде: [y^o], без полного скольжения гласного по шкале тембра заднего ряда.

При таком соотношении фаз верхнего и неверхнего подъема гласного он все же воспринимается как дифтонг. Видимо, важную роль при восприятии играет соотношение двух фаз дифтонга по силе. Восходящий характер динамической структуры [y^o] сохраняется постоянно, даже при неблагоприятных фразовых условиях. В конце фразы, например, наблюдается такое соотношение фаз дифтонга по силе:

Мой Саша стал шести [годуѡв]:

у	о	о
56	53	41 мс
-4,5	+3	+2 дб

² Ср. по этому поводу рассуждение С.С.Высотского: "... для большинства севернорусских говоров, сохраняющих фонемы /ω/, /Ѣ/ как дифтонги, конститутивным признаком последних можно считать только скольжение тембра гласного от верхнего подъема до среднего, или только в части этой области (разрядка моя. – Р.П.), при условии, чтобы один из двух основных тембральных компонентов дифтонга не был слишком краток по сравнению с другим и чтобы переход между ними не сопровождался резким изменением силы звука" [22, 30].

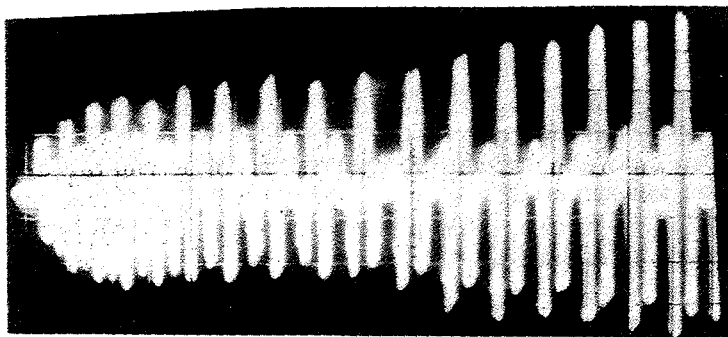

Рис. 14. Осциллограмма дифтонга [yö] из слова [годуöw]

Рис. 15. Осциллограмма дифтонга [yö] из слова [хоруöшыц]

Прослушивание материала с помощью сегментатора позволило выявить следующее различие между севернорусским и южнорусским говорами: первая фаза дифтонга в севернорусском говоре, как правило, короче остальной части или примерно равна ей, а в южнорусском говоре первая фаза, как правило, длительнее остальной фазы дифтонга.

Вот характерные примеры:

Таблица 1

ф) в севернорусском говоре

Слово	Сегменты гласного	Длительность сегментов (в мс)	Длительность сегментов (в %)
[д'йёгк'и] — <i>детки</i>	и — е	75 — 77	49—51
[л'йёго] — <i>лето</i>	и—е	64—88	42—58
[w'йёчно] — <i>вечно</i>	и—е	89—84	51—49
[мн'йё] — <i>мне</i>	и—и—е	75—36—104	34—18—48
[н'йёт] — <i>нет</i>	и—ё—е	133—130—69	40—39—21
[с'йёw] — <i>сел</i>	и—ё—е	46—42—47	34—31—35
[говор'йёла] — <i>говорила</i>	и—е—э	96—70—36	48—35—17

Таблица 2

(ѣ) в южнорусском говоре

Слово	Сегменты гласного	Длительность сегментов (в мс)	Длительность сегментов (в %)
[д'иѣт'и]— <i>дети</i>	и-е	85-63	57-43
[л'иѣт]— <i>лет</i>	и-е	102-90	53-47
[таб'иѣ]— <i>тебе</i>	и-е	104-62	63-37
[п'ир'ид'иѣлавѣт]— <i>переделявает</i>	и-е	92-52	64-36
[к'иѣлам'иѣтрьф]— <i>километры</i>	и-е	76-58	57-43
[д'иѣвс'а]— <i>делся</i>	и-е	84-76	53-47
[б'иѣлыи]— <i>белые</i>	и-е-а	162-60-65	56-21-23

Таблица 3

(ω) в севернорусском говоре

Слово	Сегменты гласного	Длительность сегментов (в мс)	Длительность сегментов (в %)
[годωω]— <i>годов</i>	у-о	48-72	40-60
[на рωдѣн'е]— <i>на родине</i>	у-о	70-80	47-53
[голωднѣи]— <i>голодный</i>	у-о-ъ	67-67-52	36-36-28
[топωр]— <i>топор</i>	у-о-о	60-52-93	29-25-46
[батωк]— <i>батог</i>	у-о-о	80-31-80	42-16-42
[потωм]— <i>потом</i>	о-о	55-50	52-48
[холωднѣи]— <i>холодный</i>	о-о	72-65	52-48
[с колωдткωи]— <i>с колоткой</i>	у-о	69-60	53-47

Таблица 4

(ω) в южнорусском говоре

Слово	Сегменты гласного	Длительность сегментов (в мс)	Длительность сегментов (в %)
[пр'испасωп']— <i>приспособь</i>	у-о	76-50	60-40
[трωдик'еа]— <i>тройка</i>	у-о	71-55	56-44
[катωбрьи]— <i>котрый</i>	у-у-о	79-36-79	41-18-41
[картωшка]— <i>картошка</i>	у-у-о		
[п'ис'мωд]— <i>письмо</i>	у-у-о	78-47-57	43-26-31
[малакωд]— <i>молоко</i>	у-ѣ-ъ	99-41-60-50	39-16-24-21
[твајωд]— <i>твое</i>	у-ѣ-о	91-58-71	41-26-33
[прашлωд]— <i>прошло</i>	у-ѣ-о	78-45-76	39-23-38
[харашωд]— <i>хорошо</i>	у-ѣ-о-а	135-34-55-73	45-11-18-26

Противопоставленные фонемам ⟨Ѣ⟩ и ⟨ω⟩ фонемы ⟨е⟩ и ⟨о⟩ в сильных фразовых позициях реализуются в ярко выраженных монофтонгах [e] и [o] — однородных гласных без начального элемента верхнего подъема, или с этим элементом, но сравнительно кратким. Ср. примеры:

Тут от овец вот такая выбежала и с горбом скотина.

[тут от ов'ец" // вот такаа выб'ежала / и з г'орбом скот'ина]

Пошла на другой день.

[пош'а на друг'и д'ен]

Пошла в этот лесок.

[пош'а в' этот л'ес'ок]

Скотина с горбом дак.

[скот'ина з г'орбом д'ак]

И тут у нас сосняк по обе стороны.

[и тут у нас // сосн'ак по о'бе ст'ороны]

Свицкя горела на сосне.

[св'иц'к'а гор'и'ела на с'осн'е]

В этих примерах слова с фонемами ⟨о⟩, ⟨е⟩ под ударением были произнесены громко, отчетливо, в замедленном темпе и несли на себе фразовое ударение. Фонемы ⟨о⟩ и ⟨е⟩ были реализованы в виде отчетливо выраженных монофтонгов [o] и [e].

Были получены следующие характеристики длительности этих монофтонгов:

[з г'орбом]	([o] — 112 мс)
[д'ен]	([e] — 80 мс)
[л'ес'ок]	([o] — 86 мс)
[ст'ороны]	([o] — 133 мс)
[на с'осн'е]	([o] — 126 мс)
[от ов'ец"]	([e] — 96 мс)

Однако в наиболее благоприятных позициях, например при эмфатическом произнесении, и эти гласные могут быть реализованы как дифтонги, но дифтонги, "обратные" по отношению к тем, в которых воплощаются фонемы-корреляты ⟨Ѣ⟩ и ⟨ω⟩. Итак, в соответствии с фонемами ⟨е⟩ и ⟨о⟩ возможны, при благоприятных фразово-интонационных условиях, дифтонги, которые здесь мы условно обозначим как ⟨еи⟩ и ⟨бу⟩.

Это явление, наблюдающееся также в архаических южнорусских и среднерусских говорах, было описано С.С. Высотским в работах [20, 23] на материале рязанского говора.

В наших записях эти "обратные" дифтонги фиксировались довольно последовательно при эмфатическом произнесении.

Ср. примеры:

А в чистый понедельник не было.

[a w ц'истоѝ пон'ед'ел'н'ик н'еи было]

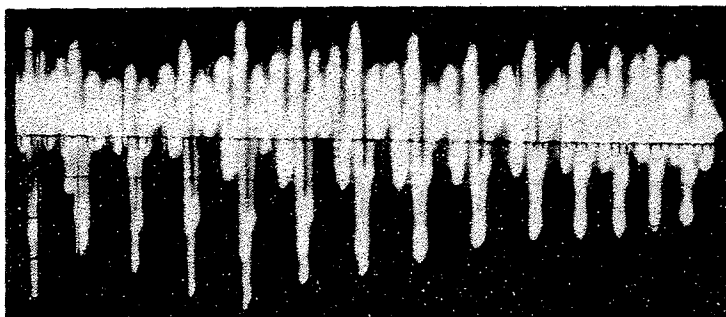

Рис. 16. Осциллограмма дифтонга [оу] из слова [бу́т]

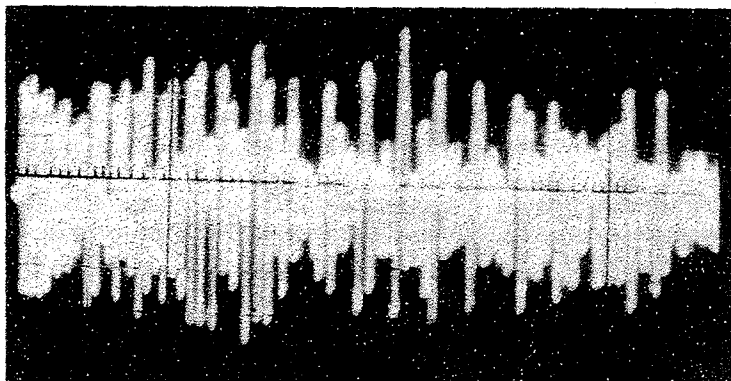

Рис. 17. Осциллограмма дифтонга [ей] из слова [не́й было]

Машины туда нет, не было.

[н'е^н было⁴]

Я поехала из дому.

[ја појéхала из до^уму]

Ходишь по лесу,

[хóд'иш по^у л'есу]

Не сама я к вам залетала.

[н'е сама́ ја к вам зал'е^нтала]

До прошлого году

[до про́шлоо го^уду]

Часика по три,

[ц'ас'ика по^у тр'и]

У каждого своя лошадь.

[у ка́жноо своја ло^ушат']

⁴ Отрицательная частица *не* в говорах особенно часто получает эмфатическое усиление. Это наблюдается и в литературной разговорной речи, где эта частица может даже получить дополнительное ударение.

Небо да вода, небо да вода.

[н'е^Ибо да вода // н'е^Иво да вода]

Прослушивание этих обратных дифтонгов с помощью сегментатора позволило выявить любопытную картину. Оказалось, что фаза верхнего подъема, завершающая дифтонг, может быть весьма скромной по длительности: всего 30–40 мс. Это очень мало по сравнению с длительностью первой фазы, среднего подъема, — 80–100 мс. Оба дифтонга — [е^И] и [бу^И] — обнаружили полное сходство в этом отношении. Воспринимаются же эти квазидифтонги как настоящие дифтонги. Очевидно, это связано с тем, что при таком разворачивании динамики тембра оказывается нарушенным стереотип скольжения тембра гласного в русском литературном произношении: ведь обычно наблюдается "сползание" гласного под ударением по подъему, если этому не препятствуют комбинаторные условия. В случае произношения "обратного" дифтонга такое привычное протекание гласного нарушается, и поэтому даже короткий сегмент верхнего подъема воспринимается как полноправный компонент дифтонга.

Силовая структура этих дифтонгов — нисходящая. Начало сопровождается сильной атакой, к концу интенсивность падает. См. осциллограммы на рис. 16, 17.

Прослушивание примеров с дифтонгом [е^И] с помощью сегментатора дало следующие результаты, сходные для севернорусского и южнорусского говора:

Таблица 5
Севернорусский говор

Слово	Сегменты гласного	Длительность сегментов (в мс)	Длительность сегментов (в %)
[не ^И куда] — некуда	е-и	73–50	60–40
[оте ^И ц] — отец	е-и	77–53	59–41
[ц'е ^И тв'еро] — четверо	е-и	75–46	62–38
[не ^И коуда] — некогда	е-и	92–52	64–36
[не ^И было] — не было	е-и	111–63	64–36
[не ^И было] — не было	е-и	104–43	71–29
[овсиц'] — овес	е-и	90–50	65–35

Таблица 6
Южнорусский говор

Слово	Сегменты гласного	Длительность сегментов (в мс)	Длительность сегментов (в %)
[н'е ^И была] — не было	е-и	82–67	55–45
[н'е ^И была] — не было	е-и	99–58	63–37
[м'ин'е ^И] — менé (р. ед)	е-и	93–55	63–37
[драв'е ^И ц] — дровец	е-и	186–63	75–25
[кан'е ^И ц] — конец	е-и	150–39	79–21

Как видно из приведенных цифр, фаза верхнего подъема [и], завершающая "обратный" дифтонг, может быть достаточно краткой: 30–40% общей длительности дифтонга. И севернорусский, и южнорусский материал демонстрируют в этом отношении поразительно единообразие.

Еще больше неожиданного оказалось в дифтонгических реализациях фонемы ⟨о⟩. Фонема ⟨о⟩ после этимологически твердого согласного обычно реализуется монофтонгом [о]. При эмфазе может появляться звук неоднородного тембра. Аудиторы этот звук часто определяли как [оу] или [оў]. Так же определяли этот звук и мы, когда отбирали примеры для анализа. Однако при прослушивании на сегментаторе ни в одном из отобранных примеров из обоих говоров не оказалось конечного сегмента верхнего подъема.

Все эти примеры можно разбить на следующие группы.

1. В гласном наблюдается незначительное повышение подъема к концу: от [о] к [о̆] в севернорусском говоре и от [о̆] к [о] в южнорусском.

Таблица 7

[о̆о] в с.-р. и ю.-р. говорах

Говор	Слово	Сегменты гласного	Длительность сегментов (в мс)	Длительность сегментов (в %)
с.-р. говор	[го̆от]—год	о-о̆	161–61	73–27
	[кбо̆л'а]—Коля	о-о̆	225–110	67–33
	[гдбо̆му]—к дому	о-о̆	118–84	53–47
	[збо̆лото]—золото	о-о̆	120–70	64–36
ю.-р. говор	[до̆оч']—дочь	о̆-о	80–50	61–39
	[бро̆ос'ия]и [бро̆сили]	о̆-о	92–52	64–36
	[стро̆рожьм]—сторожем	о̆-о	78–45	65–35

2. Подъем и лабиализованность гласного на всем его протяжении остаются неизменными, а ослабляется интенсивность конечного сегмента:

Таблица 8

[о̆о̆] в с.-р. и ю.-р. говорах

Говор	Слово	Сегменты гласного	Длительность сегментов (в мс)	Длительность сегментов (в %)
с.-р. говор	[до̆се'а]—Дося	о-о̆ (слаб.)	88–51	63–37
	[до̆се'у]—Досю	о-о̆ "	76–86	47–53
	[из до̆рму]—из дому	о-о̆ "	100–50	67–33
	[кбо̆л'к'а]—Колька	о-о̆ "	82–59	58–42
	[сбо̆вушка]—совушка	о-о̆ "	78–38	67–33
ю.-р. говор	[в по̆л'ь]—в поле	о-о̆ "	95–67	59–41
	[в до̆ску]—в доску	о-о̆ "	122–47	72–28
	[плато̆к]—платок	о-о̆ "	97–59	62–38

3. Происходит ослабление и делабиализация конечного сегмента гласного:

Таблица 9
[oʌ] в с.-р. и ю.-р. говорах

Говор	Слово	Сегменты гласного	Длительность сегментов (в мс)	Длительность сегментов (в %)
с.-р. говор	[коʌл'к'а]—Колька	o—ʌ	80—40	67—33
	[поʌ тр'и]—по три	o—ʌ	65—65	50—50
ю.-р. говор	[воʌ р]—вор	ɔ—o (сл.) —ʌ (сл.)	110—66—37	52—31—17
	[штоʌ ты]—что ты	ɔ—o (сл.) —ʌ (сл.)	143—65—58	54—24—22

4. Наблюдается обратное явление: начало гласного нелабиализовано, а конец лабиализуется:

Таблица 10
[ʌo] в с.-р. говоре

Говор	Слово	Сегменты гласного	Длительность сегментов (в мс)	Длительность сегментов (в %)
с.-р. говор	[дʌома]—дома	ʌ —o	75—105	42—58
	[стʌога]—стога	ʌ —o	88—110	44—56

5. На протяжении гласного наблюдается значительное понижение тона с одновременным ослаблением интенсивности:

Таблица 11
[oʊ] в с.-р. и ю.-р. говорах

Говор	Слово	Сегменты гласного	Длительность сегментов (в мс)	Длительность сегментов (в %)
с.-р. говор	[доʊм'ик]—домик	o (выс. тон) —ʊ ^o (сл. низк. тон)	75—62	55—45
ю.-р. говор	[п'ит'сʊот]—пятьсот	o (выс. тон) — o (сл. низк. тон)	122—47	72—28

Почему же эти разнообразные случаи реализации ⟨o⟩ воспринимаются аудиторами как неоднородный гласный типа [o^v], хотя ни в одном из этих случаев нами не обнаружен сегмент типа [y]? Ответ на этот вопрос, возможно, заключается в следующем. Незначительное повышение подъема может переоцениваться аудиторами при восприятии. Такая же переоценка может происходить при появлении лабиализации в конечном сегменте гласного при его ослаблении, так как [y] отличается от [o] и большей лабиализацией, и меньшей собственной интенсивностью (см. [34, 182]).

Таблица 12

Реализация гласных среднего подъема в зависимости от фазовых позиций

Фонема	Позиция во фразе	
	сильная	слабая
ω	[^ω o]	[^ω o] [o] [o] [ъ]
o	[o] [o̞]	[o] [^ω o] [o] [ъ]
ъ	[^ъ e]	[^ъ e] [e] [e]
e	[e] [e̞]	[^ъ e] [e]

Эти особенности в реализации дифтонгов можно было выявить только с помощью сегментатора.

Что же происходит с фонемами ⟨o⟩, ⟨e⟩ в слабых фразовых позициях? Судя по нашему материалу, они реализуются в дифтонгоидах [^ωo], [^ъe], подобных тем, которые произносятся в русской литературной речи. Ср. примеры из говоров Харовского р-на:

Вот как в [д'ър'^ъѡвн'ѡ];
 Теъерь уж двадцать [шест'^ωoи] год вдовая;
 Пред сенокосом день, Иванов [д'ъен];
 Да и у него родителей-то никого [н'^ъe было];
 Но знаешь от [л'уд'^ъѡи] тоже слыхала;
 Положат песку, и с [п'ѡск'^ωoм] намнут;
 И обваливают уж этой [мук'^ωoи].

Впрочем, в некоторых случаях эти гласные в слабых позициях сохраняют свою монофтонгичность, жертвуя лишь длительностью:

А свекру моему было сорок три [г'oда] ([^o] — 70 мс);
 Говорю, матушка, я нашла [в'ѡра] ([^o] — 58 мс);
 Ну, я обрадовалась, что этого [в'ѡра] поймала ([^o] — 68 мс);
 Зашла я в этот [л'ѡс'ѡк] ([^o] — 80 мс);
 На другой [д'ѡн] он приходит ([e] — 80 мс).

Как было показано выше, в гласных [^ωo] и [^ъe] могут реализоваться также и фонемы ⟨ω⟩ и ⟨ъ⟩ в слабых фразовых позициях.

Все реализации гласных среднего подъема в исследуемых говорах могут быть представлены табл. 12.

Из табл. 12 видно, что слабые фразовые позиции создают условия для нейтрализации ⟨ω⟩—⟨o⟩ и ⟨ъ⟩—⟨e⟩. Можно представить, что именно таким был путь отхода от древней системы, различающей семь гласных фонем в большинстве говоров русского языка, включая те, которые легли в основу современного литературного языка.

При этом разнообразие фонетических реализаций фонем среднего подъема в слабых позициях дает основание предполагать, что возможна дальнейшая классификация этих позиций.

Видимо, возможно и дальнейшее разделение сильных позиций на просто сильные и эмфатические, в которых фонемы ⟨ω⟩, ⟨e⟩ реализуются в дифтонгах [o̞], [e̞].

Для противопоставления фонем ⟨ω⟩—⟨o⟩ важна также еще одна позиция в слове, которая раньше не привлекала специального внимания исследователей. Это — позиция абсолютного начала слова. Данная позиция достаточно редка, в спонтанной речи ее встретить чрезвычайно трудно⁵. Обнаружить это явление нам помог счастливый случай — нашего основного информанта в д. Полутиха звали Ольгой (Ольга Ивановна Фокина). Артистичная по натуре, эта женщина в своих устных импровизациях нередко передавала речь других лиц, реплики, обращенные к ней. Поэтому разные формы имени *Ольга* довольно часто встречаются в наших записях. Встречаются они и в абсолютном начале фразы, преимущественно в звательной форме, например: "*Оль*, ты идешь?", "*Оль!* — Я говорю: што? — Пойди сходи по Николая!" и т.п.

Во всех этих случаях началу гласного предшествовал консонантный элемент типа смычно-гортанного согласного: [ʔʁl'a], [ʔʁl'], [ʔʁl'ga], [ʔʁl'g'a]. Это наблюдение было проверено на других словах с фонемой ⟨o⟩ в начальном неприкрытом слоге: *окна*, *окунь*, *озеро*. Информанты произносили их также с начальным смычно-гортанным согласным: [ʔʁkna], [ʔʁkun'], [ʔʁz'oro].

На осциллограммах ясно виден смычно-гортанный глухой согласный, начинающий слово: "щелчок" взрыва и нерегулярный высокочастотный шум, предшествующий периодическому рисунку гласного.

Наряду с другими словами с начальным *o* информантам было предложено слово *он*. В произношении этого слова ничего необычного обнаружено не было, смычно-гортанный приступ перед гласным отсутствовал. Это местоимение нередко начинает собою фразу и оказывается таким образом в позиции абсолютного начала: "Он пришел и говорит", "Он тут проходит сутки, его возьмут, сольют через решето", "Он и просит придти" и т.д. Ни в одном из приведенных примеров начальной гортанной смычки обнаружено не было.

Этому явлению можно предложить следующее объяснение. Возможно, что в современных говорах, сохраняющих различие фонем ⟨ω⟩—⟨o⟩, есть слова с начальным *o* в корне, не участвующие в этом противопоставлении. И одним из таких слов является местоимение *он*.

Наше исследование зависимости сегментной фонетики слова от фразовых условий показало, что противопоставление фонем ⟨ω⟩—⟨o⟩ в полной мере может выявиться лишь в сильных фразовых позициях. А такими для слова оказываются позиции под фразовым ударением или каким-либо другим акцентным усилением. Иными словами, только слово, оказывающееся во фразе коммуникативным центром, может оптимальным образом выявить свои фонетические потенции. Сильная фразовая позиция способствует "расцвету" дифтонгов, четкой реализации гласных безударных слогов и т.д. Слова, оказывающиеся в "теневых" позициях фразы, могут произноситься "скомканно", кое-как, с редукцией безударных слогов (даже в севернорусских говорах!), с гласными неясного тембра под ударением. И совершенно очевидно, что существуют целые категории слов,

⁵ Следует иметь в виду большую спаянность слов в пределах синтагмы; вот почему позиция абсолютного начала слова так редка — она по существу совпадает с позицией начала синтагмы.

в первую очередь служебных, но, видимо, и не только служебных, которые никогда не получают акцентного усиления.

К таким словам, по-видимому, относятся в исследуемом говоре личные местоимения *он, она, оно*. Местоимение *он* в прослушанных нами текстах может быть либо проклитикой (*он пр'ишów*), либо энклитикой (*пр'ишów он*). Не имея самостоятельного ударения на *о*, это слово и не произносится со смычно-гортанным приступом перед гласным.

В истории языка можно найти аналогию этому факту. Известно, что в праславянском языке слова по отношению к ударению могли быть разделены на 2 класса: 1) основной класс и 2) клитики. Основной класс составляли ортотонические слова и энклиномены (слова, склонные не иметь самостоятельного ударения); клитики включали проклитики и энклитики (см. об этом, например, [31]).

Можно предположить, что в современных вологодских говорах есть категории слов, ведущих себя по отношению к ударению так же, как энклиномены в праславянском языке.

Итак, начальное *о* под ударением произносится с согласным [ʐ]. Этот консонантный элемент может рассматриваться как заместитель древнего высокого тона⁶ или как след прежнего нисходящего ударения.

В противоположность этому старое *о* под восходящим ударением, которому в современных говорах соответствует фонема (ʌ), в позиции абсолютного начала развивает консонантную протезу типа *в*. Ср. примеры *вóтчим, вóстрый, вóбла, вóльха, вóсна* и т.д. Примеров такого рода довольно много, и они достаточно хорошо известны⁷.

Следовательно, древнее противопоставление по тону: *о* под нисходящим ударением — *о* под восходящим ударением в начале слова в современном вологодском говоре трансформировалось в противопоставление по тембру начальных слогов с консонантными протезами: [ʐʌ] — [во] : [ʐʌл'г'а] — [вóл'х'а]. При этом заслуживает внимания тот факт, что монофонемное противопоставление (ʌ) — (ʌ) трансформировалось по существу в противопоставление слогов [ʐʌ] — [во], поскольку, несмотря на возникшие консонантные протезы, гласные фонемы имеют разные реализации: [ʐʌ] — [во].

"Обратные" дифтонги типа [ʌʌ] и этимологические гласные

Сплошное прослушивание записей спонтанной речи говора позволило заметить, что "обратные" дифтонги заднего ряда (*о*-образные) произносятся преимущественно в соответствии с этимологическим *о под нисходящим ударением⁸. На месте старого *з нам удалось отметить лишь единичные случаи произношения обратных дифтонгов.

⁶ См. по этому поводу наблюдения Вяч.Вс. Иванова в работах [41, 42].

⁷ В наших примерах встретились также единичные случаи трансформации [ʌʌ] > [во] внутри слова: [кʌʌн'] > [квон'], [дʌʌбрыц] > [двобрыц], [хʌʌч'ем] > [хвбч'ем].

⁸ О том, насколько редко можно встретить дифтонг [ʌʌ] в спонтанной речи говора, может свидетельствовать такой пример. В следующем отрывке текста: *Бери с собой [икóфну] // [икону] нушай берет этот | бери [икóфну] ты | и хлеб ты // С этой | с петухом | с хлебом и [с'икфной] приходишь домой | в избу ...* слово *икона*, произнесенное четыре раза, лишь один раз было реализовано с дифтонгом [ʌʌ]. Это было первое произнесение, слово было эмфатически выделено, такое произнесение и вызвало к жизни дифтонг. В остальных случаях в соответствии с фонемой (ʌ) был произнесен монофтонг [ʌ].

В следующих словах с *о под нисходящим ударением были произнесены дифтонги (примеры даются в орфографической записи):

год, Дося (уменьш. от *Досифей*), *икона, дом, лошадь, солод, ночкой, дожили, роспись, по три, воду, с ложки, три года, угрозы, бросим, подал, золото, попусту, бродом, лось, Коля.*

Только в двух словах: *квасок* и *сотня*, где фонема ⟨о⟩ восходит к *ъ, было отмечено произношение дифтонгического гласного.

Эти наблюдения позволяют предположить, что в современных вологодских говорах, обследованных нами, сохраняется след древнего различия *о под нисходящим ударением и *ъ. Впрочем, выявляется это различие только в редких фазовых позициях, при эмфазе. К тому же случаи произношения дифтонгов на месте *ъ, хотя и единичные, свидетельствуют о том, что эта реликтовая черта угасает.⁹

Функционирование фонем ⟨ω⟩–⟨о⟩ в речи

Может сложиться впечатление, что в харовских говорах реализации фонем ⟨ω⟩–⟨о⟩ в сильных фазовых позициях строго разграничены и смешения этих фонем не происходит. В действительности это не совсем так.

При довольно последовательном разграничении сфер употребления этих фонем, очерченных в классических работах О. Брока [14] и Л.Л. Васильева [18], в современных харовских говорах все же наблюдаются случаи "вторжения" реализаций фонемы ⟨ω⟩ в зону ⟨о⟩ и наоборот. Однако и в этих исключениях из правил можно проследить определенные закономерности.

И в наше время в архаических говорах, к каким принадлежат говоры Харовского р-на, можно выделить большие пласты лексики и ряд морфологических категорий, где противопоставление фонем ⟨ω⟩–⟨о⟩ сохраняет свою устойчивость.

Прежде всего сюда следует отнести слова с полногласными сочетаниями *-оро-*, *-оло-*. При ударении на первом гласном сочетания в этих словах последовательно выступает фонема ⟨о⟩, при ударении на втором – фонема ⟨ω⟩: *ворон–воро́на, брону–бро́знят, вóлок–волóжит, во́лость–волóстку, го́род–горо́д, сто́рону–сторóнушка* и т.д.

Кроме того, фонема ⟨ω⟩ последовательно выступает в следующих случаях:

1. В окончаниях *-о́* им., вин. п. существительных среднего рода: *село́, ведро́, окно́, стекло́, вино́* (исключение – *рождество*). Новые слова типа *пальто́, кино́* подравниваются под эту модель.

2. В наречиях на *-о́*: *далеко́, хорошо́, светло́, темно́* и т.д.

3. В окончаниях *-о́в* род. п. мн.ч. существительных м.р.: *голо́в, столбо́в, снопо́в, клопо́в* и т.д.

4. В окончаниях *-о́й* род., дат., тв. и предл. п. прилагательных ж.р.: *к родно́й (сестре), у худо́й (избы), с толсто́й (бабой)* и т.д.

5. В окончаниях прилагательных *-о́е, -о́го, -о́му*: *плохо́е, друго́е, любя́е, грудно́го, парно́го, сухо́му, такóму, чужо́му* и т.д.

6. В суффиксе *-о́к-* прилагательных: *широ́кий, широк, глубокый, глубо́к* и т.д.

⁹ В ю.-р. говоре (калужском) обратные дифтонги были отмечены и в соответствии с *ъ.

7. В суффиксе *-ов-* прилагательных и производных от них словах (отчествах, фамилиях): *готовый, суровый* и т.д.; *отцов, Фролов* (день), *Петров; Смирнов, Башмаков, Шадрова, Чистякова* и т.д.; *Петрович, Петровна, Меляковна* и т.д.

8. В притяжательных местоимениях: *мой, твой, свой*.

9. В местоимении *тот*.

Фонема ⟨о⟩ последовательно отмечена в следующих случаях:

1. В словах с приставками *по-, до-, про-*: *продали, дожили, помер, погреб, подали* и т.д.

2. В существительных с суффиксом *-ок-* и производных от него: *кусок, кипяток, квасок, носок, колосок* (исключение — *потолк*); *кусочек, песочек* и т.д.

3. В существительных на *-овь*: *кровь, морковка, свекровушка, золовушка*.

4. В окончании *-ом* тв. п. существительных м.р.: *песком, молотком, мужиком, вечерком* и т.д.

5. В окончании *-ой* + в.п. существительных ж.р.: *рукой, женой* и т.д.

Во всех перечисленных случаях не было отмечено смешения фонем ⟨ω⟩ и ⟨о⟩ в сильных фразовых позициях.

Однако в целом ряде форм наблюдалась непоследовательность в употреблении фонем ⟨ω⟩—⟨о⟩:

1. В окончании *-ой* им., вин. п. прилагательных мужского рода: при преобладающих формах типа *другой* (*день*), *родной* (*брат*), *лихой* (*человек*), *страшной* (*сон*), *сизой* (*голубь*), *худой* (*двор*), *баской* (*выряд*) и т.д. были отмечены примеры: *родной-от батюшко, островной* (*лес*), *основной* (*праздник*).

2. В окончании *-ом* предп. п. ед. ч. прилагательных м. и с.р.: (*на*) *любом* и *любом* (*месте*), (*на*) *шестом* и *шестом* (*году*), (*в*) *семом* и *семом* (*классе*).

3. В окончании *-о* глаголов пр. вр. ср. р.: при преобладающих формах *унесло, затрясло, вошло,росло* и т.д. были отмечены случаи *пошло,росло*. В тех же формах глаголов, но с возвратным постфиксом *-сь, -ся* нам встретились только случаи с фонемой ⟨о⟩: *собралось, пришлось, оторвалось*.

4. В местоимениях *что* и *кто* была отмечена фонема ⟨о⟩, без исключений. При этом в произношении местоимения *то* наблюдались колебания: (*за*) *то* и (*за*) *то*.

5. Смещение фонем ⟨ω⟩ и ⟨о⟩ постоянно наблюдалось в формах род. п. местоимений: *никого* и *никогоω*, *его* и *егоω*, *сего* и *сегоω*, *чего* и *чегоω*.

6. Колебания в употреблении фонем ⟨ω⟩ и ⟨о⟩ отмечены также в следующих словах: *туже* и *тоже*, *много* и *многоω*, *столько* и *столькоω*, *можно* и *можноω*, *завод* и *заводω*, *закон* и *законω*, *Костя* и *Костяω*, *сбсну* и *сбснуω*.

РЕАЛИЗАЦИЯ ФОНЕМ ⟨а⟩, ⟨о⟩ ПОСЛЕ НЕТВЕРДЫХ СОГЛАСНЫХ

В исследуемых говорах Харовского и Биряковского районов слабо развита корреляция согласных по твердости—мягкости [5, 68, 44]. О. Брок называл степень палатализации согласных в говорах такого типа *е-овой* [14]; Л.Л. Касаткин полагает, что корреляция согласных по твердости—мягкости в говорах Биряковского р-на вообще отсутствует, а функцию

обозначения палатализованности берут на себя гласные. Он впервые обратил внимание на то, что гласные переднего ряда (á), (ó) после нетвердых согласных в этих говорах выступают в виде дифтонгов [éá], [éó] [44].

Наши наблюдения над спонтанной речью говоров показывают, что эти дифтонги последовательно выступают только в сильных фразовых позициях.

Ср. примеры:

*В [свѣатк'и] что делали дак;
Я пошлю [г'ѣдушку] свою;
Только я зашла в этот [сосн'ѣак];
Долго-то ждат [н'ел'з'ѣа];
Так и узнали, что какая трава от целого [ид'ѣот].
Или в загороде [рост'ѣот].
Раньше [пл'ѣбса] были.
А я была видно такая, что не [с'ѣаду].
И [оп'ѣат] в этот мел-то нальют хмелю.
Ранше бывало напекут пирогов-то [вс'ѣак'их]
[г'ѣдушка] пришла, место поглядела и говорит.*

Восприятию этих гласных как дифтонгов сопутствует приблизительно равное распределение фаз *e-a* и *e-o* по длительности, например:

[св'ѣатк'и]: ([e] - [a] - 58-55 мс), [г'ѣдушка]: ([e] - [o] - 56-70 мс);
[сосн'ѣак]: ([e] - [o] - 71-79 мс); [рост'ѣот]: ([e] - [o] - 56-64 мс)
[ид'ѣот]: ([e] - [o] - 65-54 мс)

См. рис. 18-19.

При нарушении этого равновесия в ту или другую сторону гласный воспринимается как монофтонг того тембра, длительность которого в составе гласного преобладает, например:

*кольца [брѣ^акнут] у дуги ([e] - [a] - 66-36 мс)
[н'ел'з'ѣ-а-а-ъ] - все вместе воспринимается как [н'ел'з'á].
([e] - [á] - [a] - [ъ] - 50-50-116-47 мс)
[с'ѣ-á-аду] - ([e] - [a] - [a] - 60-100-34 мс);
[г'ѣдушку] - ([e] - [o] - 71-46 мс).*

Во всех последних примерах "расщепление" монофтонга было возможно только с помощью сегментатора. Прослушивание на магнитофоне создавало впечатление о монофтонгическом характере гласных.

Дифтонги [éá], [éó] в вологодском говоре мы сравнили с аналогичными гласными в архаическом калужском говоре. Нашими информантами были те же лица - Н.Л. Лопатина (севернорусский говор) и А.П. Панкрашкина (южнорусский говор). Результаты прослушивания дифтонгов [éá], [éó] в севернорусском говоре приведены в табл. 13, 14.

В южнорусском говоре в соответствии с (á), (ó) после мягких согласных также произносятся неоднородные гласные - дифтонги [иá], [иó], нередко и более сложные гласные полифтонгического характера. Они ближе по звучанию к гласным в русской литературной речи после мягких согласных, чем вологодские дифтонги, поскольку их начальные сегменты - верхнего подъема. Однако длительность этих начальных сегментов значительно превышает длительность первых фаз дифтонгоидов [и^иá], [и^иó] в русской лите-

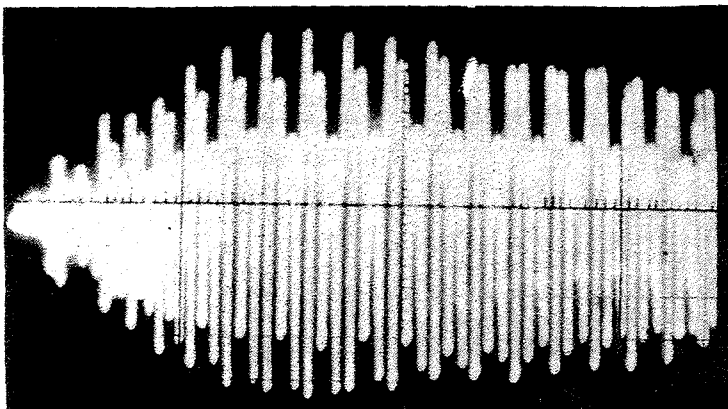

Рис. 18. Осциллограмма дифтонга [e̞a̞] из слова [кр̑е̞аш] (кр̑яж)

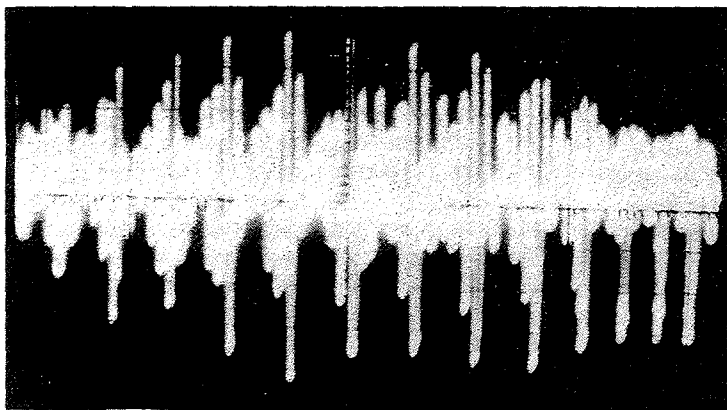

Рис. 19. Осциллограмма дифтонга [e̞o̞] из слова [пл̑е̞бса]

ратурной речи. Результаты наших измерений гласных [и̞а̞], [и̞о̞] в калужском говоре приведены в табл. 15.

Сравнение данных, приведенных в таблицах для севернорусского и южнорусского говоров, показывает, что южнорусские гласные представляют более широкий спектр тембральных изменений, от верхнего подъема до нижнего. Тембр севернорусских дифтонгов изменяется в более узком диапазоне. Это связано с разными степенями палатализации в сравниваемых говорах — "i-овой" в южнорусском и "e-овой" в севернорусском говоре.

Кроме того, большая "размытость" калужских гласных может объясняться более медленным темпом речи в южнорусских говорах.

Соотношение по интенсивности двух фаз дифтонгов [e̞a̞], [e̞o̞] в вологодских говорах может варьировать: они могут быть равны по интенсивности, но могут иметь восходящий либо нисходящий характер: [e̞a̞], [e̞a̞], [e̞o̞], [e̞o̞]. Для этих дифтонгов силовая структура не является релевантной.

Таблица 13

а после нетвердых согласных в севернорусском говоре

Слово	Сегменты гласного	Длительность сегментов (в мс)	Длительность сегментов (в %)
[м'ясо] — мясо	е-а	80-90	44-56
[р'ядом] — рядом	е-а	73-83	46-54
[тр'и дн'я] — три дня	е-а	46-66	41-59
[д'еда] — дядя	е-а	76-120	39-61
[хот'я] — хотя	е-а-ъ	45-72-40	29-46-25
[пол'яну] — поляну	е-а-а-ъ	60-60-50-32	30-30-25-15

Таблица 14

о после нетвердых согласных в севернорусском говоре

Слово	Сегменты гласного	Длительность сегментов (в мс)	Длительность сегментов (в %)
[уйдеош] — уйдешь	е-о	92-60	61-39
[фпер'ед] — вперед	е-е-о	75-92-93	29-35-36
[т'емна] — темная	е-о-о	50-42-51	35-29-36
[отн'ес'е] — отнесся	е-о-о	77-96-48	35-43-22
[т'емнаа] — темная	е-о-о-ъ	70-70-80-30	28-28-32-12
[фсеб] — все	е-о-о-ъ	78-35-149-31	27-12-51-10

Таблица 15

Гласные а, о после мягких согласных в южнорусском говоре

Слово	Сегменты гласного	Длительность сегментов (в мс)	Длительность сегментов (в %)
[т'ил'ятам'и] — телятами	и-е-а	52-39-65	33-25-42
[тр'и дн'я] — три дня	и-е-а	60-50-91	34-29-37
[вз'ят'] — взять	и-е-а	60-57-57	34-33-33
[д'ч'и'р'ям'и] — дочерями	и-е-е-а	84-34-40-104	33-13-15-39
[з'ят'] — зять	и-е-а-е	62-44-93-44	25-18-38-18
[лаша'д'ях] — лошадах	и-е-а-а	55-42-60-47	27-20-29-24
[пар'ядашн'я] — порядочный	и-е-а-а	68-42-71-42	37-23-38-22
[л'яжу] — лягу	и-е-а-а-а	84-41-44-49-68	29-14-15-17-23
[л'яон] — лен	и-е-о	78-47-53-76	31-18-21-30
[апташ'юна] — отоплена	и-у-о	60-42-105	29-20-41
[в'ир'юфку] — веревку	и-е-о	60-45-120	28-20-42

В слабых фразовых позициях фонемы ⟨а⟩, ⟨о⟩ после смягченных согласных реализуются в монофтонгах [a], [ã], [o], [ó]

*Надо уж открыто [ф'о];
И вдруг колокольцы [забр'акал'и];
Он меня был побогаче, а я его была [поб'едн'ае];
Это было двадцать [п'áтоо] апреля;
Ушли [м'ен'á] мат стала ругат.
Сéгод [јагот] будет много;
Да, это будет однакова [wс'а] мука;
Вот мы [молод'ош] собираемсе,
Даже пожилые женщины [с'ид'ат];
[с'ид'ат] это с [пр'áвкам];
Витька [р'еб'ат] подговорил;
И решил вот дедушко наш [вз'ат];
Ранше [м'аса-то] было не помногу;
Он пуцай [ид'от п'ер'от];
Так уж пена вглубь [поид'от].*

* * *

Итак, в исследуемых севернорусских говорах в сильных фразовых позициях возможно произношение шести дифтонгов: [йе], [уо], [ей], [оо], [еа] и [ео]. В слабых фразовых позициях им соответствуют гласные монофтонгического характера.

С точки зрения классификации дифтонгов в представленном наборе имеются все виды дифтонгов, известные из общей фонетики: нисходящие [оо], [ей], восходящие [уо], [йе] и равновесные, или "истинные" (в терминологии Л.В. Щербы [88]) [еа], [ео], представляющие собой, по мнению Л.В. Щербы и Л.Р. Зиндера [34, 30], весьма редкий тип¹⁰.

¹⁰ Согласно классификации Йесперсена, различается 3 вида дифтонгов: 1) "падающие" (или "собственно" дифтонги); 2) "восходящие" (или "не истинные") дифтонги и 3) "равновесные", где оба компонента равноправны. Л.В. Щерба считал первые два вида дифтонгов ложными, так как их компоненты неравноценны; только третий тип он называл истинными дифтонгами, т.е. подлинно двугласными, так как оба компонента в них равноценны.

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В СЕГМЕНТНОМ СОСТАВЕ СЛОВА В СЕВЕРНОРУССКИХ ГОВОРАХ

О КОЛИЧЕСТВЕННОЙ И КАЧЕСТВЕННОЙ РЕДУКЦИИ ГЛАСНЫХ

В окающих среднерусских говорах широко распространена качественная и количественная редукция слабых безударных гласных¹. Эти факты хорошо известны из диалектологической литературы.

Экспериментально-фонетическое исследование случаев редукции слабых безударных гласных было предпринято казанскими диалектологами З.М. Альмухамедовой и Р.Э. Кульшариповой. Результаты их исследования содержатся в работе [6].

Поэтому здесь мы остановимся на случаях редукции безударных гласных в севернорусских говорах — вологодских, архангельских, Кировских.

Единичные случаи редукции гласных в севернорусских говорах отмечались исследователями. Так, П.С. Кузнецов приводит такие примеры из пинежских говоров: [з'мой] *ходили, успи* [н'та] (Усть-Пинега), [д'т]ыре, [с'ц]ас, ме [с'ц]а [55]. Есть подобные примеры и в книге З.М. Альмухамедовой и Р.Э. Кульшариповой из Кировских и вологодских говоров: [п'ш]ол, хо [р'ш]о, го [в'р]ит, го [р'ч]о, [в'у]не месяце [6, 47].

Обращает на себя внимание, что почти во всех приведенных примерах полной редукции подвергается гласный 1-го предударного слога.

Если для окающих среднерусских говоров типична полная редукция гласного 2-го предударного слога (*з'ворила, х'рошо, з'р'ячо, с'ноги* и т.п.), то для севернорусских говоров скорее возможен другой тип редукции — *гов'рила, хор'шо*.

Такие случаи отмечены и в наших записях. В разделе "Звуковой эллипсис в севернорусских говорах", например, приводятся эллиптированные формы глагола *говорит*; встречаются также примеры типа *хор'шо, гов'р'ила* и т.п.

Анализ материала с точки зрения влияния фразовых позиций на фонетику слова позволил выявить следующую картину: в слабых фразовых позициях возможны разные виды редукции безударных гласных, отмечены даже случаи редукции ударных гласных (см. с. 11).

Классификация случаев качественной и количественной редукции позволила выявить, что чаще всего редукцию испытывают гласные 1-го заударного слога.

В следующем фрагменте текста:

Знаешь што, я пошлю тетушку свою. Он послал тетушку, тетушка пришла, место посмотрела и говорит

— слово *тетушка* было произнесено трижды:

1) [ја пушл'у т'ѐтъшку сво'у]: ([ѐ] — 51–75 мс, [ъ] — 35, [у] — 44 мс).

2) [он по́слал т'ѐтушку]: ([ѐ] — 71–46 мс, [у] — 72, [у] — 150 мс).

3) [т'ѐтъшка пришл'а]: ([ѐ] — 67–95 мс, [ъ] — 54, [а] — 63 мс).

Приведенные данные о длительности гласного в 1-м заударном слоге показывают, каким количественным изменениям подвергаются гласные в

¹ Под слабыми безударными гласными мы имеем в виде гласные не 1-го предударного слога и не конечного открытого слога.

зависимости от фразово-интонационных условий. Наиболее благоприятна позиция для этого гласного (и для слова в целом) во втором примере. Здесь слово завершает неконечную синтагму, чему соответствует оформление восходящей мелодикой заударной части слова; видимо, такое интонационное оформление способствует замедлению темпа и соответственно прояснению тембровых характеристик заударных гласных (длительность конечного у достигает 150 мсек!).

В двух других примерах гласный у в 1-м заударном слоге испытывает не только количественную, но и качественную редукцию — полностью лабиализуется. Длительность ь в слове [г'ѣбъгьшкѹ] в первом случае — всего 35 мсек, что характерно и для гласных в той же позиции в русском литературном языке (см., например, [35]).

Как уже отмечалось выше, нередко самой слабой позицией для слова оказывается позиция в конце фразы. И здесь наиболее часто нам приходится отмечать случаи качественной редукции гласных. Ср., например: *Нет, муж моложе меня* [нѧ гѧт] — шепотный гласный типа а; *В святки што делали* [дѣк]; *У ее никогда дров* [нѣ быѧ^в]; *Наш дом был не очень-то* [хорѹбъгь], *а здесь был дом* [хорѹбъшѣ]; *Вот такая скотина пробежала и с* [г'ѣрбъ^{ам} дак], *Двадцать пятого* [апр'ѣл'ь]. Впрочем, следует отметить, что все эти случаи качественной редукции гласных нам удалось зафиксировать только с помощью сегментатора.

Ср. еще примеры: *И* [г'ѣлѣс] *такой хороший у нее; Тепло,* [с'ѣвнъшкѹ], *нагу не было; Баскые-то узды и надинѣт* [нѧ лошѣт'ту].

В среднерусских окающих говорах этот тип редукции представлен весьма широко.

Кроме качественной и количественной редукции описанного типа, в окающих говорах — как среднерусских, так и севернорусских — представлен еще один тип, на существование которого в этих говорах не обращали должного внимания.

Имеется в виду так называемая межслоговая ассимиляция безударных гласных.

В 1941 г. С.С. Высотский в своей кандидатской диссертации [25] обратил внимание на то, что в говорах исследованного им региона широко распространена ассимиляция гласных по подъему и степени лабиализации. "Так, звук *и* чаще встречается перед слогом с ударным гласным верхнего подъема нелабиализованным, тогда как более опущенные гласные от Е^И до Е — перед гласными среднего подъема, нелабиализованными" [25, 98].

Отмечая общую склонность к "гармонизации" гласных в указанных говорах, проявляющуюся во всех предударных слогах, С.С. Высотский пишет: "Особенно заметна тенденция к уподоблению слабых гласных более сильным в слогах 2-м до ударения и 1-м заударном, т.е. где активнее проявляется редукция" [25, 104].

И далее: "Но раз такая ассимиляция возникает, то она протекает по определенным правилам. Регрессивная ассимиляция слабого гласного идет в сторону понижения его подъема, если следующий количественно сильный гласный принадлежит по образованию к нижнему подъему, — и в сторону повышения при уподобляющем гласном верхнего подъема.

Если последний лабиализован, то в предыдущем слабом гласном прояв-

... , ... достигая
щая в своем развитии вместе с повышением артикуляции образования у. Прогрессивная ассимиляция проходит по тому же плану, но с соответствующей переменной мест взаимодействующих звуков. Процесс захватывает также случаи проклитики и энклитики" [25].

Отмечая случаи прогрессивной у-ассимиляции в говорах, С.С. Высотский пишет: "Если в слове не меньше двух слогов до ударения и только во II предупредном находится (после твердого согласного) гласный у, то в I предупредном слогом на месте возможных в такой позиции звуков в результате прогрессивной ассимиляции иногда возникает у полного образования" (с. 108). Примеры: мужук'и, пузур'ек, умуваць, хул'уган. Автор отмечает, что причины такой ассимиляции неясны.

Исследование "гармонизации" гласных в говорах юго-западного Подмосковья было проведено С.С. Высотским на широком диалектном фоне — в работе содержатся ссылки на исследования О. Брока "Говоры к западу от Мосальска", А.А. Шахматова "Звуковые особенности ельнинских и мосальских говоров", В.И. Чернышева "Сведения о мещерских говорах", Е.Ф. Карского "Русская диалектология" и др., авторы которых отмечают случаи ассимилятивных изменений слабых безударных гласных.

С.С. Высотский приводит также большое число примеров а-ассимиляции, у-ассимиляции и ы-ассимиляции, почерпнутых им из ответов на диалектологические программы МДК из Медынского у., Карачевского у., Жиздринского р-на, Бельского у. Смоленской обл., Мещовского у., Серпуховского у., Крапив. у., Тульской обл., Характерно, что В.И. Чернышев, отмечающий случаи регрессивной ассимиляции в Мещевском у., считает, что это явление свойственно передовому слою говора: "В некоторых словах, по влиянию говора молодого поколения и вообще образованного языка, слышится неясный звук средний между о и у (г^о/усударь) и т.д." (указ. соч. цит. по дис. С.С. Высотского).

С.С. Высотский отмечает, что прежде всего и чаще всего наблюдатели фиксируют случаи возникновения л а б и а л и з а ц и и слабых редуцированных, т.е. проявления у-ассимиляции как наиболее доступные для слухового восприятия.

В последнее время ассимиляция безударных гласных гласным последующих слогов отмечена и в литературном варианте русского языка [65].

Наше исследование показало, что в современном русском литературном произношении широко распространено уподобление слабых редуцированных гласных более "сильным" соседям — гласным соседних слогов, как правило, последующих слогов, т.е. "соседям справа". Следовательно, в современном русском литературном произношении можно отметить проявление регрессивной (по преимуществу) межслоговой ассимиляции, которую испытывают гласные 2-го, 3-го предупредных слогов со стороны гласного 1-го предупредного слога, а гласные неконечных заударных слогов — со стороны гласных конечных слогов.

Таким образом, в литературном языке в слабых безударных слогах возможно произношение редуцированных гласных трех типов: у-образного, ы-образного и а-образного; выбор говорящим одного из них определяется качеством гласного в последующем слогом, а не фонемной принадлежностью редуцированного.

Если для акающих русских говоров межслоговая ассимиляция гласных отмечалась и раньше, то окающие говоры как среднерусские, так и севернорусские с рассматриваемой точки зрения почти совершенно не обследованы. Лишь единичные сведения относительно *o*-ассимиляции слабых безударных гласных содержатся в более ранних работах по диалектологии, например [46, 4; 78, 104–105].

Программа собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка содержит вопрос о произношении гласных *y*, *ы* в слабых безударных позициях (вопрос № 16). Однако вопрос этот нацелен на выявление только обычной качественной редукции слабых безударных гласных, в то время как ассимилятивные изменения гласных 2-го предударного слога могут ускользнуть от внимания наблюдателя.

Наше обследование говора с. Ивановского Рамешковского р-на Калининской обл. показало, что в нем широко распространена ассимиляция гласных 2-го предударного слога 1-му предударному, однако в ответе на "Программу собирания сведений..." это явление не отражено. Зато картографированы многочисленные факты редукции *y*, *ы* в слабых безударных позициях (типа [мъжык'и, съхар'и, рьбак'и, бат'ишка] и т.п.)². Прослушивание магнитофонных записей из с. Ивановского показало, что подобные изменения гласных верхнего подъема часто определяются качеством последующего слога и наряду с отмеченными фактами встречаются и [кублук'и, тубунок] и т.п.

Ср. примеры:

a-ассимиляция: [зъ^aдав'ило, дъ^aракóф, з бь^aуч'ам, звь^aнар'и, ф кана-кóв'е (в Конакове), хь^aдаш'ав'ин'ка, дь^aгадал'ис, сь^aбач'онку, в бь^aшмач'ках, с лашад'ам, нь^aлашад'аф, рь^aкава, рь^aкав'ицы, сь^aхар'и, дь^aрач'ок, хь^aдаш'авоф, къ^aнтав'иш'е] ("кнutowище", с метатезой);

ы-ассимиляция: [пъ^ын'имал, дь^ыжыцацца, мь^ыжык'и, прь^ыв'ир'ацут, къ^ывырнула, ф кыл'идор'е, мыжык'и];

y-ассимиляция: [тубунок, кублук'и, пулуч'ила, б'уз рукаф];

o-ассимиляция: [зоробатьвацут, молосбл'ныц, блоуорóдно, с'омогон, норос'т'от, кросота, ностојал, п'озофч'орас', ноточ'у, зогвор'ил, зо тобој, зороботала, колдоваца, колдовуцу ("кладовая", с метатезой), остонов'ил'ис].

Последний раздел свидетельствует о том, что возможности ассимиляции в окающем говоре расширяются за счет позиций перед *o*.

Были отмечены также случаи *и*-ассимиляции: [ф к'ип'ират'ивном, б'ис'и-кóм].

В этом же говоре встречаются отдельные случаи уподобления гласных 1-го предударного слога гласному под ударением: *a*-ассимиляция: [ника-лац, бајан, микалац, ламал];

o-ассимиляция: [софоново], [н'ыподол'обку], [постонóфк'и], [стонó-в'ут];

ассимиляция по лабиальности: [тонцуцут].

Схемы предударного вокализма, приведенные в книге "Русская диалектология" (76), не предусматривают существование модели такого типа.

² Ср. также примеры из наших магнитофонных записей: [л'ибаваца, высъшыш, въздъх, на рьку, ч'имавоц, вьрп'пка, оц бат'ишки].

фонных записей из д. Перестова Окуловского р-на Новгородской обл.

Анализ материала этих окающих среднерусских говоров дает основания считать, что в отношении ассимиляции безударных гласных нет принципиальных отличий этих говоров от акающих среднерусских и южнорусских, а также от литературного языка. Отличие заключается только в расширении сферы ассимиляции за счет случаев *о*-ассимиляции. Сходство же этих систем представляется более глубоким — ассимилятивному воздействию в каждой из них подвергаются преимущественно гласные слабых безударных слогов, т.е. не 1-го предударного слога; такие случаи крайне редки во всех перечисленных говорах.

Иначе обстоит дело в окающих севернорусских говорах. Здесь широко представлены ассимилятивные изменения и гласных 1-го предударного слога.

Ниже приводятся примеры из говоров Катромского сельсовета Харовского р-на Вологодской обл.

Гласные 2-го предударного слога.

а-ассимиляция: [кашам'йрову, сть^а жар'ей, манасты'р', бауаты'р'];

о-ассимиляция: [хто нозов'от, нь^о гор'е, нохожус', носос'ит, носошү, нь^о одном, новоз'ил'и, бюуодат', нь^о пол'то, зь^о колуоц'оны, сь^о пог'и, сь^о погуоф, пономор'ова, зо окошоцк'о, зоклоб'и, но плоток, но продажу, но лопатку, нотоскал'и];

у-ассимиляция: [гур'уны-т'и был'и, гул'ан'я-то, дьк он м'ен'а сзвал в гор'ун; пууц'илос'а, прупуст'ил'и].

В большом количестве случаев отмечены ассимилятивные изменения гласных 1-го предударного слога. Ср., например:

а-ассимиляция: [снапам, вайна, са^Wдат'ик, гаварка, иза стала, а анако-от]; [пал'а, пал'а-то, девка; [дасталос', даяркоц, гадна, стажат];

о-ассимиляция: [пол'тү, пономор'ова, ть^о коц, новозу, шотр'оваца, зо домом, плоток, н'и зо што! кортошка, по знокомсву, трактора];

у-ассимиляция: [н'е пуидү, пуш'у, н'е спужу, кусу, свужу, в' етом гуду, пусудина];

э-ассимиляция: [крэшэ] (нити "краше").

В этих же говорах отмечены случаи уподобления безударных гласных "о-закрытому" под ударением: [хорошү, полотнү], а также такой пример: [хьрышь] (в слабой фразовой позиции).

Встретились также случаи (более редкие) прогрессивной ассимиляции: [умувадуце, у продоуца, кулок'и] (ассимиляция по лабиализованности), [кулокá, укузан'ю, по конв'е, кружовá].

В некоторых случаях межслоговая ассимиляция гласных может изменить фонетический (и фонемный) облик слова до неузнаваемости. В первую очередь это относится к топонимам, гидронимам и др. случаям, когда контекст не помогает восстановить истинное звучание слова.

Так, в наших магнитофонных записях неоднократно встречалось слово *Устругу*: "Поехал на Устругу", "Позвали в Устругу" и т.п.

Оказалось, что этот топоним звучит так: "Усть-река"! Флексия *-у* винит. пад. вызвала к жизни ассимиляцию 1-го заударного гласного: *Усть руку*, слабо смягченные согласные *т'* и *р'* полностью отвердели, а интервокальное *к* озвончилось в *г*.

прослушивание магнитофонных записей по территории (Дзержинский и Пинежский р-ны), Карельской АССР (с. Кажма), Ленинградской обл. (д. Усланка) позволило установить, что и в этих говорах имеет место межслоговая ассимиляция гласных, причем гласные 1-го предударного слога также подвержены ассимилятивным изменениям, как и гласные других безударных слогов.

Приведенный материал свидетельствует о том, что ассимиляция безударных гласных гласным последующих слогов — явление, широко распространенное во многих говорах русского языка. Это фонетическое явление отмечено и в среднерусских, и в южнорусских, и в севернорусских говорах.

Следует отметить, что, несмотря на обилие случаев регрессивной ассимиляции безударных гласных, такое произношение сосуществует с другим, когда этимологические гласные произносятся без изменения своего качества. Следовательно, говорить об ассимиляции слабых безударных гласных пока можно лишь как о тенденции в развитии вокализма русских говоров, но тенденция эта проявляется во многих типологически различающихся говорах.

Подверженность ассимилятивным изменениям безударных гласных можно объяснить стремлением говорящих к преодолению артикуляторных трудностей — при таком типе произношения несколько соседних слогов образуют единую артикуляторную программу.

Эта закономерность — взаимодействие гласных через слог — по-видимому, действует во многих языках. Ср., например, работы [94—95] на материале шведского языка. Однако это воздействие соседних гласных приобретает качественно иную окраску, когда гласный, полностью подвергаясь ассимилятивному воздействию "соседа", вторгается в зону другой фонемы.

Именно с этим явлением мы и сталкиваемся в современном русском языке: и в его литературном варианте, и в самых разных его говорах.

Итак, в севернорусских говорах возможна редукция безударных гласных — как обычная, так и возникающая в результате межслоговой ассимиляции.

Наиболее слабыми, подверженными качественной и количественной редукции оказываются здесь гласные 1-го заударного слога, и эта черта сближает севернорусские говоры со всеми другими говорами русского языка.

Что же касается гласных предударных слогов, то в севернорусских говорах все они перед лицом редукции равны: они приблизительно равновелики по длительности и одинаково подвержены ассимилятивным воздействиям соседних гласных. Однако при этом есть довольно веские основания полагать, что гласные 2-го предударного слога могут быть сильнее гласных 1-го предударного слога. Это проявляется в следующем:

- 1) случаи (довольно редкие) полной редукции гласного отмечены только в 1-м предударном слоге: [гов^врила, гов^врит, хор^ошо] и т.п.;
- 2) акцентное усиление, связанное с просодией фразы, выпадает, как правило, на 2-й предударный слог: [г^ово^орит, на^асто^оле, по^осм^отри] и т.п.

Эти факты, как нам кажется, довольно убедительно свидетельствуют о сохранении, хотя бы частичном, в современных севернорусских говорах архаической акцентной структуры, которая имела волнообразный характер.

Фонетический эллипсис — явление, хорошо известное каждому исследователю живой речи, будь то диалектная речь или разговорная разновидность литературного языка.

Наблюдения над диалектами, а также пристальное изучение записей спонтанной речи позволяют сделать некоторые обобщения данных, касающихся эллиптических явлений в говорах.

Обобщения эти могут быть сформулированы следующим образом: если для южнорусских и среднерусских говоров характерен преимущественно эллипсис гласных, то для севернорусских говоров следует отметить преобладание эллипсиса согласных. Иными словами, компрессия речевой цепи осуществляется в этих говорах преимущественно за счет консонантных элементов звуковой последовательности.

Об этом свидетельствуют и единичные факты пропуска согласных в севернорусской речи, и явления, затрагивающие целые категории согласных. Сюда же, несомненно, следует отнести явления, связанные с упрощением консонантных сочетаний.

Преимущественный эллипсис согласных в севернорусских говорах связан с характером языковой системы этой диалектной зоны, а именно, с отсутствием редукции гласных и слабой выраженностью словесного ударения. Ср. по этому поводу следующее замечание С.В. Кодзасова: "Нужно заметить, что характер эллиптических явлений тесно связан с системой данного языка. Например, широкое выпадение гласных, очевидно, возможно лишь в языке с сильным ударением и значительным ослаблением безударных, а также при отсутствии жестких ограничений на сочетаемость согласных" [47, 132].

Поэтому универсальная тенденция к упрощению речевых артикуляторных программ, проявляющая себя в любой речевой цепи, направлена в севернорусских говорах прежде всего на консонантные элементы звуковой последовательности, за счет сокращения которых и осуществляется здесь принцип экономии речевых усилий.

Случаи эллипсиса гласных в севернорусской речи крайне редки. Если они и встречаются, то затрагивает полная (до нуля) редукция гласных только слова модели СГСГС' (С...) и осуществляется она, как уже указывалось, преимущественно в 1-м предударном слоге³. Ср. примеры: [гов'р'и-

³ Можно, впрочем, указать на один случай деформации гласных в севернорусских говорах, который можно причислить к эллиптическим явлениям и на который до сих пор диалектологи не обращали внимания. Имеются в виду следующие случаи: во фразах, где союз *и* попадает в интервокальную позицию, он консонантизуется, становится "j-образным". Ср. примеры: *А потом накладывают ржи, пшеницы, ячменя* [и оwsá]; *Коль, ты поедешь, да* [jрл'а] (= да и Оля); [*да и об'ядадут*]. Отмечен даже случай консонантизации *и* в начале фразы: [и оп'еат'] *в этот мел-от нальют хмелю*.

Зато различные формы глагола *говорить* подвержены и в севернорусской речи значительным искажениям. Ср. следующие примеры: *да я* [г'ид] *боллю*; *да я* [г'] *до тебя только пришла*; *я* [г'] *корудушка не даёт молока*; *сумку накладываете же* [ид'и гыт]; [jes'д' г'ит] *у тебя свечка восковая?* и [гвор'у] *прямо по литре два раза надоила*; *иди* [говор'ид] *дуду*.

Все примеры выбраны из монолога Анны Васильевны Клешиной (д. Арзубиха Харовск. р-на Вологод. обл.); единственная недеформированная форма глагола в последнем примере.

Іа, хор^ьшб], т.е. и в этих случаях сохраняется ритмическое усиление нечетных слогов (см. об этом подробнее в разделе "Некоторые наблюдения над ритмической организацией спонтанной речи в севернорусских говорах"), в то время как максимально ослабленным оказывается гласный четного слога.

Кроме того, что фонетическое выпадение гласных в этих говорах — явление чрезвычайно редкое и удельный вес эллиптических явлений в области консонантизма тем самым оказывается более высоким по сравнению с южнорусскими и среднерусскими говорами, сам диапазон эллипсиса согласных в севернорусских говорах более широк. Это проявляется и в большей частоте выпадения согласных, и в распространении этих явлений на более широкий круг лексики, не ограниченный только аллегрными формами, и в вовлечении большего числа категорий согласных в этот процесс.

По нашим наблюдениям, в севернорусских говорах эллипсис согласных возможен в следующих случаях: 1) в интервокальной позиции; 2) в консонантных сочетаниях, которые в свою очередь могут находиться в начале, конце и середине слова.

Выпадение согласных в интервокальной позиции

В этой позиции в севернорусских говорах наблюдается спорадическое выпадение согласных разных категорий. Некоторые из этих явлений носят хрестоматийный характер и широко известны, другие описаны как единичные, не связанные друг с другом факты в диалектологической литературе, третьи до сих пор не привлекали к себе внимания.

К фактам первого рода прежде всего следует отнести выпадение ⟨j⟩ в интервокальной позиции. Явление это широко распространено в севернорусских говорах и в ряде среднерусских. Наши материалы изобилуют примерами такого рода, но эти факты слишком хорошо известны, чтобы на них специально останавливаться.

Широко распространено по севернорусским говорам выпадение интервокальных фрикативных согласных. "Лидирует" среди согласных этой категории губной спирант *ɣ*⁴. В большинстве севернорусских говоров фонема ⟨в⟩ воплощается в губно-губном спиранте [w]. Этот согласный в позиции между гласными зачастую утрачивается.

Ср. примеры из наших записей: [трау́, с ка́жноо, кору́душку, кору́ду, коро́а, самоа́р, жы́ут, поста́йщ, ётоо́] (Вологод. обл., Харовск. р-н); [на п'ер'е́ос, зоу́т, назы́аюс', ис ц'йстоо́, ётоо́ гору́дху] (Вологод. обл., Белозерский р-н).

Отмечены также случаи выпадения интервокальных фрикативных ж, з, например: [ка́аца, скаа́аw, скáащ].

Случаев выпадения глухих спирантов не наблюдалось.

Из смычных наиболее подвержены эллипсису звонкие согласные, на пер-

⁴ Ср. по этому поводу наблюдение Л.Р. Зиндера (относительно русского литературного произношения в быстром темпе): "Из звонких щелевых наименее устойчивыми оказываются губные *v, v'*" [33, 18]. К аналогичному выводу приходят и исследователи русской разговорной речи [47; 77, 78].

сп. примеры: [схоиш, госпой, нао, приут, л'уд'и пр'ихоит, проават', ув'ийш, пр'ихоит] ⁵.

Возможны случаи утраты интервокальных *б, б'*: [баушка] — повсеместно, [шуиха] — (= "Шубиха", Калининская обл., Рамешковский р-н), [ут'еа, с'еа] (Вологод. обл., Харовский р-н).

Случаев эллипсиса интервокального *г* не отмечено.

Глухие смычные, как правило, не подвержены выпадению, во всяком случае среди наших примеров такие случаи не зафиксированы.

Однако можно предположить, что замена *к* смычногортанным [ʔ], отмеченная Н.И. Скуратовой в говорах Заонежья и Л.Л. Касаткиным в некоторых говорах Ладого-Тихвинской группы, например [муж'и, моло'а] ⁶, можно отнести к проявлению описываемой тенденции.

Но все же наиболее часто утрачиваются в речевой цепи севернорусских говоров именно звонкие согласные — как фрикативные, так и смычные. Из глухих шумных на первом месте в этом отношении фрикативные. Наибольшую устойчивость к эллипсису проявляют глухие смычные. И в этом отношении материал севернорусских говоров сходен с материалом русской разговорной речи. Убедительные объяснения этому явлению находим в книге "Русская разговорная речь": «Если рассматривать выпадение интервокальных согласных с информационной точки зрения, то заметим, что выпадают в основном согласные, мало контрастные окружающим их согласным (т.е. близкие им по артикуляции и звучанию): звонкие и особенно сонорные — по звучности, фрикативные — по "открытости"».

Объяснение просто: выпадение одного элемента из цепи элементов, мало контрастирующих друг с другом, приводит к меньшей потере информации, чем выпадение из цепи элемента, сильно контрастирующего с окружающими. Именно поэтому в интервокальном положении исчезают легче звонкие, чем глухие, фрикативные легче, чем взрывные.

Естественно, что согласные, сочетающие в себе звонкость и фрикативность, особенно близки гласным и исчезают особенно легко. Это объясняет и очень высокую частоту выпадения [и] (на месте *j*), звука "почти что гласного" $\gg$ [77, 81].

Если не ограничивать случаи фонетического эллипсиса только утратой отдельных сегментов речевой цепи, но включать в это понятие и утрату признаков, как это предлагает сделать С.В. Кодзасов [47, 109], то к числу эллиптических явлений, наблюдаемых в севернорусских говорах, могут быть отнесены также такие факты, как озвончение интервокальных шумных и спирализация смычных ⁷. Остановимся на этих явлениях подробнее.

Согласные, как известно, могут быть расположены по шкале звучности, или, так сказать, с обратным знаком, по шкале нарастания консонантных

⁵ См. также наблюдения В.В. Колесова в работе [50]. Что же касается разговорной речи на литературном языке, то здесь случаи эллипсиса твердого интервокального *д* крайне редки, однако в частотных словах они возможны, ср. примеры: [каа] — когда, [таа] — тогда, [фс'аа] — всегда, [наа] — надо, [сп'еуш'аа] — следующая [77, 79].

Многочисленны случаи утраты в русской разговорной речи интервокального *д'* (см. 47, 25).

⁶ Это явление описано С.С. Высотским [24, 127–128].

⁷ См. в этой связи замечание Л.Р. Зиндера: "... чем тот или иной согласный ближе по своей акустической природе к гласным, тем он менее устойчив" [33, 27].

признаков. Исходя из этого, наиболее яркими консонантными признаками обладают глухие смычные. Самые "плохие" консонанты — сонорные. Поэтому озвончение глухих шумных, с чем мы сталкиваемся sporadически в большинстве севернорусских говоров, может быть расценено как "понижение" их в ранге консонантности. Подробнее об озвончении интервокальных шумных согласных см. в работе [66, 211–214].

Во многих севернорусских говорах наблюдается спирализация ряда смычных согласных. Так, например, широко распространена спирализация губных смычных, преимущественно — б, но отмечены также и случаи произношения ф в соответствии с этимологическим и. Примеры такого рода отмечаются в широком ареале севернорусских говоров. Наши материалы отражают это явление на территории Архангельской, Вологодской, Кировской, Костромской областей, а также в ряде окружающих говоров Калининской и Новгородской областей.

Ср. примеры: [пр'ив'ерут, ахтовусы, завь́ла (= забыла), т'ев'а́, ету рь́ву, сов'о́и (= с собой), сов'ира́т, н'е выва́ла, н'е фосп'ева́ют, ф клу́в'е (= в клубе), пов'ежал'и, пов'еа́жала, р'ев'ата (= ребята), гр'иву́дw (= грибов), н'е ув'ирае́а, пр'ив'ежа́ла, хл'е́ва (= хлеба), злов'иха, фс'о в'егу́т и в'егу́т].

Приведенная транскрипция довольно грубо отражает звуковую реальность, поскольку в действительности в речевой цепи присутствуют разные степени спирализации губных: от некоторого сокращения длительности смычной фазы и превращения тем самым губного в аффрикату или аффрикатоид (б^в, б^в и б_в) до полного исчезновения смычки и появления в (или w) в соответствии с этимологическим б. Те же явления наблюдаются и в реализации глухих губных, однако гораздо реже.

Это явление возможно и в начале слова, ср.: [ыва́ло, фосп'ева́ют, в'е́гат, потстанав'ивы́т в'о́чку (= бочку), в'егу́т].

Можно предположить, что произношение б, и в соответствии с в, ф, например [бор'а́г (= Варяг), боз'ер'е (= в озере), б'е́т'ор (= ветер), б'ер'х'о́в'иа, наб'ива́юш на в'и́лы (= навиваешь), бал'а́т] (= валят), — следствие гиперкоррекции⁸.

Из других смычных можно указать на случаи (повсеместно распространенные на Севере) спирализации д', но заместителем смычного в этих случаях выступает j.

Такой путь спирализации д' в севернорусских говорах представляется естественным, если принять во внимание особое качество этого согласного на севернорусской территории.

Как убедительно показала в своей работе А.М. Кузнецова [54], д' (так же, как и т') в исследованных ею севернорусских говорах представляет собой палатальный среднеязычный согласный (см. палатограммы в [54]). При таком способе артикуляции не наблюдается свистящего послевзрывного элемента (ассибиляции) после смычной фазы д', как в русском литературном языке, поэтому в результате спирализации д' в этих говорах произносится [j], отличающийся от взрывного д' способом образования и совпадающий с ним по месту образования⁹.

⁸ Аналогичное явление в сибирских говорах А.М. Селищев объясняет иноязычным влиянием, см. [78, 245–246, 321–323].

⁹ Однако, по наблюдениям исследователей русской разговорной речи [47], и на этом материале не отмечено произношение з' на месте интервокального д'. См. рассуждения по этому поводу в книге [77, 82–84].

[γ'] в соответствии с фонемой ⟨г⟩, отмечаемые исследователями в некоторых севернорусских говорах. Подробно это явление описано С.С. Высотским [84].

В говорах Харовского р-на такие случаи также спорадически встречаются: [н'е проу'он'иш, зару'ала, ру'ам, мнуб'оу, ру'ат, стоу'удw] и др. Это явление не лежит на поверхности, не сразу привлекает внимание исследователя, и только большие массивы записей спонтанной речи дают возможность его обнаружить.

Глухие смычные *г'* и *к'*, по нашим материалам, в говорах не спирантизуются.

Тот факт, что озвончение глухих и спирантизацию смычных можно рассматривать как частный эллипсис или как шаг к полному эллипсису согласных, подтверждается примерами такого рода: [тут шуб'иха/шув'их; у наз была//ja на глух'е воз'му/и удавл'ус' на б'ир'оз'е].

В этом отрезке слово *Шубиха* (топоним) предстает в трех звуковых обликах: с интервокальным звонким губным смычным, с заменой его соответствующим спирантом и с выпадением интервокального губного. Форма [шув'иха] — промежуточная ступень между полной формой слова и его эллиптическим вариантом.

Столь же вариативны формы местоимений: [г'еб'а > т'ев'а > г'еа], [сб'а > с'ев'а > с'еа]; [гоб'и > тов'и > тоби], [соб'и > сов'и > соби].

Как видно из рассмотренных фактов, большая часть из них свойственна и разговорной речи литературного языка. Отличие говоров от русской разговорной речи в этом плане носит в основном количественный характер: в говорах указанные явления распространены шире, затрагивают все слоги лексики, а не ограничены лишь наиболее частотными словами, как это наблюдается в русском литературном языке.

Но некоторые из перечисленных явлений специфичны только для фонетики говоров и отсутствуют в нормативной русской речи, во всяком случае они не отмечены в исследованиях по разговорной фонетике. Это замечание к смычнортантным согласным, спирантизация *г* и *б*.

Упрощение групп согласных

Явления, связанные с упрощением консонантных сочетаний в севернорусских говорах, хорошо известны; многие из них достаточно полно освещены в диалектологической литературе.

Наша задача — показать, что все эти явления в конечном счете сводятся к одному общему механизму — эллипсису согласных.

Этот механизм бесспорно, лежит в основе широко распространенных по говорам явлений.

1) Утрата одного из членов консонантного сочетания:

а) В конце слова

-ст > с: мост > мос, наст > нас; пост > пос;

-зн' > с': жизнь > жи [с']; болезнь > боле [с'];

-бр > п: добр > до [п];

-др > т: Александр > [ол'ексáнт].

б) В начале слова.

В наших записях широко представлено выпадение *в* в консонантных сочетаниях, например:

вм > *м*: *в магазин* > [м]агаз'ин;
вз' > *з'*: *взяли* > [з']яли;
взг > *зг*: *взглянуть* > [зг]лянуть;
вс' > *с'*: *всю* > [с']ю; *все* > [с']е;
вт' > *т'*: *в тягу* > [т']ягу;
вп' > *п'*: *вперед* > [п']еред; *в печку* > [п']ечку;
вн' > *н'*: *внизу* > [н']изу;
вд' > *д'*: *в деревню* > [д']еревню;
лн' > *л'*: *льняное* > [л']яное.

в) Внутри слова.

Нередки случаи утраты *р* в сочетаниях согласных: *чорт* > [ч'от]; *октябрьскую* > *октя* [пс]кую, *ноябрьскую* > *ноя* [пс]кую.

Утрачивается интерконсонантное *-т-*: *жесткая* > *же* [ск]ая; *невестка* > *неве* [ск]а; *в остроге* > *в* [оср]оге; *Усть-река* > *У* [с']-река; *бесчестье* > *бесче* [с'це], *хозяйство* > *хозяй* [с]во.

В вологодских говорах мы отмечали утрату [j] в сочетаниях заднеязычный + j, губной + j в таких случаях, как: *к Юре* > [к'у' р'е]; *к ему* > [к'е]му; *в юлину* > [в'у]лину.

Все эти случаи, а также другие многочисленные примеры утраты одного или нескольких членов консонантных сочетаний дают один и тот же результат: разгрузку речевой цепи за счет устранения ее консонантных звеньев.

Так, фрагмент текста, который должен был бы иметь вид:

А внизу вот тут, внизу
vсsvсvсvсvсvсvс

трансформируется в:

[а н'изу во'ут н'изу]
vсvсvсvсvсvсvс,

приближаясь тем самым к простейшей последовательности vсvсvсvс...

Ср. также следующий фрагмент:

И побежала с шаньгой в деревню
[и пов'ежала шан'г'оц д'ер'евн'у]
vсvсvсvсvсvсvсvсvсvсvс

2) По существу к тому же результату приводит уподобление 1-го члена сочетания второму, т.е. явление регрессивной ассимиляции:

дн > *н*: *водный* > во [н]ый, *медный* > ме [н]ый, *под ногами* по [н]огами;
бм > *м*: *обмен* > о [м']ен; *обман* > о [м]ан, *обмочу* > о [м]очу;
ш > *ш*: *с шаньгой* > [ш]аньгой; *лес шел* > [л'е ш] ол;
вн > *н*: *внизу* > [н']изу;
шс > *с*: *ты знаешь свой лес* > ты зн [аџ] вой лес;
бв > *в*: *обведут* > о [в']едут; *обварят* > о [в]арят.

В этих случаях заместителем утраченного согласного остается долгота оставшегося члена консонантного сочетания; результат же – уменьшение консонантной насыщенности речевой цепи.

3) К тому же результату приводит и уподобление 2-го члена сочетания 1-му, т.е. явление прогрессивной ассимиляции, например:

ст' > с': Настя > На [с'] а; опустили > опу [с'] или; угостили > уго [с'] или; стены > [с'] ены; пропустили > пропу [с'] или; гости > го [с'] и; зд > з̄: опоздала > опо [з̄] ала; зд' > з̄': звезды > гво [з̄'] и; ездят > е [з̄'] ят; звездыки > гво [з̄'] ики; сделают > [з̄'] елают; вб > в̄: в бараках > [в̄] араках; в баню > [в̄] аню; вбить > [в̄'] ить; илс > ӣ: бьешься > бье [ш̄] а.

В эту же группу следует отнести и изменения в сочетаниях переднеязычных согласных с j: платье > пла [т'] е; ночью > но [ч̄'] у; Настасья > Наста [с'] а (см. об этом подробно [7]).

Все перечисленные изменения имеют одну направленность — речевая цепь освобождается от согласных.

Если проанализировать, какие консонантные элементы утрачиваются в первую очередь, то кажется весьма достоверным предположение о том, что наиболее подвержены эллипсису согласные, слабо слышные, мало контрастирующие с гласными (в, р, н, j) и конечные импловивные¹⁰.

Наибольшую устойчивость к эллипсису проявляют согласные, имеющие наиболее контрастные характеристики по отношению к гласным: с, ш, ц (ч), з, ж, к. Эти согласные, к л ю ч е в ы е, по определению Л.Р. Зиндера [33], помогают сохранить консонантный костяк слова, сделать слово узнаваемым в потоке речи.

Однако консонантные потери, происходящие в результате эллипсиса, приводят к изменению морфологической структуры слова. Ср. по этому поводу рассуждение В.М. Живова:

“...южнорусские говоры (в отличие от с е в е р н ы х) (разрядка моя. — Р.П.) в изменениях сочетаний согласных стараются не нарушать морфологического единообразия (не вводить слишком большого числа новых морфологических правил, требующих обращения к парадигме). Таким образом, в южнорусских говорах в консонантизме тенденция слушающего¹¹ проявляется в большей степени, чем в севернорусских” [30, 82];

4) наконец, многочисленные изменения в консонантных сочетаниях, являющиеся результатом диссимиляции, например: свадьба > свальба, сварьба; кто > хто; пчела > мчела; внук > мнук и т.д. также могут быть в какой-то мере рассмотрены в аспекте консонантного эллипсиса, поскольку во всех перечисленных случаях наблюдается уменьшение консонантности хотя бы в одном из членов сочетания.

Большинство из рассмотренных явлений носит нерегулярный характер, они скорее проявляют себя как тенденция, и пока еще невозможно говорить об их системном характере. Они, безусловно, находятся в сфере реализации, но со временем могут закрепиться в системе.

Лишь некоторая часть из рассмотренных явлений может быть отнесена не к окказионализмам, а к системным явлениям.

Если исходить из разделения языковых систем на “вокалические” и

¹⁰ Известно, что конечные смычные согласные во многих севернорусских говорах имеют импловивный характер.

¹¹ О различии в языковых системах в связи с установкой на слушающего и говорящего см. [82].

”консонантические”, то севернорусские говоры должны быть отнесены к первым. Отсутствие вокалических потерь в речевой цепи, существенные консонантные потери (даже в интервокальных позициях, не говоря об упрощении групп согласных), широко развитая система дифтонгов — все это позволяет считать севернорусские говоры принадлежащими к вокалическим языковым системам.

В этом отношении окающие среднерусские говоры существенно отличаются от севернорусских: насыщенность речи согласными в первых значительно больше, в основном за счет возможных выпадений безударных гласных. Поэтому они могут быть отнесены к консонантическим языковым системам.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ САНДХИ В СЕВЕРНОРУССКИХ ГОВОРАХ

Вопрос о явлениях на стыке фонетических слов в говорах русского языка находится еще в стадии изучения. Некоторые сведения о реализации согласных в этой позиции содержатся в отдельных публикациях по фонетике русских говоров, однако исследований, где бы освещалась указанная проблема в целом, до сих пор нет. А между тем поведение согласных в сандхи оказывается весьма информативным с точки зрения функционирования корреляции согласных по глухости-звонкости и твердости-мягкости в той или иной языковой системе. Иными словами, тот или иной тип сандхи можно считать индикатором коррелятивных отношений согласных в русском языке и его говорах.

Были исследованы реализации согласных перед последующими согласными и перед гласными переднего ряда на стыке фонетических слов.

Объектом изучения было поведение согласных в севернорусских говорах в сандхи с точки зрения их корреляции по глухости-звонкости и твердости-мягкости.

В ряде севернорусских говоров, а именно в говорах на территории Костромской, Ярославской, Владимирской, Ивановской и Горьковской областей, наблюдается систематическое различие звонких-глухих согласных в сандхи перед гласными и сонорными. Подробно это явление описано в работе [66, 185—186].

Ср. примеры:

[когда поезд остано^в’йлсе]; [год ьли два]; один [раз о] н идет; [и вдруг он] меня выбирает; но: в обморо [к у] пал; бросаю [т о] середь полу (Костромская обл., Межевский р-н);

всегда [уж ы]дет он с рыбой; дол [г о] гдаст; но: [рук н’е]хватат (Костромская обл., Шарьинский р-н).

Отличия от литературного языка представляет только эта позиция сандхи — перед гласными и сонорными, поскольку в других внутрисинтагменных позициях, а именно перед шумными согласными, как звонкими, так и глухими, во всех говорах русского языка шумные согласные ведут себя одинаково — озвончаются (или сохраняют звонкость) перед звонкими и оглушаются (или сохраняют глухость) перед глухими.

ареал этих необычных отношений согласных по глухости-звонкости в севернорусских говорах очерчен с большой точностью¹.

При этом в целом ряде севернорусских говоров, где нет систематического сохранения звонкости согласных в сандхи перед гласными и сонорными, это явление наблюдается sporadически. Массовое прослушивание магнитофонных записей позволяет предполагать, что явление это распространено едва ли не повсеместно на территории русского Севера. Ср. примеры:

третий го [д ја] работаю; нынц'е у [ж ја] ки лета холодны; го [д о] предельть; горо [д в']ильгельм (Вологодск. обл., Биряковский р-н);

колхо [з о]организовали; дене [г н']ету (Арханг. обл., Пинежск. р-н); медве [д' у] чуял (Калининск. обл., Сандовск. р-н);

что [б н']е испортился; все колоб да коло [б р]анше называлось; дро [в н']ет; нало [г н'е] выплатишь; а свекро [в' о]дна осталась (Вологодская обл., Харовский р-н).

При этом следует иметь в виду, что статистически во всех указанных говорах преобладают случаи произношения глухих коррелятов звонких фонем в позиции перед гласными и сонантами, ср. примеры:

у их ни [с ы]верх; сне [к ы]дет (Вологодск. обл., Биряковский р-н);

лю [п л']и сосед? се го [т у]было лошадь (Архангельск. обл., Пинежский р-н);

как ра [с в]ыходила замуж; лоша [г' в]ыведут; му [ш у]шел; шане [к р]азных напекут; кру [к о]кружаю; все наро [т ы]народ (Архангельская обл., Мезенский р-н);

досу [к н]ам было учиться; досу [к в]ышивать; дене [к н']е надо; а об'е [т н]ам там готовой; как ра [с м]ы сыты (Калининская обл., Сандовский р-н);

вра [к н]ашелся; ле [т ы]ще пощиплят; этот коло [п в]ынимали; хле [п м]оложили; го [т н']есчастный (Вологодская обл., Харовский р-н).

Итак, в отношении функционирования глухих-звонких согласных в сандхи исследуемые говоры представляют некоторые черты отличия от литературного варианта русского языка. Вернее сказать, что в говорах как бы соприсутствуют две системы, одна из которых идентична системе русского литературного языка, а другая отличается от нее и аналогична системе украинского языка. Действительно, если обратиться к материалу этого восточнославянского языка, то нельзя не отметить сходства в отношении корреляции согласных по глухости-звонкости между ним и севернорусскими говорами. Для этих систем сильными по глухости-звонкости позициями оказываются позиции: 1) конца синтагмы, 2) перед гласными и 3) перед сонорными.

И, наконец, есть еще одна деталь, сближающая эти системы, но относящаяся не к фонологическому уровню анализа, а к фонетическому, на что также было обращено внимание в цитированной статье, а именно, наличие полувзвонких согласных в интервокальных позициях в звуковой цепи

¹ Эта территория частично вошла в уже опубликованный "Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы" (М., 1957) — сохранение звонкости конечными согласными отражено на карте № 46).

украинского языка и севернорусских говоров (см. [66], а также [49]). Этот факт дает основание для пересмотра существующего мнения о наличии корреляции по глухости-звонкости в этих языковых системах. Иное, чем в русском литературном языке, распределение сильных и слабых позиций согласных по глухости-звонкости, а также возможность произношения полувзвонких согласных в некоторых позициях, позволяет высказать предположение о существовании в этих системах корреляции согласных по напряженности-ненапряженности (*fortes-lenēs*). В свете этой гипотезы находят объяснение и факты "оглушения" звонких перед следующими глухими, и факты "озвончения" глухих перед следующими звонкими: в этих позициях происходит нейтрализация по напряженности/ненапряженности.

Что касается корреляции согласных по твердости-мягкости на стыке слов, то этот вопрос представляется недостаточно изученным не только применительно к диалектному материалу, но и к материалу русского литературного языка.

Прежде всего следует уточнить классификацию позиций, в которых этимологически твердые согласные могут испытывать палатализацию на стыке слов. Даже на уровне слухового наблюдения становится ясно, что, в отличие от других случаев сандхи, в понятие стыка слов здесь должно быть включено сочетание предлога со словом. Для русского литературного языка эта позиция имплицитно приравнивается к позиции сочетания двух самостоятельных слов, см. [295; 81, 310].

В то время как в сочетании предлога с самостоятельным словом парные по глухости-звонкости согласные ведут себя так же, как внутри слова (ср. [под окном], [от окна], но [сат Ани] и [кот Ани]), в этой же позиции парные по твердости-мягкости согласные функционируют так же, как на стыке слов (ср. *о [ты]ры* и *ко [ты]ры*).

Итак, позиция сочетания предлога с самостоятельным словом для этого случая сандхи может быть приравнена к позиции сочетания двух самостоятельных слов.

В литературном варианте русского языка в этой позиции все парные по твердости-мягкости согласные перед фонемами ⟨и⟩, ⟨е⟩ и ⟨ј⟩, начинающими следующее слово, выступают в своем основном виде².

При этом после твердых согласных фонемы ⟨и⟩, ⟨е⟩ реализуются в гласных среднего ряда [ы]. [ɔ]: от Иры [атыры], брат Иры [брат ыры], от Эммы [ат эмы], брат Эммы [брат эмы]; но: мать Иры [мат' иры], [мать Эммы |мат' емы].

² Вот почему одним из проявлений русского акцента при обучении иностранному произношению оказывается сочетание в сандхи конечного твердого (даже веляризованного) согласного с начальным *ы*, в то время как произношение на любом европейском языке, где нет корреляции согласных по твердости-мягкости, требует сочетания в сандхи невеляризованного и даже слегка палатализованного конечного согласного с начальным *и*. Ср., например, в немецком [darfɪç] вм. [darfɪc], [musɪç] вм. [mus'ɪc], [was ɪst das] вм. [was'ɪst das] и т.д.

Последний пример в записи, точно отражающей нормативное немецкое произношение, находим у Пушкина в "Евгении Онегине":

*И хлебник, немец аккуратный,
В бумажном колпаке, не раз
Уж отворял свой васисдас*

(Глава I-я, XXXV).

иной тип сандхи представлен в современном украинском языке. На стыке слов перед гласными переднего ряда здесь возможны только мягкие согласные.

Именно с таким фонетическим явлением на стыке слов мы сталкиваемся во многих севернорусских говорах.

В заметках С.С. Высотского о гласном *ы* находим следующее наблюдение: "Распространенность по говорам, как и в литературном языке, вариация *и-ы* в примерах "кот и повар" общеизвестна, однако такой тип сандхи не является единственным... несвойственное большинству говоров, как и литературному языку, смягчение конечных согласных перед *и* следующего слова *т'ех' и друг'их, иван' иваныч', поп' и балда* на окраинах территории южнорусских говоров может объясняться субстратом украинской фонетики, но этот же принцип сандхи встречается кое-где в северной зоне распространения севернорусского наречия" (разрядка моя. — Р.П.) [84, 81].

Единичный пример такого рода находим у О. Брока [14, 82]: [вон' этот], который, впрочем, тут же оговаривается, что, возможно, здесь имел место эллипсис: "вон' и этот" (хотя и в таком контексте имеет место сандхи, не свойственное литературному русскому произношению).

Говор, описанный О. Броком, типологически близок к наиболее архаическим говорам из числа обследованных нами, а именно к говорам из Биряковского и Харовского районов Вологодской обл. Именно в этих говорах наблюдается последовательное смягчение этимологически твердых согласных перед (*и*), (*е*) на стыке слов, а также перед смягченными согласными и (*ј*).

Вначале будет рассмотрен материал, записанный в Катромском с/с Харовского р-на Вологодской обл. (деревни Арзубиха, Полутиха, Злобиха, Макаровская, Дягелево, Никитинская). Согласные, различающиеся по месту образования, будут последовательно рассмотрены в позициях перед *и, е, ј* и смягченными согласными.

1) Позиция перед *и*:

а) губные согласные:

[в' ин'диину], [з бл'инам' и хл'ебал'и];

б) переднеязычные согласные:

[ол'ександр' ид'ёт], [на двуор' и снос'и], [он' и говор'ит], [он' и поб'еж'ав], [он од'ин' и ж'ив], [он' и говор'ит], [он' и прос'ит], [муш'ин' и н'е было], [нам ел'ут' ијо]³, [жен'щин' и тоо'моуоже], [он' и в'јече], [д'ь нас' и в'ели], [с'иконои], [как поес' ид'от], [нас' и пог'онат], [этот' иван'ов д'ен], [вог' и пр'ив'езут], [вог' и нао'было], [тут' и попы];

в) заднеязычные согласные:

[так' и ж'ыл'и], [их' и вар'иш], [одн'ех' ик'он], [к' ик'он'е].

2) Позиция перед *э*:

а) губные согласные:

[в' этот м'и'ёл-от], [в' эту костр'ул'у], [тол'к'ъ заш'а в' этот сосн'еак], [а там' этот н'икол'ьск'и]. [потом' ет'и];

³ Примечательно, что в результате возникает форма 3-го лица глагола (*намелють*). Сходная с южнорусской!

б) переднеязычные согласные:

[вот' ёто стару́шка], [вот' ёто], [в'ет' ёто], [нам'ёл'ут' ётово горóху], [она вот с' ётой м'ик'ит инс'к'ои была], [с' ётовъ товар'иша], [што-то из'с-тово];

в) заднеязычные согласные:

[к' ётому], [так' ёто у нас пр'йгороды называ́иуце], [как' ёта их, ётот зна́ат], [отвод-от пр'итвор'аёца к' ётому стовбу́], [к' ётому хоз'аину].

3) Позиция перед *ʃ*⁴:

а) губные согласные:

[потóм' ја], [в' јес'л'и], [об'јул'е];

б) переднеязычные согласные:

[из' јуцк'и], (АС) [вот иёво ёдаг зьруб'йл'и], [ну вот' ја ет'и травы тьк на в'идок зна́иу];

в) заднеязычные согласные:

[ну как' ја гьт вам закл'цу'ён'ице дам], [и ја к' немý], [и бол'ше жыт к' еи н'е пошт'и], [ја пр'ишá к' јој], [к' им гул'ёт], [их' а за́втраком на-кормл'ý], [их' ишбó зал'још водој].

Наконец, в позиции, поведение твердых согласных в которой недостаточно исследовано и в литературном варианте русского языка⁵, а именно в позиции перед мягкими согласными, в говоре было отмечено последовательное смягчение этимологических твердых согласных. Ср. следующие примеры:

[На красном' м'ас'е], [а л'он' с'ийел'и], [на иванов' д'ен'], [ёт'им'с'л'ёдом], [пр'им'и моју скот'инушку/к' с'иб'е на рук'и], [пр'им'и моёво м'ишово жьвотá/к' с'еб'е на рук'и], [снос'и к' с'еб'е].

Следует сразу же отметить, что, несмотря на явное количественное преобладание реализаций твердых согласных в палатализованных вариантах во всех перечисленных позициях, изредка были замечены и случаи сандхи, подобные тем, которые мы наблюдаем в литературном языке, т.е. случаи типа "в ы́јул'и л'и вы́јун'е", [тут ышб́].

В типологически сходном говоре из Биряковского р-на отмечены подобные факты палатализации конечных согласных в сандхи. Ср., например:

1) Позиция перед *и*:

а) губные согласные:

[на п'ечи в' изб'е старуха], [вот л'йетом' ид'ёш], [в' изб'е держáла];

б) переднеязычные согласные:

[он'и постав'ил'и во фланг пул'ем'ёт'и], [с'ил'но ијбó к'йнул' и она́];

⁴ Фонетические реализации фонемы ⟨ʃ⟩ в говоре еще более разнообразны, чем в русском литературном языке. В частности, *ʃ* может реализоваться нулем звука, как в случаях [к' уре], [к'еи] и т.п. В литературном языке утрата *ʃ* в слого под ударением невозможна.

⁵ О реализациях твердых конечных согласных в русском литературном произношении в указанной позиции см. [3, 212; 70]. Наши наблюдения позволяют сказать, что полное смягчение конечного согласного перед следующим мягким на стыке слов воспринимается как явный украинизм, ср. в произношении И.С. Козловского: *приве[г'т'е#]бе, приют невинный; о[н' н']е отказывается* и т.д. Во всяком случае подобное смягчение конечного согласного в нормативном русском произношении невозможно в "светлом" участке фразы. Возможно, что оно допустимо в периферийных, "темных" фразовых позициях.

..., *санджычныя* согласные:
[и в руках' диво п'иá], [тáк' и м'ерт' в' ёц], [под'язок' и лóш'jes], [так' и л'ежáт] и т.д.

Эти "нелитературные" случаи санджи сосуществуют с теми, которые свойственны литературной норме.

Прежде чем обратиться к фонологической интерпретации изложенных фонетических фактов, следует отметить, что палатализация этимологически твердых согласных в санджи — явление, распространенное далеко не повсеместно в зоне севернорусского наречия. Для сопоставления были обследованы говоры Белозерского р-на Вологодской обл. и севернорусские говоры на территории Карельской АССР.

Белозерский р-н Вологодской обл.

1) Позиция перед *и, е*

[д'ёв'ед' д'он ыскал'и], [так ы было], [п'ер'ед ыкóнои], [вот ызв'ин'й-г'е], [так ысхудáют' фс'а б'еднаá], [вот ето а́нушка], [заход'ат ы с н'ей вот ета мáч'еха], [взры́к ы р'ив'ят] (= "навзрыди ревут"), [так ы было рáнше], [м'ет'от ызбу], [потóм ето фс'е пр'ич'óты], [в'ин'ик' ёкой], [вот ы по'ежал'и], [тут ы за'пировал'и], [золóвушок ы пл'ем'áнушок].

2) Позиция перед мягкими согласными

[н'е с к'ем], [с н'им], [ц'ер'ез н'ёскол'ко вр'ем'а], [потом н'есут], [там н'ёскол'ко].

3) Позиция перед *ј*

[потом ы'е подру'г'и], [вот ја ишо́ роскажу́], [как ја б'еднаá], [так ы'о].

Медвежьегорский р-н Карельской АССР

1) Позиция перед *и, э*

[в ы́збу], [в ы́збы], [в ы́збы́], [в ы́зб'о́нк'е], [в ы́збу́], [как ыд'е́], [как ёто].

2) Позиция перед мягкими согласными

[с к'им].

3) Позиция перед *ј*

[из ја́ндомы], [в ја́ндому], [от ја́ндомоз'ера].

Как видно из приведенных примеров, в отношении интересующего нас случая санджи некоторые севернорусские говоры ведут себя аналогично литературному варианту русского языка. Отсюда следует вывод о том, что не все севернорусские говоры едины в плане реализации твердости-мягкости согласных на стыке слов.

Фонетическое различие представляется возможным связать с какими-то более глубокими различиями в фонологических системах севернорусских говоров. При этом следует иметь в виду, что говоры, типологически довольно далекие друг от друга, а именно, принадлежащие к Белозерской и Онежской подгруппам северного наречия, оказываются в определенном отношении сходными. Говор же Катромского и Кожуховского с/с Харовского р-на Вологодской обл. (Вологодская подгруппа северного наречия)

противопоставлен им, несмотря на то, что во многих других фонетических проявлениях он близок белозерским говорам.

Кардинальным различием в фонологических системах сравниваемых говоров оказывается различие в развитости корреляции согласных по твердости—мягкости. В катромском говоре, если говорить о поверхностном проявлении этой черты, отмечены так называемые согласные неполного смягчения.

Относительно говоров такого типа было даже высказано мнение в диалектологической литературе о том, что в них отсутствует корреляция согласных по твердости—мягкости см. [44]. Это наблюдение было сделано на материале говоров Биряковского р-на Вологодской обл., типологически очень близких катромским. Следует заметить, что сплошное прослушивание и транскрибирование текстов говора позволило выявить всю звуковую панораму и обратить внимание на такие детали, которые ранее при поиске отдельных примеров ускользали из поля зрения исследователей. Так, удалось установить, что полумягкость — не единственный способ реализации палатализации согласных. "Спектр" палатализованных оттенков согласных в говоре очень широк — от практически твердых (на месте этимологических мягких) до полностью смягченных. Сплошное литерирование текста позволило выявить, что существует определенная настройка говорящего на большую или меньшую палатализацию согласных в разных фрагментах текста. Поэтому вполне возможными оказались случаи полного смягчения согласных различных категорий, в том числе даже губных, которые, как известно, более других согласных подвержены отвердению. Но здесь имеется в виду фонетическая мягкость, которая может иметь место и в системах, в которых нет корреляции согласных по твердости—мягкости.

Вопрос же о фонологической принадлежности этих согласных представляется дискуссионным. И в этом отношении позиция согласных на стыке слов перед следующими гласными переднего ряда и мягкими согласными, как кажется, оказывается весьма показательной.

В языковых системах типа той, с которой мы сталкиваемся в литературном варианте русского языка, а также в большинстве его говоров, включая ряд говоров северного наречия, таких, например, как белозерские и заонежские, т.е. в тех, где имеет место произношение [к ыре], [ат эмы], [брат ыван:], "хозяевами положения" оказываются согласные. Позиция конца слова — сильная для противопоставления твердых—мягких согласных, поэтому твердые согласные фонемы реализуются в этой позиции в твердых согласных звуках. Гласные же "подстраиваются" под такое произношение согласных, вследствие чего фонема <и> реализуется в этой позиции в своей вариации [ы], а фонема <е> — в вариации [э], т.е. в гласных, обычно выступающих в позициях после твердых согласных.

В позиции перед словами, начинающимися с палатализованных согласных и палатальным *j*, твердые согласные фонемы реализуются в твердых согласных звуках; ассимилятивному воздействию следующих мягких согласных препятствует пограничный сигнал. Так обстоит дело в русском литературном языке и в большинстве русских говоров.

В тех языковых системах, где произносится [брат' иван], [к' ире], [в' инд'ии], палатализация конечного согласного не самостоятельна, а возникает под воздействием начального гласного последующего слова. "Хо-

Словом, положения здесь являются гласные. Их тембром — переднерядным или переднерядным — и определяется качество предшествующего согласного. Палатализация согласных в этих случаях имеет позиционный характер. Степень палатализации может иметь разные градации, зависящие от качества конкретных согласных, позиции во фразе и даже, как указывалось выше, психологической настройки говорящего. Такое положение, как кажется, возможно лишь в системах, где нет противопоставления согласных по твердости—мягкости — эта корреляция либо еще не сложилась, либо находится в зародышевом состоянии.

Были рассмотрены языковые системы, где все категории согласных либо противопоставлены по твердости—мягкости, либо это противопоставление отсутствует у всех категорий согласных.

Однако небезосновательным кажется предположение о том, что существуют говоры, где разные категории согласных неодинаково ведут себя в рассматриваемой ситуации сандхи. Так, позиционное смягчение перед последующими гласными переднего ряда могут испытывать либо только губные согласные, либо только заднеязычные, либо и те и другие, в то время как переднеязычные могут сохранять твердость. И в русском литературном языке, где корреляция по твердости—мягкости для заднеязычных согласных, по мнению ряда исследователей, не может считаться окончательно сложившейся, представляются неслучайными колебания в произношении конечных *к, х* в сандхи. Р.И. Аванесов [3] не случайно предостерегает против произношения мягких перед следующими *и, э* ("их' иґры" и "их ыґры", "к'эм'е" и "к'эм'ь").

Предварительное, и далеко не исчерпывающее, исследование материала литературного произношения позволяет отметить, что особенно часто заднеязычные согласные получают палатализацию перед последующим *ј* ("их' јас'л'и", "к' јах'т'ь"). Тот факт, что палатализация в таких случаях может быть неполной, только подтверждает предположение о связи "поведения" согласных в сандхи с коррелирующей твердости—мягкости.

Наблюдения над речью дикторов радио, актеров театра и кино позволили заметить, что случаи сандхи, отличающиеся от нормативного, довольно часто встречаются. В ряде случаев такое произношение может быть объяснено, так сказать, "родимыми пятнами" диктора или актера и связано с его более ранним украинским или диалектным говорением. Так, у И. Смоктуновского (севернорусская диалектная база) отмечено [в'эт' их' рбш'ахъ, [песбк' и пбл'] и др.; у В. Ланового (украинская база): *на восток* [к' и] *запад*; *принесенны* [х' и] *ми жертв, винтово* [к' и] *пулеметов*; у М. Астангова (украинская база): *автомобильны* [м' и] *парусным гонкам, по коридора* [м' и] *ще в тот сумрачный час*; у П. Кадочникова (украинская база): *высоки* [м' и] *страшным голосом*.

Однако даже у лиц, чье произношение во всех остальных проявлениях совершенно нормативно, нам случалось отмечать смягчение конечных заднеязычных перед следующими гласными переднего ряда, например: [к' е^И н'ерг'ии] — М.А. Реформатская. Такое произношение отмечено у А.А. Реформатского, В.Н. Сидорова, С.С. Высотского, М.А. Реформатской.

Можно предположить, что такое позиционное смягчение заднеязычных согласных в литературном языке, хотя и проявляется спорадически, все же

отражает некую неустойчивость корреляции заднеязычных согласных по твердости—мягкости.

Любопытно отметить, что в современном русском произношении, которое, впрочем, должно быть отнесено к сфере разговорной речи, в результате эллипсиса начального *j* в предударных слогах, возникает возможность сочетания мягких губных и заднеязычных с последующим *и* в условиях сандхи как бы по украинской и севернорусской модели. Имеются в виду случаи типа:

[в' инвар'е, в' ипóн'ии, в' ивроп'ь, в' ираславл'ь, в' ијó глазах, к' иво радным, к' ијó уд'ивл'ен'иу] и т.д.

Мягкость согласного в этих случаях — след исчезнувшего *j*. Впрочем, эти формы сандхи сосуществуют с другими, где конечный твердый согласный сочетается с начальным гласным непереднего ряда:

[в ынвар'е, в ыпóн'ии, в ывроп'е, к ыво радным, к ыјó уд'ивл'ен'иу] и т.д.

Такие колебания в выборе твердого или мягкого согласного характерны только для губных и заднеязычных. Переднеязычные согласные в этой позиции реализуются только в твердых вариантах:

[с ынвар'а, из ыпóн'ии, п'ър'эд ывроп'ьи, ат ыјó пал'тó, сн ыво в'ид'ьл] и т.д.,

что естественно, поскольку в кодифицированном произносительном варианте эти согласные сохраняют твердость перед *j*⁶:

[с иинвар'а, из иипóн'ии] и т.д.

НЕКОТОРЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ НАД РИТМИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИЕЙ СПОНТАННОЙ РЕЧИ В СЕВЕРНОРУССКИХ ГОВОРАХ

Прежде чем обратиться к анализу речевого материала, следует еще раз указать на те непредвиденные трудности, с которыми сталкивается на своем пути исследователь живой речи говора. Это естественно, ведь каждый говор являет собою систему, в корне отличающуюся от системы родного языка исследователя. С.С. Высотский по этому поводу как-то сказал, что к изучению любого говора следует относиться без тени высокомерия, как к изучению иностранного языка.

Особенно много неизведанного таит в себе просодическая сторона диалектной речи. Эта область недостаточно изучена и в русском литературном языке, а в говорах это настоящая "terra incognita". В этой связи можно вспомнить наблюдение К.К. Барышниковой: "Но как только исследователь рискует погрузиться в поток живой речи ... правила перестают действовать, а соотносимые слова рассыпаются и соединяются ударениями совсем не в указанных позициях, да еще порождают новые, неожиданные слоги-

⁶ Таким образом, севернорусская шутка "В деревне [волк'и] церковь [из'јел'и]" потому и шутка, что [из'јел'и] может соответствовать и *изъели* и *изели* (а [волк'и] — "волки" и "Волки"). В литературном же языке двойного смысла нет, т.к. "изъели" и "изели" произносятся по-разному: [из'јел'и] и [из'јел'и]. Впрочем и в литературном языке идет процесс отвердения [з'] в приставке.

... выделенности, которые вызывают недоумение и растерянность у исследователя" [8, 7–8].

Именно с такой ситуацией мы сталкиваемся, рискуя погрузиться в поток живой речи говоря.

Поэтому наши наблюдения под просодической стороной спонтанной речи севернорусских говоров носят во многом предварительный характер. В данной работе мы остановимся лишь на некоторых аспектах функционирования словесного ударения во фразе.

Акцентная организация слова в севернорусских говорах в собственно фонетическом, а точнее акустическом аспекте, до сих пор изучена недостаточно. Если подобные исследования и проводились, то внимание исследователей привлекала просодическая (вернее, темпорально-динамическая) организация диалектного слова в изолированном произнесении, т.е. фактически просодика слова-фразы. Само собой разумеется, что в таких случаях "идеальный" просодический облик слова не деформируется рамками просодии более широкого фразового контекста.

Сведения о просодических характеристиках изолированных трехсложных слов в севернорусских говорах содержатся в работе С.С. Высотского [21].

Специально исследованию проблемы просодической организации слова в севернорусских говорах посвящена монография З.М. Альмухамедовой и Р.Э. Кульшариповой [6].

Задачей данного раздела является исследование некоторых аспектов функционирования слова во фразе, а именно некоторых случаев деформации просодического контура слова в пределах просодической организации фразы.

Слуховой анализ магнитофонных записей спонтанной речи исследуемых говоров позволил отметить следующие особенности просодической организации этих текстов:

1 Первое наблюдение относится к интонационному оформлению фразы в этих говорах. Обращает на себя внимание мелодическая выделенность, как бы особая интонационная самостоятельность слов, включенных в общий интонационный контур фразы. Почти каждое слово во фразе получает свое мелодическое оформление, становясь, таким образом, обособленным от соседних слов¹. Это явление последовательно наблюдается в говорах с полным оканьем, т.е. относящихся, согласно современной диалектной классификации, к севернорусскому наречию.

Говорам с неполным оканьем (окающим среднерусским говорам, согласно современной классификации) эта черта, кажется, несвойственна.

2. В вологодских, кировских, архангельских и других говорах с полным оканьем обращает на себя внимание обилие начальных словесных ударений.

¹ Л.К. Цеплитис в своей монографии, посвященной анализу речевой интонации, определяет такой тип мелодики как повторение восходяще-нисходящего мотива в пределах одной синтагмы [85, 115]. Мелодическую обособленность каждого слова в отдельных ритмизованных участках текстов в севернорусских говорах отмечала Е.А. Брызгунова [15, 247, 262]. Этот интонационный тип описан Т.М. Николаевой применительно к славянским языкам. Она полагает, что словное оформление интонационного контура свойственно наиболее архаичным языковым системам [61].

Реже и менее последовательно эта черта проявляется в среднерусских окружающих говорах — калининских, владимирских, новгородских.

Остановимся подробнее на последнем явлении.

Очень ярко тенденция выделения первого слога в слове проявляется в говорах Вологодской области, особенно последовательно — в говорах из Харовского и Биряковского районов. Поэтому основной материал для наблюдения был нами использован именно из магнитофонных записей этих говоров.

Прослушивание магнитофонных записей и последующая классификация материала показали, что начальный слог слова в говорах может приобретать акцентное усиление двумя способами: 1) этот слог может становиться носителем единственного ударения в слове и 2) он может получать второстепенное ударение при сохранении основного ударения на том же слоге, что и в литературном языке.

Примеров первого рода сравнительно немного, ср.:

[зав'иw (= завил), сб'вал'и, под'и воза ц'отыр'и, п'ер ел'ил'и, н'е прыгаи, н'е здал'и, ж'ер'еб'еи, н'е п'ил'и, розошлас', на сн'ек, од'еяло, сосна, из л'исту, из в'еку, з г'орбом, оц'ево (= от чего), б'ез м'елу-то].

Гораздо более многочисленны случаи появления в т о р о с т е п е н н о г о ударения на начальном слоге слова. По нашим наблюдениям, это явление преимущественно отмечается в многосложных словах с ударением на третьем слоге, т.е. в словах модели СГСГСГ (СГ). Впрочем, были отмечены и примеры другого рода, весьма немногочисленные (например, [посл'е войны, пол'еана, молод'ен'к'ои — модель СГСГ (СГ...); на пап'ир'оск'и, по кл'ев'ерам, на лошада'е — модель СГСГСГСГ (С...)].

Тем не менее, примеры с усилением слога, расположенного через один перед ударным, преобладают, при этом обращает на себя внимание обилие таких случаев в глаголах с приставками, либо с отрицательной частицей *не*:

[б'ожду, п'озовут, пот'ход'и, н'е поид'от, н'е поид'ош, зап'ивал'и, на'кладут, навар'иш, пол'ивал'и, пр'ин'ес'ом, называл'ис', надругал'ис', пол'ивал'и, посад'иа, н'е да'ют, вы'ход'ила, од'евал'ис', н'е игра'w, на'кос'иw, из'лов иw, про'ход'и, н'е скажу, пр'ив'езут, н'е кос'иw, попад'ош, подн'ес'и] и т.д.

В ряде случаев второстепенное ударение наблюдается также на первом слоге бесприставочных глаголов: [б'ер'егл'и, ко'лот'ище, ворожыл'и, ар'ес'туут, ск'ип'ег'е'ат, говор'ит] и др.

Однако круг лексики, в которой происходит дополнительное усиление начального слога, не ограничивается глаголами. То же явление прослеживается и в многосложных существительных, прилагательных, сочетаниях предлогов с местоимениями, ср., например:

журавл'ом, домо'ткан'оио, м'ехова'а, со'страху, п'ер'едо мнои, с пр'иг'ов'уором, с'ен'окуд'осом, стар'ик'и-т'и, п'ирог'и, б'ез м'елу-то, на д'ер'евн'е, пр'етс'едат'ел'ем, н'иколаи, на поску'отк'е, на лошада'е, молод'ен'к'ои, молод'еош, дл'и ко'wхозу, настас'ииа, до кр'ежа, пол'ев'атам, на стол'ие, родн'и'ч'ок, от ов'ец, на пап'ир'оск'и, бригад'ир, до конца, по гр'ибы, по кл'ев'ерам, ко'рол'иха, посл'е войны, пол'еана и др.

Как видно из приведенных примеров, и здесь преобладает дополнительное акцентное усиление проклитик — предлогов, приставок и отрицательных частиц, однако этими случаями перечень примеров не исчерпывается.

Парадокс описываемого явления заключается в том, что в любом из перечисленных слов (а их список по существу остается открытым) возможно и отсутствие второстепенного ударения. Ср. примеры:

[н'е крош'и́ли, называ'ли, макроша́т, вос'ем' це'лов'ек, розв'оду́т, навар'ат, н'е помну́догу, навал'ат, выпуша́ю, накорм'и, пригон'и, п'ер'еговор'и́ли, н'е изв'есно, н'икода, говор'ит, навоз'и́ш, подговор'и, подав'и́лос'] и др.

Этот список также может быть легко продолжен. При этом любое из перечисленных слов могло бы иметь второстепенное ударение.

Видимо, подобное явление наблюдал П.С. Кузнецов в архангельских говорах (говорах Верхней Пинеги и Верхней Тоймы). Он пишет: "В многочисленных словах обычно развивается, помимо главного, вторичное ударение. Особенно заметно оно в более чем трехсложных словах с ударением на начальном слоге. Это вторичное ударение тем сильнее, чем многосложнее слово и чем, следовательно, дальше расположено оно от главного ударения. Что касается места вторичного ударения, то в четырех- и пятисложных словах с начальным ударением (на такие больше всего примеров) оно падает, по-видимому, обычно на конечный слог. В тех случаях, когда дальше нет слогов, оно падает на второй от ударения. Примеры: за́ бзе́ро-то ... С вторичным ударением в начале слова (курсив мой. — Р.П.): два́цэт'и (Прилук в Суре), выда́ите (=выдадите — Малетинская)... В отношении места ударения наблюдаются колебания в одних и тех же словах, когда такие колебания не влекут за собой смещения смысла. Колебания можно услышать в говоре одного и того же лица" [56, 11–12]. Ср. также наблюдения В.В. Колесова в работе [54].

На просодическую выделенность слога, находящегося через один от ударного (перед ударным либо после него), обращал внимание О. Брок в своем исследовании севернорусского говора из юго-западной части Тотемского уезда. Отмечая появление такого второстепенного ударения, он пишет: "Чаще всего, по-видимому, оно является через слог после главноударяемого, как, например, в боу́агоуò. ко́локо́ло". И далее: "Слабейших слогов говора мы во всяком случае вправе искать непосредственно после ударяемого, например, во втором слоге, ко́гор" [14, 17].

В дипломной работе И.В. Орловой "Явление ляпанья² в севернорусских говорах" (МГУ, 1978) отмечается, что в заонежских говорах, на материале которых было проведено исследование, регулярно усилены нечетные слоги в составе фонетического слова, в то время как четные слоги ослаблены.

Волнообразное строение просодического контура слова в севернорусских говорах отмечают также З.М. Альмухамедова и Р.Э. Кульшарипова³ [6].

² Ляпанье — фонетическое явление, наблюдающееся в русских говорах Заонежья, заключающееся в переносе ударения на первый слог. В ряде говоров при этом происходит изменение этимологического гласного первого слога (см., например [22, 32–34; 51]).

³ В книге З.М. Альмухамедовой и Р.Э. Кульшариповой содержится также указание на то, что подобным же образом строится просодика слова в украинском языке [6, 47].

Все эти наблюдения могут служить подкреплением гипотезы о том, что перед нами — явление, широко распространенное в современных говорах русского Севера.

Некоторые данные по исторической акцентологии русского языка свидетельствуют о том, что древнерусское слово также отличалось волнообразным строением акцентного контура. Это открытие принадлежит А.А. Зализняку. Исследовав акцентуацию древнерусской рукописи XIV в. "Мерило праведное", А.А. Зализняк обнаружил, что в этом памятнике довольно последовательно выявляется некоторое просодическое усиление второго заударного слога; отмечены также случаи усиления четвертого заударного слога (были выявлены графические способы передачи просодически усиленных гласных) [31]⁴.

Аналогия с современными севернорусскими говорами прослеживается в том, что в обоих случаях — и в древнерусском тексте, и в современных говорах — усиление испытывает слог, находящийся через один от ударного (ср. аналогичное наблюдение О. Брока).

Естественно, возникает вопрос: какими речевыми средствами достигается впечатление о просодическом усилении первого слога (при сохранении основного ударения на его "законном" месте)? Слуховой анализ материала, подкрепленный данными осциллографического анализа, показал, что ведущая роль в усилении первого слога принадлежит тону⁵.

Графики, отражающие кривые изменения основного тона⁶ в пределах интересующих нас участков фраз, приведены на рис. 22–27. Замечательно, что случаи восприятия на слух второстепенного ударения на первом слоге коррелируют с заметным повышением тона на гласном этого слога (ср. примеры: *одново-то она привезла, ницево говорит я не знаю, они меня ведь арестуют* и т.д.).

Интересно отметить, что такое мелодическое выделение первого слога в отмеченных словах имеет место независимо от типа интонационной конструкции, оформляющей фразу (ср. графики на рис. 23 и 24, где выделенные слова завершают фразы, оформленные разными ИК (в терминах Е.А. Брызгуновой): в первом случае — ИК-1 (*Они меня ведь арестуют*), во втором — ИК-2 (*А кто виноват-то?*)).

При этом повышение тона на первом слоге, несущем второстепенное ударение, может варьировать в довольно широком диапазоне. Частота ос-

4 Следует заметить, что и в современном русском литературном языке, по-видимому, сохраняются следы этого реликтового явления, во всяком случае, в строении заударной части слова. Действительно, самый слабый слог в русском — первый заударный, в то время как второй заударный получает некоторое просодическое усиление. На материале русских рифм это убедительно показал М.В. Панов [64].

5 В этой связи можно вспомнить типологическую классификацию языков в зависимости от характера ударения, принадлежащую Т.М. Николаевой: "В каждом языке существует преобладающая тенденция предпочитать один акустический параметр: интенсивность, тон, или темпоральные характеристики. Это также является типологическим фактором, и поэтому мы можем говорить о f-ориентированных, t-ориентированных и i-ориентированных языках [91, 71]. Возможно, что севернорусские говоры в отношении ударения являются "f-ориентированными", в отличие от "i-ориентированного" литературного русского языка!

6 Методика вычисления значений основного тона по осциллограммам изложена в работе Л.В. Бондарко [11].

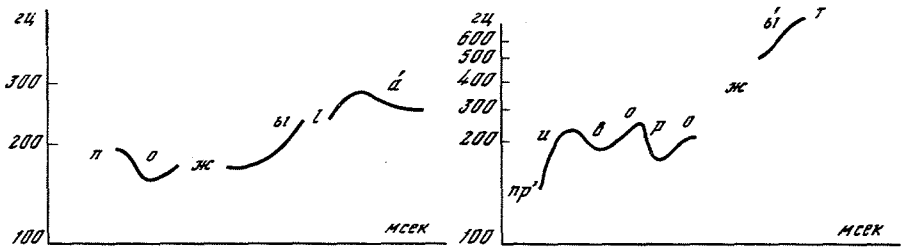

Рис. 26. График движения основного тона в слове *пожила* из фразы: *Вот она там пожила*

Рис. 27. График движения основного тона в слове *приворожить* из фразы: *Надо мужика-то приворожить!*

новного тона на гласном первого слога может лишь незначительно превышать частоту основного тона на гласном ударного слога. Ср.:

пр'ив'езл ^а	- и 195 - 165 гц
	- а 165 - 150 гц
ар'естуи ^{ут}	- а 220 - 200 гц
	у 200 - 160 гц
н'е лаг ^{т'е}	- е 250 - 250 гц
	- а 200 - 160 гц
н'е п'ер'еговар'иваи ^{т'е}	- е 350 - 350 гц
	- а 250 - 200 гц

В других случаях перепад частоты основного тона между первым слогом и несущим основное ударение может быть более значительным. Ср. следующие примеры:

пол'евон ^а	- о 200 - 250 гц
	- о 150 - 115 - 160 гц
пол'ев ^а	- о 180 - 160 - 245 гц
	- а 125 - 158 гц
пол'ев'ата ^а	- о 200 - 240 гц
	- а 125 - 135 - 125 гц
н'е ругаи ^{т'е}	- е 280 - 300 гц
	- а 200 - 160 - 140 гц
н'е знаи ^у	- е 200 - 250 гц
	- а 160 - 140 - 125 гц

Наиболее значительный перепад частоты основного тона из наших примеров наблюдается во фразе *А кто виноват-то?*:

и	405 - 420 - 475 гц
а	300 - 275 гц
о (зауд.)	150 гц

Во всяком случае тон на ударном слоге во всех рассмотренных примерах ниже, чем на первом слоге, несущем второстепенное ударение.

Принципиально иное распределение мелодического контура наблюдается в многосложных словах, где нет просодического усиления первого слога.

Ср., например:

пр'иворож'ыт — и 145 — 200 — 220 гц
— ы 350 — 375 — 450 гц
пож'ыла — о 180 — 150 гц
— а 275 — 250 гц

т.е. в этих случаях общее движение тона в пределах трехсложного слова — восходящее (см. рис. 25–27).

*Второстепенное ударение
и темпоральные характеристики гласных*

Данные о темпоральных характеристиках гласных, полученные на основании анализа осциллограмм, свидетельствуют о том, что "идеальные" схемы распределения длительности в пределах многосложных слов при наличии в них второстепенного ударения на первом слоге оказываются нарушенными.

По данным С.С. Высокотского [21, 38], ритмическая схема трехсложного слова модели СГСГСГ(С...) в говорах северо-восточной зоны севернорусского наречия характеризуется следующими соотношениями слогов по длительности: 51–57–100⁷.

По данным З.М. Альмухамедовой и Р.Э. Кульшариповой [6], вологодские (белозерские) говоры отличаются следующими темпоральными характеристиками трехсложного слова (модель СГСГСГ(С) : 50–66–100; кировские — 47–52–100; костромские — 55–59–100; пинежские — 40–42–100; холмогорские — 60–70–100 (сведения о длительности приводятся в процентах по отношению к гласному ударного слога).

Естественно, что конкретные цифровые значения колеблются от автора к автору (ср. некоторые расхождения в данных из приведенных двух источников), однако во всех случаях довольно отчетливо прослеживается общая тенденция построения слова модели СГСГСГ: 2-й предударный слог — наиболее краткий, 1-й предударный несколько превосходит его по длительности; самый длительный слог — ударный.

Во фразе, при появлении второстепенного ударения на первом слоге слова, эти соотношения оказываются нарушенными. Ср. следующие примеры (данные о длительности приводятся в процентах по отношению к длительности ударного слога):

пòлевóй. (98 — 100 — 100%);
пòлева (75 — 50 — 100%);
пòлев'ята (75 — 125 — 100%);
аресту'ют (120 — 100 — 100%);
нè руга'йте (70 — 70 — 100%);
привез'ла (62 — 50 — 100%);
винов'ат-то (200 — 80 — 100%);
нè перегов'аривайте (117 — 66 — 75 — 100 — 100%);

⁷ Цифровые данные, приведенные С.С. Высокотским: 45 — 50 — 88, отражающие усредненные значения длительности гласных в мс, мы перевели в проценты, приняв за 100% длительность ударного гласного.

не сирота (120 - 70 - 100%),

на сохранение (120 - 66 - 80 - 100%).

Очевиден разброс приведенных значений длительности. На основании полученных данных можно лишь сделать вывод о том, что "идеальная" ритмическая схема слова во всех приведенных примерах испытывает деформацию. Гласный слога, несущего второстепенное ударение, почти во всех случаях превышает по длительности гласный последующего слога, и тогда ритмическая организация слова в целом приобретает очевидный волнообразный характер⁸.

В ряде случаев гласный первого слога превышает по длительности гласный ударного слога; в отдельных примерах гласные 2-го и 1-го предударных слогов оказываются равнодлительными и тогда, видимо, решающую роль в восприятии первого слога как акцентно усиленного играет высота основного тона.

В тех примерах, где по слуховым ощущениям не наблюдалось просодического усиления первого слога, распределение длительности гласных подчинялось "нормальной" закономерности, ср. примеры:

приворожи́т (60 - 56 - 69 - 100%);

пожы́ла (40 - 60 - 100%);

не под'от: (50 - 70 - 100%);

хорошо́ (50 - 70 - 100%).

Следовательно, с восприятием первого слога как акцентно выделенного коррелирует повышение основного тона на гласном этого слога (это наблюдалось безысключительно во всех случаях, проверенных нами), а также некоторое увеличение длительности этого гласного (последняя закономерность прослеживалась не всегда). Следовательно, ведущая роль в акцентном выделении первого слога принадлежит высоте основного тона.

Нам представляется, что в работах, посвященных восприятию ударения в литературном варианте русского языка, роль мелодического рисунка, оформляющего слово, явно недооценивается. Лишь в последние годы появились публикации, в которых этот вопрос обсуждается.

Н.Д. Светозарова и Л.П. Щербакова, экспериментируя с восприятием ударения в синтезированных словах, обнаружили, что ударение в изолированном двусложном слове лучше всего воспринимается русскими слушателями, когда заданные изменения частоты основного тона соответствуют фразовой интонации [79].

В нашей работе [10] по восприятию ударения в двусложных и трехсложных русских словах мы столкнулись с аналогичным явлением.

Был проведен следующий эксперимент.

На магнитофонную ленту были записаны слова в произношении диктора — носителя старомосковской нормы, в речи которого наблюдается значительное удлинение гласных первого предударного слога.

Затем магнитофонная запись подвергалась дальнейшей обработке: исходные слова деформировались с целью элиминирования смысла. Превращая естественные слова русского языка в квазилоготомы, мы хотели выяснить, при каких условиях первые предударные слоги, довольно длитель-

⁸ Ср. аналогичные наблюдения над ритмикой слова в древнерусском языке [31] и в украинском языке [6, 47].

ты как несущие ударение, именно для этого нам понадобилось затушевывать смысл исходных слов.

Исходные слова подвергались усечению (например, *получим* превращалось в *палу*, *абажур* — в *бажу* и т.д.), перестановке слогов (*опалить* превращалось в *алипать*, *уложить* — в *ужилать* и т.д.); одну из программ для аудиторского анализа составили двусложные, усеченные из исходных трехсложных слов, квазилоготомы с переставленными слогами (*жуба* из *абажур*, *липа* из *опалить*).

При прослушивании квазилоготомов с переставленными слогами все аудиторы отмечали неестественность интонации, и поэтому в ряде случаев затруднялись в определении места ударения.

Этот эффект, без сомнения, связан с важностью для нашего восприятия ударения мелодического контура, оформляющего слово. Искажение мелодического рисунка, его изломы, вызванные перестановкой слогов в нашем эксперименте, приводили к затруднениям в определении места ударения.

Возможно, что в сознании носителей говора такое высотно-темпоральное усиление первого слога многосложного слова и не связывается с ударением. Вполне допустимо, что только говорящие на литературном языке воспринимают эти слоги как несущие дополнительное ударение.

Усиление первого слога слова в начале фразы и синтагмы может быть связано с общим динамическим контуром фразы в севернорусских говорах, которым, как было показано, свойственно сильноначальное строение синтагмы и фразы.

В таких случаях, как: *Кольца бря́кнут /у дуги́; В пещку поставят/ ски́пят / потём вб́нут; Оно́ так-то / без мёлу- / не пойдёт*, усиление первого слога после паузы, отмечающей границу между синтагмами, вполне отвечает просодической организации севернорусской фразы.

Не исключено, что отмеченное повышение тона на первом слоге многосложного слова не в начале синтагмы и фразы выполняет маркировочную функцию и является пограничным сигналом. Однако такое предположение оставляет без объяснения тот факт, что в целом ряде случаев слова той же самой ритмической структуры (и даже те же самые слова) не испытывают во фразе деформации исходного мелодического контура, что уже было отмечено выше. Ср.:

мы так называли [яшны п'ирог'и]

и

[нап'екут п'ирогуд w-то.]

Небезосновательным кажется предположение, что просодическое усиление первого слога в некоторых многосложных словах может быть связано с общей ритмической организацией текста, а именно: в т о р о с т е п е н н о е у д а р е н и е появляется в тех случаях, когда расстояние между двумя ударными слогами превышает некоторое к р и т и ч е с к о е з н а ч е н и е (2–3 слога). Это можно проиллюстрировать транскрипцией фрагментов спонтанной речи говора:

ра́нше не звал'и вот е́то супом
а фс'о шт'и скорудны шт'и
картушо́к не крошыл'и тол'к'и

л'иш однуо м'асо да оws'ану крупу
 вот полуожут шт'и называл'ис
 н'ец'евуо н'е клал'и ето назавал'и
 прудосто шт'и до тово вкусно
 оws'аной крупы положат да м'асо
 ф п'ец'к'у постав'еат / ск'ип'ет'ат
 потом вынут муц' к'ой розботанут
 етот м'еюк и постав'ат цевуо
 вот на п'ец'к'у ход'ит.
 без м'елу-то н'е поид'от /
 м'елу-то и накладут
 он с м'елом-го и поид'от
 а ето уш как навар'иш
 как ц'угун бол'шой навар'иш
 ето клал'и ето на стол'не уш
 и мука была красивана
 п'ирог'и был'и дак што ты
 был'и горуюховыно п'ирог'и п'екли
 ис'ц'и стоо горуюху нам'ел'ут
 нам'ел'ут етоо горуюху
 был'и жовты-жовты п'ирог'и
 он што ты на молок'ие /
 сразу росыпал'ис' в рог'е /
 хоруюшыно был'и п'ирог'и /
 гуол'к'о л'иш вот' ето поливал'и /
 как ежел'и потход'ас'е дак
 лошк'и дв'е тр'и как на п'ирог'и
 натвор'еат стар'ик'и-т'и
 мы так называл'и яшны п'ирог'и

Из приведенных отрывков текста видно, что максимальный интервал между двумя ударениями — четыре безударных слога. Однако такие случаи в наших текстах весьма редки, преобладает модель с чередованием двух безударных слогов с одним ударным. Часто встречается хорейская организация текста, с регулярным чередованием ударных и безударных слогов, ср., например [был'и жовты-жовты п'ирог'и].

Все приведенные примеры свидетельствуют о том, что второстепенное ударение появляется в тех участках текста, где скапливается три и более безударных слогов, — в тех случаях, когда структура слова это допускает

удобными для возникновения второстепенного ударения моделями слов оказываются многосложные модели с ударением на третьем слоге. Многосложные слова с ударением на втором слоге, как правило, не развивают дополнительного ударения на первом слоге. Поэтому в некоторых участках текста, включающих слова такой структуры, интервалы из безударных слогов могут быть довольно длинными (3—4 слога). Ср.:

{он с м'ёюм и поид'от}

Кроме того, анализ материала показывает, что появление второстепенного ударения возможно преимущественно в тех случаях, когда многосложное слово модели СГСГСГ (СГ...) находится в позиции конца синтагмы. Поэтому в примерах типа [бблн гор'уоховыцо п'ирог'и п'екли] даже при стечении пяти безударных слогов (редкий случай!) на первом слоге слова *тироги* второстепенного ударения не наблюдается.

Ритмическая организация текста становится еще более отчетливой, когда мы анализируем некоторые фольклорные жанры народной речи — заклинания, заговоры, поговорки и т.п. В этих разновидностях устной речи чередование ударных и безударных слогов определенно подчиняется стопному принципу организации текста, ср., например, текст заговора, обращенного к "полевому":

Бáтюшко полевой!
 Матушка полевáя!
 Вáши полевя́та!
 Возьмите мою чернухоньку
 Нà сохранение.
 Пойте, кормите,
 Домой пригоните,
 Людям на завидост,
 А мне на радост.

Или текст заговора, который следует произносить при переезде в новую деревню:

Захожу в деревню не спроста.
 Собаки не лайте, люди не ругайте,
 Не переговаривайте, а любите до ста лет!

Таким же образом ритмически организованы тексты песен, частушек:

Рыжий конь,
 Не ходи,
 Не ступи
 На чужую сторону.
 Встань-ко милый, пробудись,
 А без тебя худая жись!⁹
 Ой родители неловки
 Мени держаг на веревке,
 На веревке, на гужу,
 Перекую да убежу!¹⁰

⁹ Все тексты записаны в Харовском р-не Вологодской обл.

¹⁰ Текст частушки записан в Мезенском р-не Архангельской обл.

Во всех этих текстах эффект ритмизации речи создается с помощью акцентного выделения первого слога слов модели СГСГС Г(С...).

Определенная ритмическая организация — свойство речи на любом языке, одна из речевых универсалий¹¹.

Л.В. Златоустова, автор нескольких работ по ритмике речи; определяет речевой ритм как «упорядоченное соотношение во времени различных элементов речи, словесное и фразовое ударения, паузаций и динамический контур» [36, 36]. В цитируемой статье она отмечает, что библиография работ по ритмике русской речи насчитывает не одну сотню названий, однако большая часть этих работ посвящена ритмике поэтической речи, к изучению ритма прозы специалисты обратились сравнительно недавно.

Впервые на ритмическую упорядоченность прозаической русской речи обратил внимание А.М. Пешковский [69]. Он отметил, что часто в речи используются слова, как будто бы совсем не нужные для данного сообщения; они вводятся то в середину предложения, то появляются в конце — всякий раз, когда возникает необходимость упорядочить ритм нашей речи.

Развивая эту мысль А.М. Пешковского, Г.Н. Иванова-Лукьянова предприняла исследование ритма русской прозаической речи [38—40] на материале текстов художественной, научной и публицистической литературы. Рассматривая ритм как сложное явление, создающееся взаимодействием трех элементов: ударения, паузирования и интонации — Г.Н. Иванова-Лукьянова в своих работах показала, что проза организована ритмически, наиболее ярко это проявляется в текстах художественной литературы, в текстах же научной и публицистической литературы ритм оказывается менее упорядоченным.

В работе [38] Г.Н. Иванова-Лукьянова проверила свои наблюдения и на текстах разговорной речи и пришла к выводу о том, что этим текстам свойственна высокая ритмическая организованность.

Специально исследованию русской разговорной речи с этой точки зрения посвящена работа Н.Н. Розановой [75]. Согласно ее наблюдениям, и в устной русской речи слишком большие «пробелы» (заполненные безударными слогами) между двумя ударениями избегаются. Регуляторы ритма в русской литературной речи могут быть различными: порядок слов, их фонетическая деформация (редукция в многосложных словах): «сокращая свой слоговой состав, они приобретают ритмическую «гибкость», свободнее приспосабливаются к требованиям ритма, не нарушают ритмический рисунок фразы»; использование динамически неустойчивых слов (термин Г.Я. Панкраца [62]), гибкость границ речевых тактов, появление дополнительного ударения в сложных словах.

Как видно из приведенного перечня, только последний способ ритмической организации речи совпадает с тем, что мы наблюдали в севернорусских говорах. В литературном варианте русского языка только сложные слова допускают появление дополнительного ударения, и оно возникает в тех случаях, когда это диктуется требованиями ритма.

В севернорусских говорах дополнительное ударение «разрешено» для слов определенной ритмической структуры, а именно, для таких трех- и

¹¹ См., например, замечание Л.Р. Зиндера: «... дополнительное ударение называют ритмическим: по некоторым данным оно обязательно появляется после четырех безударных слогов» (разрядка моя. — Р.П.) [34, 261].

многосложных слов, где ударение падает на третий слог. Кстати, и сложные слова такой ритмической структуры подчиняются тому же правилу (ср. примеры: [с'ѣиоку́дсом, дѣмоткѣно́ю] и др.).

Итак, в севернорусской диалектной речи проявляется тенденция к ритмической ее организации. Несмотря на то, что ритм – свойство речи на любом языке, можно говорить о разных степенях выраженности этого явления. Так, даже в разных стилях русской речи, как это было показано в работах Г.Н. Ивановой-Лукьяновой, склонность к ритмической организации проявляется по-разному.

Есть все основания считать, что в севернорусских говорах ритм играет особенно важную роль. Пластичность акцентного контура многосложных слов – только один из регуляторов ритма. Дальнейшие исследования в этом направлении, несомненно, выявят и другие.

Как на одно из проявлений склонности севернорусской речи к повышенной ритмичности можно указать и на наличие в ней повторов: повторяются отдельные слова, синтагмы.

Повторы свойственны и русской литературной речи (см. 87, 285), но в севернорусских говорах это явление кажется выраженным более ярко. Часты здесь повторы предлогов; ср., например: *А уж по крыше-то по всей огонь ходит. Я была там с золовушкай со своёй, с Дарьей, и т.п.*

Сильный ритмический эффект создается в речи повторами частиц. По употребительности частиц севернорусские говоры можно сравнить с русской разговорной речью. Е.А. Земская по этому поводу пишет: "Частицы в разговорной речи обладают самой высокой частотностью из всех незначательных слов. Наибольший контраст в употреблении частиц наблюдается между разговорной речью (11,6%) и научным стилем кодифицированного литературного языка (1,6%), что представляется вполне естественным... Итак, широкое употребление частиц составляет типическую черту разговорной речи" [32, 88].

Частицы, несомненно, выполняют и ритмообразующую функцию, удлиняя безударный пробел между ударными слогами, а в случае необходимости принимая на себя ударение.

Ср. обилие частиц в следующем отрывке текста: *А посуда у нас вот |этой| глина у нас вот есть вот / в пруду вот рядом вот .*

В этом фрагменте безударная частица *вот* создает контраст с соседними ударными слогами.

Такую же роль, видимо, играет усилительная частица *и* в следующем фрагменте: *А дети / дак таких и умных нет*, где она создает "пробел" между двумя ударными слогами.

Определенный ритмический эффект создается повторением постпозитивной частицы *-то*: *Ну меня-то дома-то не было.*

Вполне вероятно, что чисто ритмическую функцию выполняет союз *да*, широко употребляемый в говорах русского Севера: *Я все Марью брала, да Дарью брала, да Денисовну тут да; Ой как навалят да, и навалят картошек да, дак только однем картошкам и пахнет.*

В этом отрывке присутствуют лексические повторы – союз *да*, глагол *навалят*, существительное *картошки*. Представлены также повторы синтагмы.

Насыщенность речи повторами такого рода обращает на себя внимание; создается впечатление, что употребление анафорических местоимений здесь

крайне редко, предпочтение отдается лексическим повторам. Ср. приведенный пример, а также следующие:

Давай-ко поглядим в постеле, постелю-то тряхнули, а в постеле-то, знаешь, распороно;

– *А крупа заспой называлась?*

– *Да, заспа, заспа. Это овсяная-то вот заспа, овсяная, только лишь овсяная;*

– *Дедко-то к окошку: дров-то нет! Хвать-похватъ – нет дров. И так и нет, и так и пропали дровцы;*

– *Я вот так вот хожу по лесам, дак знаю травы, что вот это знаю, что от поносу, это там трава – сустанная трава, вот, урошная трава – для скотины.*

Каждый из отрывков текста изобилует лексическими повторами. Если сопоставить действие двух факторов – ритмического и информативного – в такой речи, то становится очевидным, что явно доминирует здесь первый. Следовательно, ритм в севернорусской речи создается и лексическими, и синтагменными повторами, и средствами акцентуации, из которых самым распространенным оказывается возникновение второстепенного ударения в многосложных словах.

Последний вопрос, который остается выяснить, – что способствует подвижности ударения именно в словах указанной структуры?

Можно предположить, что в этом явлении мы сталкиваемся с элементами сохранения древней акцентуации. Так, по данным Л.Л. Васильева [18] и В.А. Дыбо [28], в памятниках древнерусской письменности XVI–XVII вв. трехсложные формы глаголов с приставками и отрицательной частицей имели ударение на первом слоге, чему в современном русском языке соответствует положение ударения на третьем слоге. Ср. примеры: *призвоу* (Ап. 1564): (Гр. П., 1589), *приведоу* (Мик. 1600), *принесоу* (Опт. 1594), *сотворю* (Гр. П., 1589 25, 117), *побежоу, посажоу* (25, 119). В некоторых случаях В.А. Дыбо отмечает даже двойную акцентуацию слова (совсем как в современных севернорусских говорах!): и *сдохраю*; *вдспою*, *вдзнесоу, возражу* [28, 119].

Глаголов такого типа в наших материалах много, однако ими списки примеров не исчерпываются, как было показано выше. Дальнейшие исследования в этом направлении, возможно, выявят какие-то общие закономерности в появлении второстепенного ударения в словах ритмической структуры СГСГСГ (С...) в севернорусских говорах.

Можно проследить аналогию отмеченного явления с так называемым "ляпаньем", распространенным в русских говорах Заонежья.

Очевидно также и различие между этими явлениями – в обследованных севернорусских говорах сдвиги словесного ударения лексически не закреплены и остаются в рамках просодии фразы, в то время как в ляпающих говорах перенос ударения на первый слог меняет акцентную модель слова, поскольку ударение закрепляется за этим слогом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате проведенного исследования получены некоторые характеристики севернорусской фразы, наиболее подробно изучены динамические и темпоральные стороны фразовой просодии. Получены некоторые уточнения относительно мелодического контура фразы.

Показано, какими суперсегментными средствами оформляются сильные позиции фразы, способствующие акцентному выделению коммуникативного центра. На материале одного архаического вологодского говора продемонстрированы модификации гласных неверхнего подъема под ударением в зависимости от фразовых условий.

В работе выявлены условия осуществления качественной и количественной редукции безударных гласных в севернорусских говорах, а также собраны и классифицированы случаи межслоговой ассимиляции безударных гласных.

Наше исследование показало, что звуковой эллипсис в севернорусских говорах затрагивает почти исключительно только консонантные элементы речевой цепи, что приводит к ее вокализации.

Изучение фонетических явлений на стыке фонетических слов помогло выявить различия по севернорусским говорам в отношении варьирования согласных по глухости—звонкости и по твердости—мягкости в позиции сандхи.

Поскольку в поле нашего внимания постоянно находились и среднерусские окающие говоры, то проведенное исследование позволило наметить некоторые выводы, вносящие дополнительные характеристики в различие между собственно севернорусскими говорами и окающими среднерусскими.

Итоги этих наблюдений могут быть сформулированы следующим образом:

1. Существенные различия наблюдаются между этими системами в оформлении мелодического контура фразы: для севернорусских говоров характерно пословное оформление интонационного контура, в то время как среднерусским говорам свойственно посинтагменное оформление интонации.

2. Существенным является различие по темпу речи между этими группами говоров (см. [62]).

3. В более ранней нашей работе было выявлено различие в структуре слога и в механизме слогоделения между севернорусскими и среднерусскими окающими говорами [64].

4. Различаются сравниваемые говоры и по характеру фонетического эллипсиса: звуковые потери в речевой цепи севернорусских говоров приводят к вокализации потока речи этих говоров; среднерусские говоры склонны утрачивать как консонантные, так и вокалические элементы звуковой цепи, поэтому их можно определить скорее как консонантическую систему.

5. Различаются эти говоры и по характеру сандхи: среднерусские говоры не представляют отличий от литературного языка в этом отношении, в то время как большинству севернорусских говоров свойственны такие фонетические явления на стыке фонетических слов, как 1) сохранение звонкости согласными перед гласными и сонантами; 2) смягчение согласных перед гласными переднего ряда.

6. Характер редукции безударных гласных в окружающих среднерусских говорах послужил одним из оснований для их типологического отделения от севернорусского наречия [74]. Наше исследование вносит некоторые дополнения в представления о редукции безударных гласных в обеих сравниваемых системах. Наблюдения над ассимилятивными изменениями безударных гласных показали, что если в среднерусских говорах стержневую часть слова составляют: 1-й предударный слог, ударный слог и конечный открытый слог, то в севернорусских говорах 1-й предударный слог никак не может быть отнесен к стержню слова: этот слог подвержен редукции и ассимилятивному воздействию гласного под ударением.

Нетрудно заметить, что все перечисленные пункты типологически сближают среднерусские окружающие говоры с литературным вариантом русского языка.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ЗВУКОВАЯ ХРЕСТОМАТИЯ

Вологодская обл., Харовский р-н, д. Арзубиха

Руфина Петровна Коноплева, 70 лет (А-1181)¹
(разговор с М.Н. Преображенской)

Р.К. — Я говорю как вот мы здесь говорим.

М.П. — А как Вы различаете?

Р.К. — А вот как написано: "ножницы", "лотка", "кѡшка".

М.П. — А как по-городскому?

Р.К. — "лотка", "кошка", не "кѡшка". Как пишется, так "кошка", а мы говорим "кѡшка".

М.П. — А в какой букве разница?

Р.К. — "О". "Кѡшка" и не написать, буквы такой нету. Как будто я Вашего больше знаю, рассказываю. Ну, я понимаю, что "кѡшка" как на писать, после "кы" какую букву писать?

М.П. — Вот Вы какую напишете?

Р.К. — "О".

М.П. — А если по-деревенски?

Р.К. — А никакую не написать. "Ведрѡ". На конце что напишем? Никак нам ничего не написать...

М.П. — Между "лес" и "день" какая разница?

Р.К. — "День" писать правильно, дак мягкий знак на конце, а здесь мы говорим как-то попрямай.

М.П. — А после "д" что писать?

Р.К. — "е".

М.П. — А в слове "лес"?

Р.К. — А "лес" после "л" не знаю, что писать. Буквы такой нету, как мы говорим. Такой и буквы нет.

М.П. — А в слове "прели"? Вы знаете, какую букву писать?

Р.К. — "Престь"? "Престь". Да, знаю, букву "е". Это как мы говорим.

М.П. — А в слове "прели"? Какую букву Вы напишете?

Р.К. — "е".

М.П. — А в слове "смотрели"?

Р.К. — А я так бы и написала "смотрели". А мы говорим "смотрили".

М.П. — А в словах "печка" и "речка" разные буквы? Вот малограмотная женщина что напишет?

Р.К. — Она напишет "пецкя" и "рицкя".

¹ Записано М.П. Преображенской в 1968 г. А-1181 — шифр, соответствующий номеру хранения фонограммы в фонотеке ИРЯ АН СССР.

О глиняной посуде

А посуда у нас вот / этот / глина у нас вот есть вот / в пруду вот рядом
вот // А тут вот через поле / ставки вот // Глина тоже / посуду дѣлать не
каждая // Которая сдѣлает посуду / станешь обваривать / она истрѣскает
вся / а надо тоже знать какую глину брать // Так вот / все оттуда возили
из... Привезут на лошади / и знаешь намнут ногам / положат песку / и с
песком намнут / чтобы не щеляла / и не драло знаешь посуду / и обварят
чтобы оно не рвало //

Вот сдѣлают этих горшков ли ставок // На кругу / круг-от вертится
и дѣлает / дѣлает... этим колачиком сдѣлает / сдѣлает там / горшочек ли /
ставочек // Поставят куды / он высохнет / потом знаешь знаешь оклады-
вают дрова / и на дрова укладывают эту посуду // Она там накалится в пе-
чи / что красная // Из печи вынимают там эту посуду / наливают там в ко-
рыто большое воды / и кладут овсяной муки / вот овес истолкут да бли-
ны еще пекут / этой муки / и обваривают этой мукой //

Дак были горшки ли / ставки / дак хоть кидай / не лопались //

Не / у нас не было полива // Это вот лужоны называются / когда с по-
ливом...

А посуда у нас вот-ы / этот-ы глина у нас вот-есть вот / в пруду вот
рядом вот / а тут вот ц'ер'ес пол'о / ставк'и вот // Глина тоже / посуду
дѣлает не каждая // Которая дѣлает по суду / стан'еши обвариват / она
истрѣскает фс'а / а надо тоже знат какую глину брат // так вот / фс'о от-
куда возил'и из... // прив'езут на лошади'е / и знааш намнут ногам / по-
ложат п'еску / и с п'еском намнут / штобы не шел'ал'а / и не драло знаеш
посуду / и оввар'ат шобы оно не рвало // вот дѣлают этих горшков л'и
ставков // на кругу / крук-от в'ерци'а и дѣлаат / дѣлаат а... агим
кола'и'ком дѣлает / дѣлат там / горше'и'к л'и / ставо'и'к // постав'ат
куды / он высохн'ет / потом знааш знааш оклады'ваат дрова / и на дрова
оклады'ва'ют эту посуду // она там накалит'а ф п'е'и' / што красна'я // ис-
п'е'и' вын'има'ют там эту посуду / налив'ают там ф корыто бол'ш'о'е
воды / и кладут офс'аной мук'и / вот ов'ос истолкут да бли'ны ишо п'екут /
это и мук'и / и овварив'ают этой мук'и / дак был'и горшк'и л'и / ставк'и /
дак хот' кидай / не лопал'ис'а // не / у нас не было пол'ива // это-от
луж'оны назыв'а'ют'а когды с пол'ивом //

Были вот такие кумушки / куклы из тряпок. Да вот дѣлали / если у
меня была б дѣвушка / так я и сдѣлала. А вон были у меня мальчики / бы-
ла деревянная / вон из чурки эти сдѣлали / да заробельки да гармошка бы-
ла / да кошник был / вот как мальчики были / да молоток да // А если дѣво-

² Записано М.Н. Преображенской в 1970 г.

³ Запись сделана в 1971 г. Л.Л. Касаткиным.

чек у меня не было дак / а у кого дѣвочки дак из тряпок куклы // У меня вот внучки приезжают / так из тряпок кукол много надѣланных / и зыбочка вот экая сплетенная есть / играют дак / вот как в деревне //

Был / было в потолоке кольцо /экое / из его закрутят / ну вон как вон экое / пихнут в это кольцо батог / долгой / и на этот батог повисят зыбку / и качают //

А зыбка была из этих / из дранок / она долгая и два кругленькие вот экие ручки / и свяжут / и вѣшают / кроваток не было / эти зыбки на очепу / качели их / добру спали робята в этих зыбках / качели их //

Экие круглые-то были / зыбки-то которые /онѣ связаны веревкой / и веревка эта привязана к очепу / и качелися / это как эт дерево к дереву не привяжешь / веревка была //

И на полатах спали / полати / вот у нас в избѣ были полати / мы все изломали после стариков-то / у нас все были полати // Надо чтоб и человѣк вошел / не так что возле самый потолок / если у кого в избѣ высоко дак все-таки далеко от потолоку //

А у кого ведь низко / дак и полатей не было / нельзя / да ить как //

У нас-то в избѣ их не было / полатей / так на полу спали // А куды-то ну куды вот? Да как и сейчас вон у ... дак тоже на полу спят //

Вот мы двое / я дак вон на койке / а вот у меня парень мой на раскладушке / а экая изба маленькая хоть куда / кровать другую не поставишь //

Были вот такие кумушки / куклы ис тряпок // да вот / дѣлали ясли у менѣ была б дѣвушка / так / ја и дѣлала // а вон был и у менѣ малчик / была деревяная он ис цурки эти дѣлали да заробѣлки да гармошка была / да коник был / вот как малчик был и / да молоток да // а ясли дѣвоцек у менѣ не было дак / а у ково дѣвоцки дак ис тряпок куклы // у менѣ вот внучки приезжают / так ис тряпок кукол много надѣланных / и зыбочка вот экая сплетенная есть / играют да / вот как в деревне // был / было потолоке кольцо /экое / из его закрутят / ну вон как вон экое / пихнут в это кольцо батог / доугой / и на этот батог повисят зыбку / и качают // а зыбка была из этих / из дранок / она кругленькие вот экие ручки / и свяжут / и вѣшают / кроваток не было / эти зыбки на очепу / качели их / добру спали робята в этих зыбках / качели их // Экие круглые-то были / зыбки-то которые /онѣ связаны веревкой / и веревка эта привязана к очепу / и качелися / это как эт дерево к дереву не привяжешь / веревка была // и на полатах спали / полати / вот у нас в избѣ были полати / мы все изломали после стариков-то / у нас все были полати // надо чтоб и человѣк вошел / не так что возле самый потолок // ясли у ково высоко дак высоко-так и далеко от потолоку // а у ково в избѣ высоко / дак и полатей не было / нельзя / да ить как // у нас то в избѣ их не было / полатей / так на полу спали // а куды то ну куды вот // с'emя большая / дак как и сейчас вон у... дак тоже на полу ишо спят // вот мы двое / ја дак вон на койке / а вот у менѣ парень мой на раскладушке / а экая изба маленькая / ја хот куда / кровать другую не поставишь //

О сыне, о своей жизни

Теперь уж двадцать-шестой год вдовая // А дети / дак таких и умных нет // Вот сын у меня работает // Вон видишь, похвальный лист / радиолу подарили // А вот он работает / комбайнер / самый лучший комбайнер // И со службы посылали / как ты мамаша вырастила такого сына // Тоже семь лет служил / Семнадцати на восемнадцатом году взяли // Двадцать шестой год / дак знаете сами // Да вот / у нас он родился / Илья вот // Вот в этом месяцу Илья будет / или в том / в начале // Да вот в начале / вот он родился / ему / двадцать шестого он года // И такой умный / и в жите / и так уж // Ну не сын мне // А я-то уж лишка понервная / я с малых лет за хозяйку-то / с малых лет / так уж я и ... / а он такой у нас спокойный // Пьяный придет дак тем лучше / еще лучше // Дак живу с невесткой / когда и поругаемся / а я не боюсь / я не в обиде / нет нет нет / я не боюсь // Да что ты экой вот дом состроили / мы с мужем-то сошлись / у меня-то никого не было / да и у него-то из тех родителей никого не было / тоже семь лѣт служил дак // Всѣ сам / всѣ сам от первого бревна / всѣ сами нарубили / срубили да всѣ сдѣлали // Дакакой-то выряд несчастный был / платья / костюмчики / и то продала // Зонтичек / так полушалочки были / всѣ продала / дак строились-то //

Т'еп'ер' уш дваѣат шестой год вдоваја // а д'ети / дак так'их' и умных нет // вот сын от у м'ен'а работает // вон в'идиш / похвал'ный лист / рад'и ... рад'иол подар'ил'и // а вот он работает конбайн'ор / самы луч'и конбайн'ор // вот какои у м'ен'а пар'ен' / самы луц'и конбайн'ор // и со службы посыла'и / как ты мамаша выраст'ила таково сына // тоже с'ем' лет служыл / с'емнаѣати на восемнаѣатом году вз'ел'и / дваѣат шестой год / дак знат'е сам'и // да вот / у нас он род'иwsа / ил'ја вот // Вот в'этом мес'яц'у ил'ја буд'ет / или ф' том / в наѣал'е // да / вот в наѣал'е / вот он род'иws'а / жему / дваѣат' шестоо он года // и такои умный / и в жыт'је / и так уш / ну н'е сын мн'е // а ја то л'ишка пон'ервнаѣа / ја с малых л'иет за хоз'айку то / с малых л'иет / так уш ја и пон е ... / а он такои у нас спокоинный // п'яныйи прид'од так тем лучше / ишо лучше // дак живу с н'ев'еской / когда и поругаемс'а / а ја н'е бојус' / ја н'е в об'ид'е / н'иет н'иет н'иет / ја не бојус' // да што ты экой вод дом состроил'и / мы с мужем то сошл'ис' / у мен'а то никоо н'е было / да и у н'ево то ист'ех род'ит'ел'ей никоо н'е было / тоже сем' лет служыл дак // фс'о сам / фс'о сам от п'ервоо бревна / фс'о сам'и нарубил'и / сруб'ил'и дак фс'о зд'ѣлал'и // дак какои-то выр'ат н'есч'асный был / шпат'ја / костюмц'ик'и / и то продала // зонтиц'ек / так полушалоц'к'и был'и / фс'о прѣдал'и / дак строил'ис'-то //

⁴ Записано М.Н. Преображенской в 1968 г.

Мы жили худо / отец-от помер / отец-от катаники⁵ у нас катал / всё это отдали / продали / пятеро детей. дак // Вот / не знаю уж сколько мы тут годωω прожили // Мама заболѣла / ногу изломала / а брат меня шесть годωω только был постарше / шесть годωω / а сестренке на три года молωω же // Тут две сестры были неродные // Потом заболѣла мама / это пожили мне стало / да еще какие годы / еще десять лѣт //

Уж я десяти лѣт два года обряжалася по хозяйству // Мать болѣла уж два года // А с ног ωй-то уж она поправилася // Сломилла она ногу-то / сломилла // Вот уж десять лѣт / я уж два года обряжалася / а мать болѣла уж другωй болей / другωй // Вот это маленькие гляко-ты // Потом-от мать померла / я осталась двенадцати на тринадцатом годку // Вот эдакая / двенадцать на тринадцатом / а сестренка моя вот эдакая // А эти / одна вышла замуж / потом и другая-то вышли из неродных замуж / мы остались однѣ / когда умерла / вот этот / мама-то померла гляко-ты / брат-от мой / да сестренка да я / эти-то уж вышли замуж все //

Ладно / хорошωω / год мы. пожили / брат женился // Стало уж ему / вот уж я видишь осталась после матери двенадцать на тринадцатом / год жили / дак вот он на шесть годωω меня старше //

Да / вот брат женился / мы стали с невѣсткой жить / а уж молотили эти маленькие-то молотили / с братом / молотили маленькие эти / замечаем / все это дѣлаем // Рукам-от молотили-то / молотилом рукам / А это-от молотило сделают зерна-то эти околачивают зерна-то эти //

Вот женился брат // Невѣстка попала неудалася // такая неудалая //

Вот ладно хорошωω // Пожили мы сколько годωω? Да вот трωе было детей / дак не знаю годωω шесть мы жили ли нет // Брата-то угонили на войну / на ту-то еще / на ту-то // Мы остались с невѣсткой // я все пахала // Пахала вот / на лошади //

— Плугами пахала?

Нѣт / сохам пахали / брат пахал сохам // А сохам пахали / здесь такие сошники были долги / там-от тут там железо / как это запрягут лошадь-да // Вот так и пахали сохам // Там и ѣдешь / и переваливаешь / и переваливаешь / заворачиваешься другим крайчиком и опять переваливаешь / переваливаешь // Все так-от вот и хорошо попашешься // Вот попахала я / тут уж не скрай (?) дѣвка //

Тут вот брат-от женился / да с невѣсткой-то пожили / я пошла в работницы / в работницах жила //

Вот еще забыла / в работницы пошла в ту вот / в Ярославскую область // По три года я ходила в работницы / в работницах жила // Первый год ходила / это двадцать два рубля дали за все лѣто / да десять рубликов послала / да еще послала десять рубликов брату // Вот осталось мне уж двенадцать рубликов / на себя немного осталось //

Вот так и / так и выряжалася // Косыночки плѣли / все это дѣлали // Вот были купчихи торговали да // Онѣ брали шелку // Нам давали / а мы за это плѣли / и за работу платили нам //

Вот мамушка моя / исходила я после лѣта / вот война-то и сочинилась-то еще та-то / германская-то война / та // У меня брата-то угони-

⁵ Катаники — валенки.

ли / один брат был // Мы и остались трое робитяшек после брата // Брат-от и говорит мне / говорит / ах дорогая моя Алевтина / не оставь говорит моих детей // Не жену просит / а меня // Уж я-то большая стала // Не оставь говорит моих детей // Да к я и щас не забыла / и щас не забыла // Брат не вернулся и племянник / в эту уж войну племянника убили //

Вот матушка моя до того дело дошло / мы с сестренкой-то на работе / а невестка-то нянчится / и хоть / и не стала уж и косить ходить // Да уж дѣлала дома-то / по хозяйству все дѣлала // Вот тут уж сестренка-то моя велика стала // Меня-то уж как замуж / жених уж был у меня найден-от здешной // Вот меня замуж отдали / весной // Вот я замужом / после Микола / после вешного / после Микола вот двадцать второго бывает у нас / венчались //

До осени дожили опять красные с белыми тут революция-то // И мужика угонили / опять солдаткой осталась // Опять солдаткой осталась / опять пахать да все дѣлать // Три года служил в Кронштадте / дак полтора года / дак и дома не бывал // Вот моя жись как прошла // Вот муж пришел / потом это все тут кончилось / пришел потом у мужа нога заболѣла / цѣлый год не работал //

Мы жыл'и худо / от'ец-от пом'ер / от'ец-от каган'ик'и у нас катал / ф'с'о это обдал'и / продал'и / п'ет'еро д'ет'ей дак // вот ја не знај / уш скол'ко мы тут годовоу прожыл'и // мама забол'ѣла / ногу изломала / а брат мен'а шес' годовоу тол'к'и был постарше / шес' годовоу / а с'естр'онк'ъ на тр'и года моложе // Тут дв'е с'естры был'и н'еродныѣ // потом забол'ѣла мама / это пожыл'и / мн'е стаю да ишо как'ѣе годы / ишо д'ѣс'ат л'ѣт //

Уш ја д'ес'ат'и л'ѣт два года обр'ажалас'а по хоз'яису // мат' бол'ѣла уш два года // а с ногой то уш она поправ'илас' // слом'ѣла она ногу-то / слом'ѣла // вуот уж д'ес'ат л'ѣт / ја уж два года обр'ажалас'а мат' бол'ѣла уж другоѣ бол'ѣе / другоѣ / вот это мал'ен'к'иѣо гл'ако ты / потом-от мат' пом'ерла / ја осталас' дв'енацати на тр'инацатом готку / вот эдакаја / дв'енацат' на тр'инацатом / а с'естр'онка моја вот эдакаја // а эт'и / одна вышша замуш / потом и другаја-то вышл'и из н'еродных замуш / мы остал'ис'а одн'ѣ / когда ум'ерла / вот этот / мама-то пом'ерла гл'ако-ты / брат-от мой / да с'естр'онка да ја / эт'и то уш вышл'и замуш ф'с'е // ладно / хорошубо / гот мы пожыл'и / брат жен'иws'а // Стаю уш жему / вот уш ја в'ид'иш осталас' посл'е мат'ер'и дв'енацат' на тр'инацатом / гот жыл'и / дак вот он на шес' годовоу м'ен'а старше // да / вот брат жен'иws'а / мы стал'и с н'ев'ескою жыт / а уш молот'ил'и эт'и мал'ен'к'иѣе то молот'ил'и / 3 братом / молот'ил'и мал'ен'к'и эт'и / зам'етаем / ф'с'о это д'ѣлаем // рукам-от молот'ил'и то / молот'илоу рукам // а это-от молот'ило зд'ѣлаут з'орна то эт'и околац'ивут з'орна то эт'и // вот жен'иws'а брат // н'ев'еска попала н'еудал'аја / такаја н'еудал'аја // вот ладно хорошубо / пожыл'и мы скол'к'и же годовоу // да вот трое было д'ет'ей / дак н'е знају годовоу шес' мы жыл'и л'и н'ет // брата-то угон'ил'и на воину / на ту-то ишо / на ту-то // мы остал'ис' с н'ев'ескою / ја ф'с'о пахала // пахала вот / на лошаде / плугам'и пахала? // н'ѣт / сохам пахал'и / брат пахал сохам // а сохам пахал'и / зд'ес' так'ѣе сошн'ик'и был'и доуг'и / там-от тут там жыл'езо / как это запр'агут лошада да // вот так' и пахал'и сохам так'и јид'иш / и п'ер'евал'иваш / и п'ер'евал'иваш / заворот'ис'а друг'им краиц'иком и оп'ат' п'ер'евал'иваш //

ваш / п'ер'евал'иваш // Фс'о так-от вот и хорошуд папашес'а // вот попахала ја / тут уш н'е скрай д'ифка // тут вод брат-от жен'иws'а / да с н'ев'ескои-то пожыл'и / ја пошла в рабуотн'ицы // вот ишо забыла / в робуотн'ици пошла ф ту вот / в Ярослаwскују област' // по тр'и года ја ход'ила в робуотн'ици / в робуотн'ицах жыла // п'ер'выи гот ход'ила / это двацит' два рубл'а дал'и за фс'о л'ието / да д'ес'ат' рубл'иков послала / да ишо послала д'ес'ат' рубл'иков брату // вот осталоc' мн'е уш дв'енацат' рубл'иков / на себ'а н'емного осталоc' / вот так' и / так' и выр'ажалася // косыноцки пл'ел'и / фс'о это д'иелали // вот был'и купц'их и торговал'и да // он'и браг'и шюwку / нам давал'и / а мы за это пл'ел'и / и за рабуоту плат'ил'и нам // вот мамушка моја / исходила ја посл'е л'иета / вот война-то и сучин'илас-то ишо та-то // г'ерман'скаја то война / та // у м'ен'а брата-то угон'ил'и / од'ин брад был // мы и остал'ис'а / труоје роб'ат'ишек посл'е брата // брат-от и говор'ит мн'е / говор'ит / ах дорог'аја моја Ал'ефт'ина / н'е остав' говор'ит мойу д'ет'еи // н'е жену пр'ос'ит / а м'ен'а // уш ја-то бол'шаја стала // Н'е остав' говор'ит моих д'ет'еи // дак ја и ш'ас н'е забыла / и ш'ас не забыла // брат н'е в'ернул'с'а и плем'ан'ик / в' эту уш воину плем'ен'ика убил'и // вот матушка моја до тоо д'ело дошлуд / мы с сестр'онкои-то на рабуоте / а н'ев'еска-то н'ан'цица / и хот' / и не стала уш и кос'ит' ход'ит' // да уш д'иелала дома-то / по хоз'айсву фс'о д'иелала // вот тут уш сестр'онка-то моја в'ел'ика стала // м'ен'а уш как замуш / жон'их уш был у м'ен'а наид'он-от зд'ешнои // вот м'ен'а замуш оддал'и. / в'еснои // вот ја замужом // посл'е М'иколы / посл'е в'ешново / посл'е М'иколы вод двацат' фторубово бывает у нас / вен'цел'ис // до бс'ен'и дожыл'и оп'ет' красные з б'елым' и тут р'евол'уция то // и мужак'а угон'ил'и / оп'ат' солдаткои осталас' // оп'ат' солдаткои осталас' / оп'ат' пахад да фс'о д'елат' // тр'и года служыл' ф Кронштат'е / дак полтора года / дак' и дома н'е бывал // вот моја жыс' как прошла // вот / муш пришол / потом это фс'о тут кон'циос' / пришоw потом у мужа нога забол'ела / ц'ельи гот н'е рабуотав //

Вологодская обл., Харовский р-н д. Арзубиха

Анна Васильевна Клешнина, 70 лет (А-581)⁶

О травах

Есть книга такая // все знаешь ли травы в ней нарисованы / подписаны // вот это грамотные люди больше знают / а я неграмотная // дети у меня хоть грамотные / но это / они от меня давнѡуже отошли // вот // я ницево такѡво не знаю //

Я вот так вот хожу по лесам // дак знаю травы / што вот это знаю што от понѡху // а там ... трава // суставна трава // для скотины / там исплѡд у кѡней бывает // ну вот я эти травы так на видок / знаю // што хѡдишь по лесу // дак и я уж это ... а по-письменному я травы не знаю // есь такие траведники // што в книжке // (нрзбр.) или в загорѡде растет //

— Какая она на вид?

— на вид она /высѡкой ширѡкойтакой листок // есь у ее такая голѡвка / растет //

⁶ Записано М.Н. Преображенской в 1968 г.

Она уже поспѣла // это бывает у нас / мы хоть по-старинному // дак у нас бывает / перед сенокосом день / Иванов день // как этот Иванов день пройдет // у нас травы всё собирают // потому што вот в прежно време // я уж не знаю насколько правда // тожо слышала от матери // што сидят в кругу // на Иванов день / оцершиваются⁷ // там старушка / сидит в кругу // оцершивается в луг зайдет / в траву // и каждая трава в двенадцать цясов ноци / говорит будто / котора трава от цего / но только не каждая старушка это узнает / это такие знайкие старушки / што перед ей трава говорит // вот я сяду / дак передо мной / не заговорит трава // а есь они такие прозорливые были // это прежно време / вот и будто што от этих престарѣлых людей / так и узнали // што какая трава от цего идет // вот / такие старушки были / по полю поперек вот там пройдут / на рожь ли цего / ли вот по три молотки с каждого загона сжинали / споринью отнимали // вот / это премудрые люди такие были // там косы расплетут косматые ходили // конечно я дак и / на моем веку / было дѣло / што косматые ходили / на Иванов день это все дѣло дѣляли //

— А Вы сами их видели?

— Да конечно я видать-то не видала / но знаешь от людей тожо слышала // на моем веку это / што вот такая-то говорят прошла севодни / вот и там пойдешь / этим слѣдом / ведь и все-таки поперек идешь // оно хоть и на Иванов день / она уже во какая // што этим слѣдом поищешь // вот и правду // там три волоки найдешь // тут и / три корешка сжато / потом так вот подойдешь // опять сжато / вот / это таки люди были //

— А потом что они делали с травой с этой?

— А я уж не знаю / куды они эту траву // клали // только што оне с приговором споринью отнимали // штобы у людей хлѣба / знаешь / не хватало / а у их бы оставалось // у всякого своѣй закон был // вот //

Да / это вот такие старушки были / а потом вот / у меня ишшо / корова бывало тожо / задоила / молоко не отдавала / теленок был / корова молоко у меня не дает / теленка посадила под корову / вымя так хоть расперло // молока нѣт / ну мене сказал муж // иди говорит сумку наклади ежи / иди говорит / в колхозах / можот телку найдешь на оммену // а говорит нашу на мясозаготовку сдадим //

Я дошла вот до Полутихи / тут-от была двоюродная сестра у меня у етого / у мужа / зашла вот / куда пошла? вот по такому дѣлу пошла / корова задоила / молока нет / а весной она задоила / в окурат сѣяли яровое / а вот ежели к Анне говорит // Анной звали женщину / к Меляковне / она говорит сдѣлат //

Я пришла к ей / вот поздоровалась / далеко ли ходишь? да я говорю до тебя только пришла / а це? я говорю коровушка не дает молока / да я говорит болью ну как-небудь дойдешь здѣс недалеко / цетыре километра // прямо-то иди / болотом тут // сенокосом // Она пришла ко мнѣ знаешь ты // коровушку я не отпускала // ну вот / есь говорит у тебя свѣцкя восковая? есь / есь / а клюц сколяной? есь //

Она взяла эту свѣцкю // взяла этот клюц // скодила она на двор / приходит оттуда // и там была она не больше минут пять // приходит тоды ко мнѣ // иди говорит дой корову-ту // будь добра Аннушка подой / я

⁷ Очерчиваются — от "чертить".

пошла подоила и утром подоила / и говорю прям по литре два раза надоила // иди говорит дой / я взяла дойник / пошла събла под корову / не знаю / молоко пошло / пошло-пошло / пошло / доить-подоить / принесла молока я // так што килограмма цетыре / это молоко я // в кринки выщедила // она и говорит / застояло говорит / это молоко говорит / теленку не пей / и сами говорят / не пейте / вылей говорит / но тольке / для мБры // што много ли дала корва молока // вот / ладно / это молоко я выпила / а пришли мы так што / цяса в цетыре / вот дня / дожьши мы так до семи цясов вечера / я / нао вЪдь опять подоить корову / я пошла опять / литры три надоила / ну она у меня перенецевала //

јес' / кн'ига такаа // фс'е знаш л'и травы в н'ей нар'исованы / потп'исаны // вот' ето грамотныи л'уд'и буол'ше знайт // а ја неграмотнаиа // д'иет'и у м'ен'а ход' грамотныцо / но ето / он'и от м'ен'а downуо уже отошл'и // вот // ја н'иц'ево так'уово н'е знаиу // ја вот так вот хожу по л'есам // дък знаиу травы / што вот ето знаиу што от поносу // ета там (нрзбр.) трава // сустанва трава // вот // ур'одшна трава // дл'а скот'ины // там испл'уот у куон'ей б'ываиот // ну вот' ја ег'и травы так на в'идок / знаиу // што худ'иш поу л'есу / дък и ја уш ето ... а по п'ис'м'еному ја травы н'е знаиу // јес' так'ице трав'едн'ик'и / што в кн'ишк'е // (нрзбр.) ил'и в загороде рос'т'от //

— Какая она на вид?

На в'ит она / высокои широкои такои л'исток // јес' у био такаиа гол'офка // рос'т'от //

Она уже пос'п'иела // ето б'ываиот у нас / мы хот' по стар'иному ден / иванов ден // как' ето иванов ден проид'от // у нас травы фс'ие соб'ираиут // потому што вот в пр'ежно вре'мо / ја уш н'е знаиу наскуол'к'о правда / тожо слыхала от мат'ери // што с'ид'ат ф' кругу / на иванов ден / оц'ершываиуд'е / там старушка / с'ид'ит ф' кругу / оц'ершываец'е / в луг заид'от / ф' трау // и кажна трава / в дв'енайт'ц'асов ноц'и / говорит' будто / котора трава оц'ев'о / но тол'к'о шо н'е кажнаа старушка ето узнает / ето так'ице знаик'ице старушк'и / што п'ер'ед јои трава говорит' // вот ја с'аду / дак п'ер'едо мнои н'е заговор'ит трава // а јес' он'и так'ице прозорл'ивыио был'и // ето пр'ежн'о вре'мо / вот будто што от' з'тих пр'е-стар'ельных л'уд'ей / так' и узнал'и / што какаа трава оц'евуд ид'еот // вот / так'ице старушк'и был'и / по пол'у поп'ер'ок вот там проидут / на ... на рош л'и ц'ев'о / л'и вот по тр'и моуотк'и с' кажноо загуона ж'ынал'и / спор'и-нју отн'имал'и // вот / ето пр'емудрыио л'уд'и так'ице был'и // там / косы роспл'етут космат'ице ход'ил'и // кон'ешно ја дак' и / на мојом в'еку / био д'иело / што космат'ице ход'ил'и / на иванов ден' ето фс'уд д'иело д'иелал'и /

— А Вы сами их видели?

Да кон'ешно ја в'идат' / то н'е в'идала / но знааш от л'уд'ей тожо слыхала // на мојом в'еку ето / што вот такаа-то гвар'ат прош'а с'еводн'и / вот' и там поид'ош / ег'им с'л'едом / в'ед' и фс'о-так' и поп'ер'ок' ид'ош // оно хот' и на иванов ден она уже во какаа // што ег'им с'л'едом поид'ош // вот' и правду / там тр'и в'юок'и наид'ош // тут ь / тр'и кор'ешка ж'ато / потом так подоид'ош // оп'ад' ж'ато / вот' ето так'и л'уд'и был'и /

— А потом они что делали с травой с этой?

А ја уш н'е знају / куды он'и ету траўу // клал'и // тол'к'о што он'е с пр'игвором спор'инју от'нимал'и / штобы у л'уд'ей хл'яба знааш / н'ехватало / а у јиу бы оставало // у вс'аково св'уои закуон быў // в от //

Да / ето вот так'идо старушк'и был'и / а потом вот / у м'ен'а ишо / корова бывала тожо / задоила / молоко н'е одавала / т'ел'оног быў / коруова молоко у м'ен'а н'е дајот / т'ел'онка посадила пот коруову / вым'а так хот' росп'орло / молока н'ет / ну м'ен'е сказаў муш // ид'и говор'ит / сумку наклад'и језы / ид'и гыт / ф колхозъх / можот т'овку наид'ош / на обм'яну // а г'ит нашу на м'асозаготовку здад'им /

ја дошла вод до полут'их' / тут от была двоуродна с'естра у м'ен'а јетово / у мужа / зашла вот / куда пошла? вот по такому д'яелу пошла / коруовка задоила / молока н'ет / а в'есной она задоила / в окурат с'ижал'и жаровоно / а вот јед'ел'и к ане говор'ит // аной звал'и женшыну / к м'ел'ак'уовн'е / она г'ид з'д'яелат // ја пришла к жој / вот / поздоруовалас' / далеко л'и ход'иш? да ја г' до т'еб'а т'ул'к'о пришла / а ц'о? ја г' коруовушка н'е дајот молока / да ја г'ид бол'ишу // ну как н'ебуд' доид'ож з'д'ис' н'едал'око / пр'амо поуид'ош дак н'едал'око / ц'етьр'е к'ибм'етра / пр'амо-то ит'и / болуотом тут // с'енок'уосом // она пришла ко мн'ие знаеш ты // коруовушку ја н'е опускала // ну вот / језд' г'ит у т'еб'а св'иц'к'а воскова? јес'т' / јест' / клуц' / сколаной ... (?) јес'т' // она wz'alá ету с'в'иц'к'у // wz'alá етот клуц' // скодила она на двоор / прихуодит отуда / и там была она н'е буол'ше м'инут' п'ат // прихуодит тоды ко мн'ие // ид'и говор'ид дои коруову-гу // буд' добра анушка подуои / ја пошла подоила / и утром подоила / и гвор'у пр'ам по л'итр'е два раза надоила // ид'и говор'ид дуби / ја wz'alá доин'ик / пошла / с'ела пот коруову / н'е знају / молоко пошло / пошло-пошло / пошло / доит' — подоит' ч' пр'ин'есла молока ја // так што килограма ц'етьр'е / ето молоко ја / ф кр'инк'и вып'ед'ила // она и говор'ит / застојало говор'ит / ето молоко говор'ит / т'ел'онку н'е пои / и сам'и гыт / н'е п'ейт'е выл'ей говор'ит / но тол'ко / дл'а м'еры // што мнудго л'и дала корва молока // вот / ладно / ето молоко ја вып'ила / а приши'и мы так што ц'аса ф ц'етьр'е / вот / дн'а / дожыл'и мы таг до с'ем'и ц'асудв' в'ещ'ера / ја / нао в ит' оп'ат' подоит' корбу-то / ја пошла оп'ат' / л'итры тр'и надоила / ну она у м'ен'а п'ер'еноц'евала //

Вологодская обл., Харовский р-н, д. Арзубиха

Анна Васильевна Клешина (А-704)⁸

О сватовстве

Раньше прибудут / еще невѣста дома живет // Гости к тебе прибудут // Дѣло ты сдѣлаешь / гости к тебе прибудут в указанный день // Они укажут / в какой день / такой-то день вот приедем в гости // Варят пиво // Ну и называют там самых ближних родных придет там десять целовѣк / двенадцать //

Ну придут знаешь родители встрѣтят усадят за стол их / а невѣста там сидит в кутѣ одѣтая / в шляпе //

Жених знает что как первый стакан ему подают / знает / что на этот стакан подкликает невѣсту // Невѣста подходит // Сама немножко по-

⁸ Записано М.Н. Преображенской в 1968 г.

пѣт / ей дольют знаешь / она ему подает / а он и скажет / я желаю что
ты со мной съла // Она проходит садится / садится знаешь / что потом это
го станет дарить // Идет тамо-тка сноха ли мать ли / несет полотенце..
блюдо прѣжное // невѣста кажет / но сперва жониха. подарит / тоже поло-
тенце / ну кисет платок подарит может еще что //

И дарит каждого гостя / каждого гостя подарит / знаешь ставит она
тарѣлку на стол // И в эту там / кто сколько / раньше деньгам дарили /
не цем-нибудь // Денег там сколько-нибудь покладут //

Это вот / елоцкю подносили // Вот моя сестра / сперва старшая подно-
сила / у первого нарѣсту⁹ / второго значит вторая / а наш нарѣст-то подно-
сила елоцкю я. Елоцкя знаешь ты / в лѣсе вырубьши елоцкю / и каждый
прутичек обведешь гумашкой¹⁰ и навѣсишь самых хороших лѣнт / всю
елку / и там несколько съѣц поставишь огарочков таких вот. И елку ту
засвѣтишь / засвѣтишь елку / идешь оттуда / елка не в комнате / елка
откуда-нибудь // Идешь с елкой...

Раньше прѣдут / ишо нѣвеста дома живѣт // гост'и к т'ибѣ прѣдут /
дѣло ты здѣлаш / гост'и к т'ибѣ прѣдут в указаныи дѣн // он'и укажут
ф кабуи дѣн / такой-то дѣн вот приидом в гост'и // вар'ат пиво // ну и
называють там самых ближних родных прѣдут там дѣс'ат цѣлов'ѣк /
дв'инацат // ну прѣдут знааш род'ит'ел'и фстр'ит'ут усад'ат за стол' их /
а нѣвеста там с'ид'ит ф кут'ѣе одѣтаја / ф шл'ап'е // жон'их знайт шо как
пѣрвыи стакан жему подають знаат / шо на этот стакан поткл'икает
нѣвѣсту // нѣвѣста подхѣдит // сама нѣмношко поп'ѣт / жеи дол'ют
знааш / она жему подаѣт / а он'и скажет / я желаю штоп ты со мной с'ѣ-
ла // она проход'ит сад'ица / сад'ица знааш / што потом этово стан'ет
дар'ит // ид'от тамо-тка сноха л'и мат' л'и / нѣс'от полот'ен'це ... бл'удо
прѣжное // нѣвѣста кажет / но сперва жон'иха подар'ит / тѣже полот'ен'це /
ну к'ис'ет платок подар'ит мѣжт ишо // и дар'ит кажново гост'а / кажно-
го гост'а подар'ит / знааш став'ит она тар'ѣлку на стол // и в эту там / кто
скол'к'и / раньше дѣн'гам дар'ил'и / нѣ цѣм нѣбу // дѣн'ек там скол'к'и
нѣбут покладут //

это вот / жѣлоц'к'у поднос'ил'и // Вот моја сѣстра / сперва старша под-
нос'ила / ф пѣр'ва нарѣсту / фторѣва значит фторѣја / а наш нарѣст-та
поднос'ила жѣлоц'к'у ја // жѣлоц'к'а знааш ты / в л'ис'е выруб'иш жѣлоц'к'у /
и кажныи прут'иц'ек обв'ед'ѣш гумашкою и навѣс'иш самых хорѣших
л'ѣнт / фс'у жѣлку / и там нѣскол'к'и с'в'иц' постав'иш огары'икѣф так'их
вот // и жѣлку ту зас'в'ит'иш // зас'в'ит'иш жѣлку / ид'ѣш оттуда / жѣлка
нѣ ф комнат'е / жѣлка откуда нѣбут // ид'ѣш с' жѣлкой //

⁹ Нарост — поколение.

¹⁰ Гумашка — бумажка.

Рассказ о пожаре

Приехали гости из города / это уж было в войну / да в войну //

Попировали / улеглись все спать // Улеглись все спат / а у меня был племянник / пришел из армии без ноги // Вот и он сидел дома все / народ / все были на работе // Вот он сижу в окошко / гов... / ой солнышко-то стало / дак крыша-то блестит / сперва думал // Потом как поглядит / а уж по крыше-то по фсёй огонь ходит // В деревне никого нет / онъ только спят / да я один //

Вот говорит ломил / ломил / ломил к ним // Двери выставил / онъ другие / а без ноги / дак цего целовѣк-от / только пришел из армии //

Вот туда / говорит / забегаю к ним и говорю / не испугайтесь / вставайте / вы говорит / горите // Вот / как с крыльца они все выскозили / в цем выскозили / только и остались все // А уж там слегиваляся // Вот // Едва и сами-то выскозили // И тут огонь-то и кинул сразу на другой край / и сгорѣло девять домов //

А на этом порядке / улица-то широкая / а на этом порядке все стекла перелопали от пожару // Эк жарко было / горѣло во жниву самую // А потом перекинул огонь / через линию / в другую деревню головешку унесло / и / этот / сгорѣло там гумно / и в поле весь навоз пригорѣл / был выложен навоз.

Вот елка / поди годошв триста стояла елка // и та сгорѣла / в поле // Поднялся говорят вѣтер / дак вот с головы фату¹² рвало / вот как //

Ну что / приѣхали позарники / а цего сдѣлают как? Перекидывает этот / Еще хорошо руцей есть / был // Дак со станции машину привезли / дак заливали эти-те дома / еще / чтоб эти-те не загорѣли //

Было много домов заколочено / люди в городах были // Так пригорѣло / никто ницего не вынес //

Приѣхал'и гост'и из города / это уш было в войну / да в войну // попировал'и / ул'егл'ис фс'ие спат // ул'егл'ис фс'и спат / а у м'ен'а был пл'ем'е-ник / пришо'w из ар'мии без ног'и // вот' и он с'ид'е'w дома фс'о / наруот / фс'е был'и на робуд'е // вот он с'ижу' в окошко / и гов / ой солнышко то стало / дак крыша то бл'ест'ит / сп'ер'ва думал // потом как погл'ад'ит / а уш по крыше-то по фс'би огон' ход'ит // в д'ер'евн'е н'иково' н'ет / он'е тол'ко сп'ат / да ја од'ин // вод говорит ломил / ломил / ломил к'жим // дв'ер'и выстав'ив / одн'е друг'ие / а без ног'и / дак ц'иво' ц'елов'ек-от / тол'к'и пришол из ар'мии // вот / туда / гр'ит / заб'егаю к н'им и говор'у // н'е испуга'йт'ес' / встава'йт'е / вы говор'ит / гор'ите // вот / как с крыл'ца он'и фс'е выскоц'ил'и / в ц'ом выскоц'ил'и / тол'к'и и остал'ис' фс'е // а уш там сл'ег'и вал'ац'и // вот // једва и сам'и-то выскоц'ил'и // и тут огон'-то и к'инул сразу на другой край / и згор'ело д'ев'ад домо'w // а на этом пор'атк'е / ул'иц'а-то шарокаа / а на этом пор'атк'е фс'е ст'окла п'ер'еюпал'и от пожара // эк жарко было / гор'ело во жн'иву самују //

¹¹ Записано Ю.С. Азарх в 1968 г.

¹² Фата – платок.

а потóm п'ер'эк'инул огóн / ч'ер'ез л'ин'ю / в другóу д'ер'евнóу гоюв'ошкóу
ун'еслóу / и / этóт / згор'елó там гумнóу / и ф' пол'е в'ес' навóс пр'игор'ил'ев /
был выложен навóс // вот жóлка / под'и годóуw тр'иста стóжала жóлка // и
та згор'ела / ф' пол'е // подн'алс'а говор'ат в'иг'ер / дак вот с головы фату
рвалóу / вот как // ну што / при'ехал'и позарн'ик'и / а ц'иво зд'елают как //
п'ер'ек'идыват этóт // ишо хорошó рóуц'и јес'т' // был // дак со станц'ији
маш'ину пр'ив'езл'и / даг зал'ивал'и эт'и-т'и домá / ишó / штоб эт'и т'и н'е
загор'ел'и // было мнóго домów заколóц'ено / л'уд'и ф' городáу был'и //
так пр'игор'ило / н'ихтó н'иц'иво не вын'ес //

Вологодская обл., Харовский р-н, д. Макаровская

Александра Христофоровна Макарова, 67 лет (А-926)¹³

Как рыбу ловили

К' этому праздику / на этóт празди́к / обяза́тельно пойдут рыбу ловить /
в Катрому // Надо рыбу к этому праздику / день по́стный // Вот в нашей
Катроме рыбы было много / Вот такие были сшиты бредники / опять же
вот / сложимся / да из холста и выткем все одинаково / он такой р'бд'ень-
кий / но кр'б'кий / с таким с горлом / а тут это где пошире такие багоги
привяжут / тут вот мужики которые посильнее / за эти багоги управляют /
а мы идем по сторонам // вот Катрома широкая / дак уж всю мы нар'одом
и застанем // Такие веревки да где глуб'око / дак чтобы не потонуть // Ноги
не хватит / надо на эту веревку пов'б'ситься дак // Мы с этóго краю идем /
а там перебор пом'льче // Там оттуда идут / к нам сюды рыбу гонят //
Мы в этóт бредник и наловим рыбу // Потом подымут багоги / там шуки-те
гуляют // Наберем кузовков / пестери старинные такие / вот эстолько на-
ловим / а еще не хватит / так еще / мель / мель / мели звались / м'б'лк'ие /
так с баб эти юбки снимут вот эти / и в юбке да принесем / в деревню / да
вот тут наишут таких пол'отен / да навывкладывают //

К' этому прáz'нику / нь, этóт прáz'ник / обяза́тельно пойдут рыбу ло-
в'ит / ф' Катрому // надо рыбу / к' этóму прáz'нику / д'ен' по́сноц' // вот w
нашóй Катром'е рыбы было много // вот так'ишо был'и ш'иты бр'едн'ик'и //
оп'ед же вот / сложимс'о / да ис ховста и выт'к'ом wс'о одинаково / он та-
к'и р'ид'ен'к'еи / но кр'и'епкой / с таким с горлом / а тут это гд'е поши-
р'е так'ишо багог'и пр'ив'ажут / тут вот муж'к'и которые посил'н'е, / за
эт'и багог'и управл'еиут / а мы ид'ом по сторонам // вот Катрома шырокая /
дак уш' фс'у мы нару'одом и застан'ом // так'ише в'ер'б'ок'и да гд'е глу-
б'око / дак штобы н'е потонут // ног'и н'е хват'ит / нао на эту в'ер'б'ок'у
пов'ис'ише дак // (нрзб.) мы с'этоо краю ид'ом / а там п'еребор пом'ил'-
це // там оттуда идут / к нам с'уды рыбу гон'ат // мы в' этóт бр'едн'ик
и налов'им рыбу // потом подымут багог'и / там ш'ук'и-ти гул'еиут /
(нрзбр.) наб'ер'ом кузовков / п'ес'тер'и старинные так'ишо // вот эс-
тол'ко налов'им / а ишо н'е хват'ит / так'ишó / м'ew / м'ew // м'ел'и зва-
л'ис' // м'ewк'ишо / таг з баг' ет'и јупк'и сн'имут вот ет'и // и в' јупк'е да
прин'есом // в д'ер'евнóу / да вот тут / наиш'ут так'их пол'от'он / да навыв-
кладывают //

¹³ Записано автором в 1976 г.

Как раньше растили детей

Раньше до трех годов / до трех годов и не ходили / ничего / да ранше и не давали / не давали в руках-то держать и робенка-то // А бывало вот недалеко скажу / про себя // Держу робенка вот / сбла за прялку / вот исть-то так вот на это мбсто сбла // Надо бы прять / а я взяла парня-то / первого парня / да его ведь и жалко // Взяла да держу парня-то / а он титькю сосет / я гляжу на него / а свекор спал вот тут на полатах / а он нет-нет да колову и подымет / нет-нет / да голову и подымет // Поднял третий раз голову: — Да-а / парнек-от парнек-от побежит / а моток-от не побежит // — Не пряду дак моток-от не побежит / дак никто его и не увидит //

Парнек-от побежит / ему уж это не любо / что я над парнеком-то тбшуся // На прялку-то не подается / не пряду / дак говорит / парнек-от побежит / а моток-от не побежит // Догадывайся / вот догадывайся // Вот я подержала / подержала / да в зыбоцкю-то и положила парнека-то / и стала прять //

Да вот ногой кацеешь зыбоцкю вот / зыбоцкя висбла // Да / вот этой прялкой ногой пряду так / этой ногой / нога-то слободна / веревку привязала / дак кацеем // А парнек-от сидит / да тутотка вьющецек деревянных навешено / ведь игрушек ранше не было // Знацит три вьющецки висблися / после галанских¹⁵ микацек (?). Так он барабанит / я его трясу ногой-то / он барабанит / играет / а я пряду...

Ранше до тр'ох годуов / до тр'ох годуов и не ход'ил'и / н'иц'е'иво / да ран'ше^и и н'е давал'и / н'е давал'и в руках-то д'е'и'ржа'т и роб'онка-то // а бывало вот н'е'и'дал'око скажу / про се'и'б'и'а // д'е'и'ржу роб'онка вот / с'и'ела за пр'ялку / вот ист'-то так вот на это м'и'есто // с'е'ла / надо бы пр'ес'т' / а ја вз'ала парн'а-то / п'ерво парн'а / да јево в'ет' и ж'авко // Вз'ала да д'е'и'ржу парн'а-то / а он тит'к'у сс'от / ја гл'ежу на јево / а св'окор спал вот тут на пол'атах / а он н'ет н'ет / да го'лову и подым'ет / н'ет н'ет / да го'лову и подым'ет // поди'ал тр'ет'ий рас го'лову // да-а / парн'ок-от парн'ок-от поб'ежыт / а моток-от н'е'и' поб'ежыт / н'е пр'яду дак моток-от н'е поб'ежыт / дак н'икто јево и н'е ув'идит // Парн'ок-от поб'ежыт / јему уш это н'е л'убо / што ја нат парн'еком-то г'и'е'шус'а // На пр'ялку-то н'е подае'ца / н'е пр'яду / дак говор'ит / парн'ок от поб'ежыт / а моток от н'е поб'ежыт // догадыва'и'с'и / вод догадыва'и'с'и // вот ја подержала / подержала / да в зыбоц'к'у вот / зыбоц'ка в ис'и'ела да / вот этой пр'ялкой ногой пр'яду так / этой ногой / нога-то слободна / в'ер'офку прив'азала / дак кац'еим // а парн'ок-от с'ид'ит / да тутотка в'јущец'ек д'ер'ев'яных нав'ешено / вет' игрушок ранше н'е было // знацит три в'јущец'ки в'ис'ил'ис'а / посл'е галанск'их м'икац'ек (?) / так он барабат / ја јево тр'асу ногой-то он барабат / играет / а я пряду //

¹⁴ Записано Ю.С. Азарх в 1968 г.

¹⁵ Галанка (голанка) — брюква.

Рассказ о сватовстве

Вздумали мы вместе пожить // Он пришел сватом / он меня был побогаче / а я его была победнее // У нас был дом не очень-то хоршый / а здесь был дом хоршый // Он был у меня один / а нас у отца у матери было четверо нас / да // Мы и стали так / подумали что надо нам сойтися // Меня сюда было не очень-то надо // Мой муж сказал я по тебе сегодня сватом приду // У нас такой обычай // Вот / он пришел / довел меня до дому до нашего / обратно я не пойду // Знаешь что / Оля? Я пошлю тетушку свою // Он послал тетушку / тетушка пришла / мѣсто поглядѣла / моему отцу сказала / матери // Им так показалось страшнѡ // Не возьмут / не возьмут // Онѣ же богатые у меня / а я разбѣдный человек // Ну я так бывала / не так-то уж плохая / плохая // У меня отец-мать собрались сюда // Мой муж пошел вперед / и эта тета пошла с ним же // Сюда пришли это / отец / мать / молодые // Моему было свекру / по-нашему как назвать сорок три года / а свекровушке сорок пять // Ну они запросили приданого / у нас в то время дарили... У нас даже / во всем дому нам всем столько полотенцей чай не присчитается / сколько онѣ за мной спросили //

Но наши родители не решили то дать со мной // Говорят как лошадка худа / так накладке добра / а тут лошадка подходяща / а накладки нисколько нет со мной //

Ну вот / ушли обратно / больше ничего не стали говорить. Ушли // Меня мат стала ругат. Хорошо погуляла? Остальных женихов ты сама от себя отбила!

Я стала подумывать / сама себе и думаю / что я с Колей прощуся и вся недолга / что до свидания / я с вами боле сидеть не буду и разговаривать даже не буду //

Вдруг опять у нас у ворот стучат // Никто не идет открывать.

Отец сошел. — Кто? — Иван / открой! — Ну значит опять эти-то люди к нам идут. — Иди / жених собирается ехать как эту невѣсту не возьмет // А он у них единственный / им жалко сына. Он был / сделался сердитый // Ладно / хорошо // Давай / обязательно / пошли //

Мамку мою насилу срядили сюда / пошли // А я с такого горя возьми невѣста засни // Заснула / вдруг опять у нас у ворот колотятся // Сестра моя старшая вышла / открыла // Вы все спите / все / а сейчас же гости идут / я это слышу / хоршѡ // Ну значит у меня сердце обрадѣло / обрадѣло // Сейчас замуж пойду за экого за парня за хоршого // И не думаю ничего дальше //

Пришли / ну значит угостилися / подвыпили // Невѣсту у нас всегда садят / чтобы разливала сидѣла у кранта // А я видно была такая / что не сяду // Я забралась в самый угол под иконы к жениху / и сажу сама себе с богом // Вот ладно / хоршѡ // Все это дѣло успокоилося // Я работала свиаркой // Надо уж открыто все // Ну значит я с той работы сошла // Надо быть в другой дом // В то время у нас венчались // Дошло то / что надо венчаться / вот / вот свадьба //

Ну / со мной приданого пошло // Хлѣбушка дали / отец меня свой

¹⁶ Записано автором в 1976 г.

Про свою жизнь

Жить-пожить // Стала быть я старикам любая // Я родила сына // Сына значит стали звать Сашей // Стала жить / стала жить // У одной / у соседки я спрашиваю: Фаина / сколько лет ты уж живешь замужем? — Семь. — А я-то буду жить так? — Будешь // А большаки значит хорошие // Я / так / никуда ни так / я все держусь закона / закона // Ладно / хорошо // И жить-пожить... Мой Саша стал уж шести годов // Тут у меня родилась дочь / Зина // Моего мужа взяли в армию // И вот я жила со своими родителями / с этими вот / с которыми вышла / с матерью / она мне была свекровушкой / двадцать семь лет // Муж не вернулся мой // Муж мой не вернулся // А он когда там был / во мне Зина зашевелилась / я / значит ребенок шевелится // И вот все до сих пор живу // А со свекром жила тридцать один год / и мой сейчас свекор / все он живой / у моего он у сына. А сын мой на целине // Сын работает хорошо // Привез мне-ка медаль казать как он заработал / мне это очень нравится // Я ему сказала / Сашенька / будет еще лучше / силы хватит / давай еще работнем //

Жыт / пожит // стала быт' я стар'икам л'убаја // ја род'ија сына // сына зна'ит стал'и зват Сашея // стала жыт / стала жыт // у одной / у сосед'ки ја спрашываю // Фаина / скоко л'ет ты уж жыв'о́ж замужем // с'ем' // а ја то буду жыт так // будеш // а бол'шак'и зна'ит хорошы // ја / так / н'икуда н'и так / ја ф'с'о держус' закона / закона // ладно / хорошо // и жыт пожит // мой д'ети / мой Саша став уш шест'и годовоу // Тут у мен'а род'илас' доц' / З'ина // мојево мужа вз'ал'и / в ар'мию // и вот ја жыла со своим с род'ит'ел'ам / с' эт'им вот / с кот'орым вышла / с матерью / она вот мн'е была св'екровушкой / двацат сем' л'ет // муш н'е в'ернулс'а мой // муш мой н'е в'ернулс'а // а он когда там быт' / во мн'е З'ина зашев'ел'илас' / ја зна'ит р'еб'онок шев'ел'ил'а // и вот ф'с'о до с'ех пуор жыву / а со св'окром жыла трицат од'ин год / и мой с'еиц'ас св'окор / ф'с'о от жыв'ой / у мојево он у сына // а сын мой на ц'ил'ин'е // сын работат хорошо // прив'ос мн'е-ка м'едал' казат / как он заработав / мн'е это оц'ин' нрав'ил'а // Ја же му сказала / Сашен'к'а / бует ишо лучше / с'илы хват'ит / давай ишо работн'ом //

Как делают толокно и овсяную муку

Толокно это / этот овес выщерпывают в вода-те / в решета / в кузовки / в маленькие // Вытецет эта вода-то / с овса-то // Ну / его сразу в жар в печь пихают // Кр'пко закроют / он там пр'бет // Пропр'бет / и его оттуда вынимают / опять же в суда / и понемножку его сушат // Высушат / и на меленку // На мельнице изопихают / прос'бют / пров'бют / и мелют толокно //

17 Записано автором в 1976 г.

18 Записано автором в 1976 г.

А муку овсяную дак так // Высушат овес / изопихают / провьют / тот в ступу / и все вот толкешь / до самой мѣлкой муки // А когда овес истолкешь, то блинчики пекут так // В холодной водѣ / натворят // Надо сильно сильно просивать чтобы было хоть бы мякина // Ляпаешь долго его с мутовкой / долго долго долго долго // Потом разводят теплой водой и пекут // Ну они хороши // У кого есть / не одна вот там женщина // Одна старушка пойдет обряжаться / а женщина молодая блины ляпае // Помногу раньше в ступках / семьи // Дак ступы по три съедали этих блинов // Ну этих блинов / мужики наедятся / пойдут в лѣс / с собой ежи не берут / смогают до вечера // К вечеру приходят из лѣсу //

Толокнуо это / этот овѣс выщѣрпают ф суда-те / в рѣшота / ф кузовк'и / в мал'енк'и // выщѣт эта вода-та / с оwsа-го // ну жево сразу в жар ф пѣц' п'ихают // Кр'ѣпко закрюит / он там пр'ишет пропр'ишет / и жево оттуда вын'имают / оп'ад' же ф суда / и пон'емношку жево сушат // высушат / и на м'ел'енку // на м'ел'н'иш'е изоп'ихают / прос'иют / пров'иют / и м'ел'ут толокнуо // а муку оws'ануу дак так // высушат овѣс / изоп'ихают / пров'иют / тот ф ступу / и фс'о вот тоwk'ош / до самой мѣвккой мук'и // а когда овѣс истолк'и'ош / то бл'ин'ц'ик'и п'екут так // ф хол'одной вод'е / нат'вор'ат // надо с'и'но с'и'но прос'иват чтобы было ход бы м'ик'ина // л'япаш доwго жево с мутовкой / доwго доwго доwго доwго // потом розвѣд'ят т'оплои вод'и и п'екут // ну он'и хорошы / у коwо жест / н'е одна вот там / жѣнщина // одна старушка под'от обр'ажашца / а жѣнщина молодая блины л'япае // по многу ранше ф ступках // с'ѣм'и // дак ступы поу тр'и с'ѣдал'и эт'иу бл'ин'ов // ну эт'иу бл'ин'ов / мужык'и наедеца / поидут в л'ѣс / с собои жежы н'е берут / смогают до вѣщ'ера // к вѣщ'еру пр'ихбат из л'ѣсу //

Архангельская обл., Пинежский р-н, с. Карпогоры

Александра Степановна Верещагина, 78 лет (А-593)¹⁹

О косьбе, ягодах, грибах

Я не даваю метать своим ребятам // Они неладно наметют / может промокнуть // А я знаю как надоть / у меня не промокнет // И вот это з'горожу огород (... скажет) ты что все сама сделаешь? А я говорю / я не доверяю ребятам-то / я сама лучше / тощить и косить / и лопатить косу //

Вот мужчины есть стары тоже / принесешь косу лопатить / они лопатят там как-нибудь // Полопатыт там сколь же немножко // Косить станешь / не берет коса // Я возьму брусок да сама так налопашу с обеих сторон // И как бритва идет / Я кошу / забываю / с той стороны / с другой / без оглядки // Улецу / всех оставлю //

Мне уж косьба далась была // Беда // Я косила / У нас дед-то свекор-от был / мы-то / этот наш / женщины все таки здоровы / полны были / косить-то / могли все работать-то // Мы пойдем до горы идем покосом // Все // Анна Денисовна тут / Марья Евсеевна / Дарья / все это мы идем // А которы женщины не могут гониться / не ходят // Они что-нибудь / их заставят там / вороцять / либо грести / либо сено возить там //

¹⁹ Записано автором в 1968 г.

ь лесу-то вот ходим все за ягодами тоже // Я люблю ходить за ягодами / и хожу далеко / места знаю ягодны / грибные знаю места // Беру кого / когда просят все // И возьму / придем / наберем / уйдем / там остается еще много ягод // Пойду следующий раз уж убрано / нету / больше ни разу не поведу никого. Я все Марью брала да / Дарью брала да / тут Денисовну да // Придешь / отведешь / ягоды наберешь / а вот пойдешь другой раз с Наташей / либо со своими с кем-нибудь пойдём / уже убрано / очищено все //

Нельзя водить людей // Я знала ягодны места / У нас раньше дедушка промышлял / Алексей / ходил все по лесу-ту //

Там Сога речка есть / за Согу / по болотам / а мама водила все // Мама знала ягодны места / грибные места // Там волнухи эти / куньки²⁰ / грузди / маслѣны²¹ // Она нас всех собирает / ребята поедемте / на лошади // Поедем // Наломаем скоро / привезем / вот поэтому я знала все // А теперь пойдешь... Когда много ягод / придешь ягод много / крупны ягоды / буры / красны / весело собирать-то / быстро наберешь // И эту корзину наберешь / набирушку²² наберу / идешь домой / такую ношу ташу / несу //

Я ходила как-то / набрала ягод-то / корзину / набирушку / в фартук набрала / много ягод / жалко уйти // Брала / брала / и солнушко закрылось // И я пошла домой / одна / я все одна ходила // Пошла домой / и заблудилась // Вздумала пересекать / мне дороги-те не надо было / я так выйду / вздумала пересекать эту дорогу / Говорю прямой пойду // Солнышко закрылось / темень накрыла / и я заблудилась / закружилась // Это вот за речкой / за Согой / пять километров от дому-то речка-та эта / потом я шла / шла / вышла на просеку //

Ja н'е давају м'атаг' своим р'еб'атам // он'и н'еладно нам'ецаут мо́жът промо́кнут' // а ја знају как надот' / у м'ен'а н'е промо́кн'ет // и вот это кругом загорожу огорог' / ... скажет / ты што фс'о сама зд'елаш' / а ја гр'у / ја н'е дов'ерају р'еб'атам-то / ја сама лучше // тоцайт' и кос'ит' / и лоп'атит' косу // вот мушпыны јест' стары тоже / прин'ес'ош косу лоп'атит' / он'и полопат'ат там как-н'ид' // полопат'ат там ско́л' же н'емно́шко // Кос'ит' стан'еш / н'е б'ер'от коса // ја воз'му брусок да сама так налопацау с об'ех сторо́н // и как бр'итва ид'от // ја кошу / забывају / с той стороны / з друго́н / без огл'атк'и // ул'ецау / фс'ех остав'лу // мн'е уш коз'ба-то далас' была // б'еда // ја кос'ила // у наз д'ед-от св'окор-от был / мы-от / этот наш / же́ншыны фс'о так'и здоровы / полны был'и / кос'ит'-то могл'и фс'е работат-то // мы поид'ом до горы ид'ом покосом // фс'е // А́на Д'ен'и-совна тут / Ма́р'ја Ефс'ејевна / Да́р'ја / фс'е это мы ид'ом // а которы же́ншыны н'е мо́жут гон'ица / н'е ход'ат // он'и што-н'ибут' / их застав'ат там / ворцаг' / л'ибо гр'ес т'и / л'ибо с'ено воз'ит там // в лесу-то вот ход'им фс'о за јагодами тоже // ја л'убл'у ход'ит за јагодами / и хожу дал'еко / м'еста знају ягодны / гр'ибные знају м'еста // Беру ково когда прос'аца фс'о // и / воз'му / прид'ом / наб'ер'ом / уид'ом / там оставајеца ишо много јагот // пойду сл'едушии рас уш убрано / н'ету / ббл'ше н'и ра́зу н'е пов'еду н'иково // ја фс'о Ма́р'ју брала да / Да́р'ју брала да / тут

²⁰ Куньки – вид грибов.

²¹ Маслѣны – маслята.

²² Набирушка – маленькая корзина.

Ден'исовну да // пр'ид'ош / отв'ед'ош / јагоды наб'ер'ош / а вот поид'ош
другой рас с наташей / л'ибо со своима с к'ем-ниут' поид'ом / уже убрано /
очыщено фс'о // н'ел'з'а вод'ит' л'уд'ей // ја знала јагодны м'еста / у нас
ран'ше д'едушка промысл'ал / Ал'екс'ей / ход'ил фс'о по л'есу-ту // Там
С'ога р'еч'ка јест' / за С'огу / по болотам / а мама вод'ила фс'о // мама
знала јагодны м'еста / грибныје м'еста // там волнух'и эт'и / кун'к'и /
груз'д'и / масл'оны // она нас фс'ех соб'ирает // р'еб'ата / појед'емт'е /
на лошади // појед'ем // наломам ск'оро / пр'ив'ез'ом / вот појетому ја
знала фс'о // а г'еп'ер' поид'ош // когда много јагот / пр'ид'ош јагот много /
крупны јагоды / буры / красны / в'ес'ело соб'ира'т-то / быстро наб'ер'ош //
и эту корз'ину наб'ер'ош / наб'ирушку наб'еру / ид'ош домои / такую ношу
ташу / н'есу // пр'иду домои так уш (нрзбр) н'е доставам / вот как в'ез'
д'ен' / надо от г'ихо и враг'т-то // ну на јагодах-то и хорошо / н'е г'ихо /
ја ход'ила как-то / набрала јагот-то / корз'ину / наб'ирушку / ф' ф'артук
набрала / много јагот / жалко уит'и // брала / брала / и сблнушко закры-
лос' // и ја пошла домои / одна / ја фс'о одна ход'ила // пошла домои /
и заблуд'илас // вздумала п'ер'ес'екаг' / мн'е дорог'и-т'е н'е надо было /
ја так выиду / вздумала п'ер'ес'екаг' это дорогу / гр'у пр'ам'ей поиду //
сонышко закрылос' / т'ем'ен накрыла / и ја заблуд'илас' / закужилас' //
это вот за р'еч'кои / за С'огой / п'ыг' к'илом'етроф от дому-то р'ец'ка-та
эта / пот'ом ја шла / шла / вышла на пр'ос'еку //

Архангельская обл., Пинежский р-н, с. Карпогоры

Александра Степановна В е р е щ а г и н а, 78 лет (А-593)²³

О праздничных гуляньях

На мечище²⁴-то собирались // У нас-то Петров день праздник / дак
соберутся // Раньше собирались в первый день / Петров день //
Ну к часам двум соберутся на мечище / в повязках девушки ходят и без
повязок ходят //

Вот ходят ходетима²⁵ гуляют / ну и походят ходетима с ребятами //
Я вот говорила вам как ребята ходят / девушки ходят ребят брать // Они
придут / поклонятся / парень эту шапку снимет / пойдут ходить // А ко-
торы / которых берут там девки / знам возьмут / дак они знашь взяты
не пойдут // Так они знашь ходят / ходят / поклонятся и находилися //
А опять ходят две барышни возьмут / парень один и пойдут-от гуляют /
это вот у нас называется имками ходят // Вот пойдут в эту сторону / в ту /
кверху сходят / ну там бывает в это / в поле сходят / и тут все чего-ни-
будь разговаривают / про любовь / про какую-нибудь //

Парень / которая девушка ндравится / он выбирает / берет / пойдете
имками / а уж он идет уж все с ней больше говорит и ближе к ней / вот
и пойдут / ходят //

А ведь тут народ / все принародно / некогда и говорить / а вот ить и
пойдут / и разговаривают / скажет / идешь ли замуж зовет / да все / а

²³ Записано автором в 1968 г.

²⁴ Мечище – праздничное гулянье.

²⁵ Ходетима – форма от "ходить", ср. "стоять стоймя", "висеть висья" и т.д.

... // Он ту не зовёт / дак вот эту / они как подружки / вот и берут так / и ходят //

На м'ечышто-то соб'ирал'ис' // У нас от П'етроф д'ен' пр'азн'ик / дак соб'ируй'а // Ран'ше соб'ирал'ис'а ф п'ёрвыи д'ен' / П'етроф д'ен' // Ну к часам двум соб'ируца на м'еч'иш'е / в пов'асках д'ёвушк'и ход'ат и б'ес пов'азок ход'ат // Вот ход'ат ход'ец'има гул'ајут / ну и пох'од'ат ход'ец'има с р'еб'атам'и // ја вот говор'ила вам как р'еб'ата ход'ат / д'ёвушк'и ход'ат р'еб'ад брат' // Он'и пр'идут / поклон'аца / пар'ен' эту шапку сн'им'ет / пойдут ход'ит' // А кот'оры / кот'орых б'ерут там д'ёфк'и / знам воз'мут / дак он'и знаш вз'аты н'е пойдут // Так он'и знаш ход'ат / ход'ат / поклон'аца и наход'ил'ис'а // А оп'ат' ход'ат дв'е бар'ышн'и воз'мут / пар'ен' од'ин и пойдут-от гул'ајут / это вот у нас называ'ецца имкам'и и ход'ат // Вот пойдут в эту ст'орону / ф ту / кв'ерху сх'од'ат / ну там быва'ет в это / ф пол'о сх'од'ат / и тут фс'о ч'ев'о-н'ибут' разговар'ива'ют / про л'уб'обф / про какују-н'ибут' // Пар'ен' / кот'ораја д'ёвушка ндрав'ица / он выб'ираг / б'ер'от / поид'омг'е имкам'и / а уш он ид'от уш фс'о с н'еи бол'ше говор'ит и бл'иже к н'еи / вот и пойдут / ход'ат // А вет' тут нар'од / фс'о пр'инародно / н'екогда и говор'ит' / а вот иг' и пойдут / и разговар'ива'ют / скажет / ид'обш л'и замуш зов'от / да фс'об / а та д'ёвушка помалк'ива'ет // Он ту н'е зов'от / дак вот эту / он'и как подрушк'и / вот и б'ерут так / и ход'ат //

Новгородская обл., Окуловский р-н, д. Перестово

Елена Петровна, 72 года (А-1163)²⁶

Как в лесу "водило"

Бывало / бывало / у нас вот моя мама шла с покосу / с дядей Прошкой // Вот они оба / обои тепер'ь покойные // Шла с покосу / с лугов / Это у нас такие / место называется / луги // Вдруг говорит / как /э-э / заяц все равно пробежал / ну как вот мелькнуло / не видел он кто //

Вдруг говорит / потерялся у меня Прошка / вот / вот / дядя Прошка. Как потерялся говорит / вот / я не знаю ... Вот я иду / а меня прям всю трясет / что потерялся Проша // Дохожу говорит / вот сейчас думаю догонит / вот догонит / дошла там тако у нас называется место / белый камень (нрзбр.) дак нету / и домой пришла / пришла говорит / бабке говорю / а Проша дома? — Нету. — А Проша если б / еще шагнул бы раз / и в реку / это вот уж точно не враки.

— Это раньше было?

— Раньше раньше / конечно раньше не сейчас //

— А тепер'ь ведь к этим людям и не подцепиться //

— Он говорит (Проша) / иду говорит сам себе / и думаю ну что тако / должно б уж тепер'ь быть белый камень и двое ворот / белый камень нет и нет / нет и нет / ну как уж чувствую уж по ходьбе-то / а потом говорит / матюгнулся / матюгнулся уж не знаю там как он матюгнулся / Проша-то да / это уж потом он рассказывал / очутился под насосником / и в кряжу / еще б говорит шагнул / и сам бы упал бы / вот //

²⁶ Записано автором в 1980 г.

— Раньше конечно дела были...

— А моего дедушка тоже / вот мамино / бабка / дак этот / Лярский²⁷ барин / нет / не Лярской Горнишний-то какой барин был?

— Лярской?

— Не Лярской ведь / где там березы эти // Фофаевский тоже / он с ним дружил / охотился / он охотник был хороший. И вот тоже ехал / откуда он ехал? Э — / И вдруг попадаетея встречу этот Фофаевский. Его и созвал / поедем / он и поехал / и очутился посреди озера на камню / да / посреди озера / Крачун (?) там в Ермолихе-то //

— Да / поди узнай что покажется //

Бывало / бывало // у нас вот моја мама // шла с покосу // з д'ад'ои прошкои / вот он'и оба / обои т'еп'ер' / обои покоиньи // шла с покосу / с лугоф // ето у нас такаа // м'есто нъзываеца луг'и // вдруг говор'ит // как / е / заец фс'о ровно проб'ежал // ну как вот м'ел'кануло / н'е в'ид'ел'ьн кто // вдруг говор'ит / пог'ир'алс'а у м'ен'а прошка // вот / вот / д'ад'а прошка // как п'г'ир'алс'а гв'яр'ит / вот / ја н'и знаю // ... вот / а ид'у / а м'ен'а пр'ам фс'у тр'ес'от / шгь пог'ир'алс'е проша / д'ыхажу гв'яр'ит / вот сычаз д'умаю / д'ыгон'ит / вод д'ыгон'ит / дашла там тако у нас нъзываеца м'есто / б'иелои кам'ен' // (нрзбр.) д'ык н'ету / и домои пр'ишла / пр'ишла гв'яр'ит // бак'е гавар'у / а проша доума? н'ету // а проша јесл'и п / ишо шагнул бы рас / и в р'иеку // ето вот уш точно н'е врак'и /

— Это раньше было?

— Ранше ранше / кон'ешно ранше н'е с'ечас //

— А т'еп'ер' в'ет' к ет'им л'уд'ам и н'е поцеп'ица //

— Он говор'ит / ид'у говор'ит сам с'иб'е / и д'умаю ну што тако / должно п уш т'еп'ер' быд' б'елои кам'ен' и двою ворот / б'елои кам'ен' н'ет ы н'ет / н'ет ы н'ет // ну как уш чувствую уш по ход'б'ие—то / а потом говор'ит / мат'игнулс'а / мат'игнулс'а уш н'е знаю там как он мат'игнулс'а // проша-та да / ето уш потом он расказыв'ыл // очутилс'а под насос'ником / и кражу / ишо б говор'ит шегнул / и сам бы упал бы // вот //

— Ранше конечно д'ела был'и //

— а мојово д'едушка тоже / вот мам'иново // бац'ка / дак / етот / л'арской бар'ин // н'ет / н'е л'арской горн'ишның-то кокой бар'ин был //

— Л'арской?

— Н'е л'арской в'ет' / гд'е там б'ер'озы ет'и // фофајевской // тожо / он с н'им дружыл / охот'илс'е / он охот'иг был хорошыи // и вот тоже јехал / откуда ън јехал? и вдрук попадаеца встр'ечу етот фофајевской // јово и сзвал / појед'ьм // ън и појехъл // и очутилс'а пасред'и оз'ьра нь камн'у // да / п'ср'ед'и оз'ьра // крачун там в јирмал'их'ь-ть //

— Дь / под'и узнай што покаж'ьца ///

²⁷ Лярский — по-видимому, фамилия помещика.

Рассказ о том, как "смерть" пришла

Как у меня смерть-то пришла? Я читала книгу / двадцать минут двенадцатого поглядела время / я уже читала книгу / про партизан-девушек // Отряд партизан-девушек // И легла// А я читала и плакала / эта Зоя / Зоя была в каменный мешок посажена / на три месяца / вот в какой-то каменный / ой я разволновалась так / поглядела время / двадцать минут двенадцатого // Лягу // Легла, свет везде выключила / а свет на фонаре ночью горит / зимой / а печка в спальне белая... Быдто ко мне хто-то идет / идет / вот я видела сама / своим глазам // Я не спала / идет / и на ней платье белое / длинное. А это я слышала / что надо сругнуться. Вот идет вот так // Я не ее вижу / а тень по печке / тень-то // Вижу / что ... Ды это хто? —

Она говорит ды я! — Ды хто это я? — Ды смерть твоя! — А я говорю / ды иди ты ... Честно вот что было то и говорю // Я как вскочила / рядом выключатель / я выключила // Господи / нет никого / не ей богу / вот нисколько не вру // Еще Дуня мне говорила / говорит / Шурка ты сегодня наверно самогонку гнала //

А я не самогонку / чище самогонки было // Я стала а сама думаю / господи / как мне со спальни в темнеьку-то войтить? Вот я подхожу и думаю / как бы мне включить-то? я как тяпну! Включила // К другому выключателю иду смело // В комнату иду / наверно в комнаты // Я как взяла крюк / и говорю / а чегой-то я в своей избы да боюсь? Иду с крюком ей богу нисколько не вру Галенька // Подошла к выключателю включила // Никого нету // Господи / а пусть везде свет горит // Подошла / отворила шкаф / набрала на руку белья / давай на половики вязать тряпки // Вот я стул возьму / сижу на стуле / на другой поставлены ноги / тряпки здесь / режу режу / ой ужо я погляжу / сколько время / поглядела время / без пятнадцати пять.

Выключила свет / забралась как медведица на печку // Ох ты господи ты помилуй / лежу а самой не уснуть страх какой-то берет / как быдто был мороз во всей ходит //

У самой было / у самой / нисколько не вру...

А встала двадцать минут десятого / дала курицам / и вот к почты / Галенька-то знает / бабка была там / ну бабку-ту не захватила наверно / к этой бабке пришла / она мне буде двоюродного брата молодуха. Она мне / он-то мне крестной-то был крестной / я и ее звала крестной. Я говорю / крестна / чудо-то сегодня мне / ведь я всю ночь не спала / и стала ей рассказывать //

Он говорит / надо богу молиться // — Я говорю / я ложилась спать глаза перекрещены // А вот что пришло мне // Я уснувши не была / и я стала / поглядела на часы / без двадцати двенадцать // За двадцать минут / пока я кровать розобрала / пока я сама разделасе и легла / и в течении двадцати минут это чудо мне явилосе.

Откуль пришло / сама не знаю / куды ушло / тожо ...

Да давно ли это мне приснивши было?

²⁸ Записано автором в 1980 г.

Как у м'ен'а с'м'ер'т-то пришла / ја читала кн'игу / двацѣт' м'инуд
 д'в'енацѣтъвъ пѣгл'ид'ела вр'ем'а / ја уже ч'итала кн'игу / парт'изан д'ѣву-
 шок // отр'ат парт'изан д'ѣвушок // и л'егла // а ја ч'итала и плакала / ѣта
 зои'а / зои'а бы'а ф' кам'е'нои м'ешок' посаж'на: / на тр'и м'ес'ѣца / вот ф'
 какои-то кам'ьни // он'и ја так р'зволнов'алас' так / погл'ед'ела. вр'ем'а /
 двацѣт' м'инуд д'в'енацѣтъво // л'агу / ја л'егла / с'в'ет в'из'д'ѣ выкл'у-
 чила / а с'в'ет на фонар'е но'чу гор'ит / з'имои // а п'ечка ф' спал'н'е б'е-
 ла / бытто ко мн'ехт'о-то ид'от / ид'от // вот ја в'ид'ѣла сама / своим' глазам' //
 ја н'е спала // ид'от и (нрзбр.) пла'тио д'ли'нои // а ето ја слышала што
 надо сругну'це // вот ид'от вот так // ја н'и в'ижу њ'о // а т'ен' по п'ечк'е /
 т'ен'то в'ижу што / ды ето хт'о? она г'ид ды ја // ды хт'о ето ја? ды см'ѣт'
 твоја // а ја гвор'у ды ид'и ты ... // ч'есно вот што было то и гвор'у / ја
 как скоч'ила // р'а'дом выкл'учат'ѣл' / ја выкл'учила // љоспод'и / н'ет
 н'икого / н'е же' боуу / вот н'искол' н'е вр'у / ишо д'ун'а мн'е гвор'ила /
 гр'ит шур'ка ты с'одн'и нав'ерно сомогонку гнала // ... а ја н'е сомогонку /
 ч'ище сомогонк'и было // ја стала а сама д'ум'ѣу / љоспод'и / как мн'е
 со спал'н'и ф' т'бмн'ен'ку-ту воит'ит'? вот ја потхожу / г д'ум'ѣу / каг бы
 мн'е фкл'уч'ит'-то / ја ка-а-ак т'ашну // фкл'уч'ила / г другому вукл'уча-
 т'ѣлу ид'у см'ело / ф' ко'мнату ид'у наерно ф' ко'мнаты // ја каг вз'ала кр'ук /
 и гвор'у, / а ч'иои-то ја w сво'ей изб'и д'ѣ бо'љс'а? ид'у с' кр'уком' же' боу
 н'искол' н'е вр'у гал'ен'ка // подошла к' выкл'учат'ел'у фкл'уч'ила // н'и-
 коо' н'ѣту / љоспод'и / а пус' в'из'д'ѣ с'в'ед' гор'ит // подошла / откр'ыла
 шкап // набрала на руку б'ил'ја // давай на полов'ик'и в'азат' тр'апк'и //
 вот ја стул воз'му // с'иж'у на стул'е // на другои ног'и поставл'ены // тр'ап-
 к'и з'д'ѣс' // р'ѣжу р'ѣжу / ои уж'о-ка погл'аж'у // скоко вр'ем'а / погл'ад'ела
 вр'ем'а / б'ис п'атнаѣт'и п'ат' // выкл'учила с'в'ет / забрала'с' как м'ид'-
 в'ѣд'ица на п'ечку // ох ты љоспод'и пом'илуи / л'ижу а самои н'и усн'ут'
 страх какои-то б'ир'от / каг бытто бы бытто бы морос по ф'с'ѣи ход'ит //
 у самои было / у самои // н'искол' н'е вр'у // ... а стала двацѣт' м'инуд
 д'ис'атово / уснула ја // стала двацѣт' м'инуд д'ис'атово / дала к'ур'ицам' /
 и вот к' почты // гал'ин'ка-то знаиот // бапка была там // ну бапку-ту н'и^е
 з'хват'ил'и нав'ерн'ѣ // к' е'тои бапк'и^е пришла / она мн'е б'уд'о дво'љрод-
 ново брата мол'оду'ха // она мн'е // он-то мн'е кр'оснои-то был кр'оснои //
 ја и и'љо звала. кр'оснои / ја гвор'у / кр'осна // ч'удо-то с'и'евод'на мн'е /
 в'ѣт' ја ф'с'у нот' н'е спала // и стала же' р'осказ'ѣват' / она гр'ит / надо боуу
 мол'ице / ја гр'у / ја лож'ылас' спат' глазы п'ер'екр'ешены // а воч што при-
 шло мн'е / ја уснуфшы н'е была / и ја стала / погл'ед'ела н'ѣ^а ч'асы / б'из
 двацат'и д'в'енацѣ^ат' // за двацѣтъц' м'инут' // пока ја кроват' разобрала /
 пока ја сама розд'елас'е // откул' пришло / сама н'е зна'ю / и ф' т'и'ч'ен'ни
 двацѣт'и м'инут' ето ч'удо ко мн'е њ'ев'илос'е // куды ушло / тожо н'е зна'ю //
 ... да давн'о л'и мн'е ето при'исн'и'фшы было?

Вот однажды пошли мы в лес по грибы / с одной женщиной / с Соней //
Вот пришли мы на покос / трава смята через канаву // Я и говорю / Соня /
тут медведь ходил // Она говорит / ну што ты там люди все ходят по гри-
бы да...

Вот она после этого идет и все смотрит / шо наверно где-нибудь тут
медведь лежит // И как раз попала на медведя // Она как закричит! Мед-
ведь встал на две лапы / и начал плевать / потом заревел / пустился и по-
бежал //

А я стою / слушаю / что такое происходит? Он как раз на меня! Я как
раз крикнула / и больше кричать не могу // Медведь от меня в сторону /
а я в другую / и смотрю назад / что не побежит ли след // Он бежит на
пожню // А эта женщина / как я закричала / она ведром по дереву хлопа...
А потом стоит и говорит / ну теперь мне из лесу не выйти / наверно он
заел женщину эту // Потом я крикнула / Соня // Она голос подала / мы
пришли / што будем делать? Давай чистить грибы // Так у меня и нету //
Я говорю / ты наверно высыпала по дереву хлопала ведром и высыпала //
Она говорит / а я не помню / разве я хлопала? Она после этого домой
пришла / заболела / трое суток лежала // Я голос перервала...

Вот поехали мы на покос / приехали на покос километров за восем-
нацать // Ну хозяин спустил лошадь / говорит / ну иди Шарик погуляй //
Мы это косим / Шарик тут все звонил // Потом стихло / не слышно стало
колокола // Он пошел / надо-ста проверить / наверно далеко ушел // По-
шел // Нету нету нету / не видать // Ну наверно / говорит домой ушел //
На второй день мы пожню выкосили / пошли домой / пришли / коня нет //
Он ходил / искал искал / не нашел // Потом приходит цыган // А это жен-
щина-то и говорит / хозяйка //— Цыган / не знаешь ли чего? У нас лошадь
потерялась дак.. А он и говорит / как не знаю / знаю // Есь ли уздечка /
котора была последний раз на голове? Она говорит есь // Ну / посмотрел
там што-то и говорит / ваша лошадка гуляе у озера или у речки // Только
сами не ходите искать / а кого-нибудь чужих отправьте // Пошли мужчины
четыре человека / искали искали / не нашли // Потом эта лошадка пришла
на покос // Там мужчина и женщина косили и эту лошадку поймали на
покосе //

Вот однажды мы пошл'и в л'ес по грибы / ... с о́днóй жéньщиной Сбн'ей //
Ну пришл'и мы на покóс / травá см'ата ч'ер'ес канаву // ја говор'у / Сбн'а /
тут м'едв'эт' ход'ил // Она и говор'ит // Ну / штó ты / там л'уд'и фс'о
ход'ат по гри'бы да... // Вот она посл'е этóво ид'от и фс'о смóтр'ит / шо
нав'ерно гд'е-н'ибут' тут м'едв'эт' л'еж'ит // и как рас попáла на м'едв'ед'а //
она как закр'ичáла / м'едв'эт' встал на дв'е лапы / и нáч'ал пл'евáт' / потóм
зар'ев'ел / пуστ'и'ус'а и поб'ежáу // а ја сто'ю / слóшуаю / штó такóе
происход'ит // он как рас на м'ен'á // ја как рас кр'икнула / и бб'л'ше кр'и-
чáт' н'е могу // м'едв'эт' от м'ен'á ф' стóрону / а ја в другóу / и смóтр'у

²⁹ Записано Л.Л. Касаткиным в 1966 г.

назат / шо н'е б'ежыт л'и сл'ет // он б'ежыт на пожн'у // а эта жёншына
как ја закр'ичала / она / в'едром по д'ереву хлопа // и потом стоит и го-
вор'ит // Ну / г'еп'ер' мн'е из л'ёсу н'е выит'и / нав'ерно он заеу жёншыну
эту // потом ја кр'икнула / Сон'а // она г'олос подала / мы пр'ишл'и / што
буд'им д'елат' // даваи чист'ит' гр'ибы // так у м'ен'а и н'ету // ја говор'у /
ты нав'ерно высыпала / по д'ереву хлопала в'едром и высыпала // она
говор'ит / а ја н'е помн'у / раз'в'е ја хлопала // она посл'е з'ово домби
пр'ишл'и / забол'ела гр'би сутк'и л'ежала // а ја г'олос п'ер'ервала //

Вот пожежал'и мы на покос / појехал'и на покос к'илбм'етроф за вос'ем'-
нацат' // ну хоз'аин спуст'ил лошат' / ну ид'и. Шар'ик / гул'ай // мы это
кос'им / Шар'ик фс'о туд звон'ил // потом ст'ихло / н'е слышно стало
колокола // он прошоу / надо-ста пров'ер'ит' / нав'ерно дал'еко ушоу //
пошоу / н'ету н'ету / н'е в'идат' // ну / нав'ерно / говор'ид домои ушоу //
на фторби д'ен' мы пожн'у выкос'ил'и / пошл'и домби / пр'ишл'и кон'а
н'ет // он ход'иу ход'иу / искау искау / н'е нашоу // потом пр'иход'ит цы-
ган // а это жёншына-то и говор'и / хоз'аика // цыган / н'е знаиш л'и ч'евб'
у нас лошат' пот'ер'алаз дак... ч'евб'н'ибут' // а он и говор'ит / как н'е знаиу /
знаиу // јес'л'и узд'ечка / котора была посл'едн'и рас на голов'е // Она
говр'ит јес' // ну / посмотр'ел там што-то и говор'ит // ваша лошатка гул'ае
у оз'ера ил'и р'ечк'и // токо сам'и н'е ход'ит'е искат' / а ково'н'ибут' чужых
отпраф'те // пошл'и муш'ины ч'егыр'е ч'елов'ека / искал'и искал'и / н'е
нашл'и // потом эта лошатка пр'ишла на покос // там муш'ина да жёнш'ина
кос'ил'и и эту лошатку поимал'и на покос'е //

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аванесов Р.И.* Очерки русской диалектологии. М., Учпедгиз, 1949.
2. *Аванесов Р.И.* Из истории русского вокализма. Звуки *и* и *ы*. — В кн.: *Рефоматский А.А.* Из истории отечественной фонологии. М., Наука, 1972.
3. *Аванесов Р.И.* Русское литературное произношение. М., Просвещение, 1972.
4. *Аванесов Р.И.* Фонетика современного русского литературного языка. М., 1956.
5. *Азарх Ю.С.* Отверждение парных мягких согласных перед гласными в вологодско-кировских говорах. — В кн.: Очерки по фонетике севернорусских говоров. М., Наука, 1967.
6. *Альмухамедова З.М., Кульшарипова Р.Э.* Редукция гласных и просодия слова в окающих русских говорах. Изд-во Казанского ун-та, 1980.
7. *Андреева Л.К.* Новые сочетания согласных *с* и *ж* в восточнославянских языках. — В кн.: Материалы и исследования по русской диалектологии, т. III. М., 1962.
8. *Барышникова К.К.* О фразовых ударениях и слоговой выделенности в современном французском языке. — В кн.: Экспериментальная фонетика. Минск, 1976.
9. *Бенвенист Э.* Уровни лингвистического анализа. В кн.: Новое в лингвистике, вып. V. М., 1965.
10. *Богомазов Г.М., Пауфошима Р.Ф.* О влиянии структуры слова на восприятие русского ударения. (В печати).
11. *Бондарко Л.В.* Осциллографический анализ речи. Л., 1965.
12. *Бондарко Л.В., Вербицкая Л.А., Гордина М.В., Зиндер Л.Р., Касевич В.Б.* Стили произношения и типы произнесения. — ВЯ, 1974, № 2.
13. *Бондарко Л.В., Зиндер Л.Р.* Фонетическая характеристика различных типов синтаксических отношений в нивхском языке. — ВЯ, 1962, № 4.
14. *Брок Олаф.* Списание одного говора из юго-западной части Тотемского уезда. — Изв. ОРЯС. СПб., 1907.
15. *Брызгунова Е.А.* Анализ русской диалектной интонации. — В кн.: Экспериментально-фонетические исследования в области русской диалектологии. М., 1977.
16. *Брызгунова Е.А.* Интонация и смысл предложения. — Русский язык за рубежом, 1967, № 1.
17. *Васильев Л.В.* Магнитофон-сепаратор для фонетических исследований. — В кн.: Экспериментально-фонетические исследования в области русской диалектологии. М., 1977.
18. *Васильев Л.Л.* О значении каморы в некоторых древнерусских памятниках XVI—XVII веков. К вопросу о произношении звука *о* в великорусском наречии. Л., 1929.
19. *Васильева А.К.* Специфика позиционного поведения губных спирантов в говорах севернорусского наречия. — В кн.: Диалектология и лингвогеография русского языка. М., 1981.
20. *Высотский С.С.* О говоре д. Лека. — В кн.: Материалы и исследования по русской диалектологии, т. II. М., 1949.
21. *Высотский С.С.* О звуковой структуре слова в русских говорах. — В кн.: Исследования по русской диалектологии. М., 1973.
22. *Высотский С.С.* Определение состава гласных фонем в связи с качеством звуков в севернорусских говорах. — В кн.: Очерки по фонетике севернорусских говоров. М., 1967.
23. *Высотский С.С.* Работы Е.Ф. Будде о рязанских говорах в свете новых данных. — Бюллетень диалектологического сектора Ин-та русск. яз. АН СССР. М., 1949, вып. 6.
24. *Высотский С.С.* Экспериментально-фонетические исследования в области русской диалектологии. — В кн.: Экспериментально-фонетическое изучение русских говоров. М., 1969.
25. *Высотский С.С.* Юго-западные подмосковные говоры. К проблеме пере-

- ходных говоров. Канд. дис. М., 1941.
26. *Галева М.М.* Спектральные характеристики русских гласных в зависимости от фразового ударения (к вопросу о роли тембра в составе интонации). — Труды УДН им. П. Лумумбы, 1967, т. XXII, вып. 2.
  27. *Грандильевский А.* Родина Михаила Васильевича Ломоносова. — Сб. ОРЯС имп. АН, т. LXXXIII, № 5, СПб, 1907.
  28. *Дыбо В.А.* Древнерусские тексты и праславянское ударение. — ВЯ, 1969, № 6.
  29. *Дыбо В.А.* О фразовых модификациях ударения в праславянском. — Сов. славяноведение, 1971, № 6.
  30. *Живов В.М.* Типология сочетаний согласных в русских говорах. — ВЯ, 1971, № 2.
  31. *Зализняк А.А.* Протипоставление букв *o* и *ω* в древнерусской рукописи XIV века "Мерило праведное". — Сов. славяноведение, 1978, № 5.
  32. *Земская Е.А.* Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. М., 1979.
  33. *Зиндер Л.Р.* Влияние темпа речи на образование отдельных звуков. — Уч. зап. ЛГУ, 1964, № 325. Вопросы фонетики.
  34. *Зиндер Л.Р.* Общая фонетика. Изд. 2-е. М., Высшая школа, 1979.
  35. *Златоустова Л.В.* и др. Исследование длительности неударных гласных в зависимости от фразовых условий. — В кн.: Семантические и фонологические проблемы прикладной лингвистики. М., 1968.
  36. *Златоустова Л.В., Банин А.А.* Об иерархии уровней ритмического компонента русской речи. — Вестник МГУ, 1978, № 2.
  37. *Златоустова Л.В.* Фонетическая структура слова в потоке речи. Казань, 1962.
  38. *Иванова-Лукьянова Г.Н.* Об ударности динамически неустойчивых слов. — В кн.: Развитие фонетики современного русского языка. М., 1971.
  39. *Иванова-Лукьянова Г.Н.* Приемы оценки ритмичности текста. — Уч. зап. МГПИ им. В.И. Ленина, 1968, № 292.
  40. *Иванова-Лукьянова Г.Н.* Ритмика русской прозы. Канд. дис. М., 1969.
  41. *Иванов Вяч.Вс.* К синхронной и диахронической типологии просодических систем с ларингализованными или фарингализованными фонемами. — В кн.: Очерки по фонологии восточных языков. М., 1975.
  42. *Иванов Вяч.Вс.* Отражение правил индоевропейской синтаксической акцентуации в микенском греческом. — *Balkanica*, М., 1979.
  43. Интонация. Киев, 1978.
  44. *Касаткин Л.Л.* Гласные одного вологодского говора, не знающего противопоставления согласных по твердости-мягкости. — В кн.: Исследования по русской диалектологии. М., 1973.
  45. *Касаткин Л.Л.* Об одном фонетическом гиперизме в смоленских и калининских говорах (с'т' на месте с'с). К методике реконструкции диалектов прошлых эпох. — В кн.: Диалектология и лингвогеография русского языка. М., 1981.
  46. *Каринский Н.М.* О говорах восточной половины Бронницкого уезда. — ИОРЯС, 1903, т. VIII, кн. 1—2.
  47. *Кодзасов С.В.* Фонетический эллипсис в русской разговорной речи. — В кн.: Теоретические и экспериментальные исследования в области структурной и прикладной лингвистики. Изд-во МГУ, 1973.
  48. *Ковтунова И.И.* Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения. М., 1976.
  49. *Колесов В.В.* Северновеликорусские чередования согласных, парных по глухости—звонкости. — Вестник МГУ, 1963, № 2.
  50. *Колесов В.В.* Функциональная система вокализма в традиционных севернорусских говорах. — В кн.: Вопросы изучения северновеликорусских говоров и памятников письменности. Материалы Межвузовской конференции. Краткое содержание докладов. Череповец, 1970.
  51. *Колесов В.В.* Фонетические условия заонежского "яканья". — В кн.: Русские говоры. М., 1975.
  52. *Колесов В.В.* Ударение в древнерусском сочетании с "еровым" предлогом. — ВЯ, 1966, № 6.
  53. *Колесов В.В.* Просодические диалектные признаки в истории русского языка. — ВЯ, 1974, № 1.
  54. *Колесов В.В.* Словесное ударение в пинежских говорах. — В кн.: Севернорусские говоры, вып. 1. Изд-во ЛГУ, 1970.

55. Кузнецов П.С. К вопросу о фонематической системе современного французского языка. — Уч. зап. МГПИ им. В.И. Ленина. Каф-ра русского языка, 1941, т. V, вып. 1.
56. Кузнецов П.С. О говорах Верхней Пинеги и Верхней Тоймы. — В кн.: Материалы и исследования по русской диалектологии, т. I. М.—Л., 1949.
57. Кузнецов П.С. О фонологической системе сербохорватского языка. — Изв. ОЛЯ АН СССР, 1948, т. VII, вып. 2.
58. Кузнецова А.М. Разновидности способа образования согласных в русских говорах. — В кн.: Экспериментально-фонетические исследования в области русской диалектологии. М., 1977.
59. Лаптева О.А. Русский разговорный синтаксис. М., 1976.
60. Николаева Т.М. Стихотворная и прозаическая строки: первичное и моделированное. Вальсана. М., 1979.
61. Николаева Т.М. Фразовая интонация славянских языков. М., 1977.
62. Панкрац Г.Я. Об интонации и ее основных компонентах (на материале русского и немецкого языка). — Уч. зап. Алмаатинского пед. ин-та им. Абая. Алма-Ата, 1959.
63. Панов М.В. Русская фонетика. М., 1967.
64. Панов М.В. О строении заударной части слова. — В кн.: Проблемы современной филологии. М., 1965.
65. Пауфошма Р.Ф. Активные процессы в современном русском литературном произношении (ассимилятивные измерения безударных гласных). — Изв. ОЛЯ АН СССР. Сер. лит-ры и языка, 1980, т. 39, № 1.
66. Пауфошма Р.Ф. Некоторые вопросы, связанные с категорией глухости-звонкости согласных в говорах русского языка. — В кн.: Экспериментально-фонетическое изучение русских говоров. М., 1969.
67. Пауфошма Р.Ф. О темпе речи в некоторых русских говорах. — В кн.: Русские говоры. М., 1975.
68. Пауфошма Р.Ф. Согласные неполного смягчения перед гласными переднего образования в говорах Харовского р-на Вологодской обл. — В сб.: Материалы и исследования по русской диалектологии, вып. 2. М., 1961.
69. Пешковский А.М. Стихи и проза с лингвистической точки зрения. (сб. статей.) Л.—М., 1925.
70. Пирогова Н.К. Полумягкие согласные в современном русском языке. — Вестник МГУ, 1970, № 1.
71. Поливанов Е.Д. Субъективный характер восприятий звуков языка. — В кн.: Статьи по общему языкознанию. М., 1968.
72. Реформатский А.А. Иерархия фонологических единиц и явления сиггармонизма. — В сб.: Исследования по фонологии. М., 1966.
73. Реформатский А.А. Из истории отечественной фонологии. М., 1970.
75. Реформатский А.А. О соотношении фонетики и грамматики. — В кн.: Из истории отечественной фонологии. М., 1970.
75. Розанова Н.Н. Суперсегментные средства русской разговорной речи (на материале ударения в потоке речи). Канд. дис. М., 1978.
76. Русская диалектология. Под ред. Р.И. Аванесова и В.Г. Орловой. М., 1964.
77. Русская разговорная речь. М., 1973.
78. Селищев А.М. Избранные труды. М., 1968.
79. Светозарова Н.Д., Шербакова Л.П. Роль изменения частоты основного тона в восприятии ударения в изолированных словах и предложениях (тезисы докладов 6-го Всесоюзного семинара "Автоматическое распознавание слуховых образов"). Таллин, 1972.
80. Селезнева И.С. Восприятие словесного ударения. — Уч. зап. МГПИИЯ им. М. Тореза, 1960, т. 18.
81. Трубецкой Н.С. Основы фонологии. М., 1965.
82. Успенский Б.А. Проблемы лингвистической типологии в аспекте различения "говорящего" (адресанта) и "слушающего" (адресата). — In: To honor Roman Jakobson. The Hague — Paris, 1967.
83. Федорова Н.А. Восприятие ударения в простой звуковой последовательности. — В кн.: Анализ речевых сигналов человеком. Л., 1971.
84. Физические основы современных фонетических процессов в русских говорах. Ред. С.С. Высотский. М., 1978.
85. Цеплитис Л.К. Анализ речевой интонации. Рига, 1974.

86. *Чистович Л.А., Венцов А.В., Гранстрем М.П.* и др. Физиология речи. Восприятие речи человеком. Л., 1976.
87. *Шведова Н.Ю.* Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М., 1960.
88. *Шерба Л.В.* Фонетика. – БСЭ, т. 58. М., 1936.
89. *Jespersen O.* Lehrbuch der Phonetik. Leipzig – Berlin, 1926.
90. *Kasatkin L.L., Paufoshima R.F.* The use of the segmenting apparatus in the analysis of the vocalism of Russian dialects. – In: The processing of the dialectological data. Tallinn, 1981.
91. *Nikolayeva T.M.* The prosodic parameters of word stress and their dependence on the place of stress in a word and on the type of stress in a given language (fixed or not fixed). – In: Estonian papers in phonetics. Tallinn, 1978.
92. *Potapova R.K.* Some timing characteristics of spoken Russian. – In: Proceedings of the speech communication seminar, v. 2. N.-Y., 1976.
93. *Öhman S.E.G.* Peripheral motor commands in labial articulation. – STL – QPSR, 4. Stockholm, 1967.
94. *Öhman S.E.G.* Numerical model of coarticulation. – YASA, 41, 1967.
95. *Öhman S.E.G.* Coarticulation in VCV utterances. – YASA, 39, 1966.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Просодия фразы в севернорусских говорах	5
Динамические характеристики фразы	8
Темпоральные характеристики фразы	14
Зависимость реализации гласных неверхнего подъема от позиций в севернорусских говорах	20
Реализация фонем <ω>, <o>, <ѡ>, <e>	20
Реализация фонем <a>, <o> после нетвердых согласных	37
Фонетические изменения в сегментном составе слова в севернорусских говорах	42
О количественной и качественной редукции гласных	42
Звуковой эллипсис	48
Некоторые особенности сандхи	55
Некоторые наблюдения над ритмической организацией спонтанной речи в севернорусских говорах	63
Заключение	78
Приложение (звуковая хрестоматия)	80
Литература	106

Розалия Францевна Пауфшима
ФОНЕТИКА СЛОВА И ФРАЗЫ
В СЕВЕРНОРУССКИХ ГОВОРАХ

*Утверждено к печати
Институтом русского языка АН СССР*

Редактор издательства

Л.М. Гаврилова

Художник

В.А. Кобрин

Художественный редактор

Т.П. Поленова

Технический редактор

Н.А. Торгашова

ИБ № 26735

Подписано к печати 29.03.83.

Формат 60x90 1/16. Бумага офсетная № 1

Печать офсетная. Усл.печ.л. 7,0

Усл.кр.-отт. 7,3. Уч.-изд.л. 8,1

Тираж 1100 экз. Тип.зак. 153

Цена 1 р. 20 к.

Издательство "Наука"

117864 ГСП-7, Москва, В-485,

Профсоюзная ул., д. 90

Ордена Трудового Красного Знамени

1-я типография издательства "Наука"

199034, Ленинград, В-34, 9-я линия, 12